

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

К 25-ЛЕТИЮ
СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО КУЛЬТУРЕ
ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ
И СЕВЕРНОГО
КАЗАХСТАНА**

МОСКВА
2019

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
Сибирский филиал

**Культурологический сборник:
исследования по культуре Западной Сибири
и Северного Казахстана**

К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия

Москва
2019

УДК 009+304.4+378+39+93
ББК 63.5+63.3+71.4

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук И.А. Селезнева (гл. ред.),
канд. ист. наук Т.Н. Золотова (отв. ред.),
канд. ист. наук Ю.Р. Горелова (ред.),
К.Ю. Смирных (тех. ред.)

Рецензенты:

канд. ист. наук С.Н. Корусенко
канд. ист. наук И.В. Чернова

К 90 **Культурологический сборник:** исследования по культуре Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия / гл. ред. И.А. Селезнева; отв. ред. Т.Н. Золотова; ред. Ю.Р. Горелова. – М.: Институт Наследия, 2019. – 169 с.
ISBN 978-5-86443-272-3

Сборник научных статей посвящен 25-летнему юбилею Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, образованного в 1993 г. как Сибирский филиал Российского института культурологии.

Часть статей сборника является результатом работы Круглого стола «Культурное наследие Сибири: проблемы методологии и историографии», состоявшегося в Омске 19 апреля 2018 г. и посвященного 25-летию основания сибирского центра культурологических исследований. В них отражены предпосылки институционализации гуманитарной науки в Сибири, история создания филиала, его жизнедеятельности, взаимодействия с другими научными центрами Сибирского региона и России в целом.

Другая часть сборника отражает современные исследования в области культурного ландшафта и культурного наследия на приграничных территориях России и Казахстана, играющих важную роль в международных коммуникациях двух стран. Представлены результаты изучения историко-культурного потенциала территорий, новые способы трансляции культуры и общения в интернет-пространстве, исследовательские и социокультурные тренды в области культурного наследия.

Сборник рассчитан на специалистов в области культурологии, этнографии, краеведения и всех тех, кто интересуется историей науки и культурой народов России.

УДК 009+304.4+378+39+93
ББК 63.5+63.3+71.4

© Коллектив авторов, 2019
© Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2019

ISBN 978-5-86443-272-3

Содержание

Раздел I ***Научные центры Западной Сибири*** ***в социокультурном пространстве региона***

<i>Томилов Н.А.</i>	Гуманитарные исследования омских ученых в рамках Российского института культурологии	5
<i>Генова Н.М.</i>	Региональная культурная политика: история и современные реалии	11
<i>Золотова Т.Н.</i>	25 лет научной жизни во имя сохранения культурного наследия	17
<i>Селезнева И.А.</i>	Сибирский филиал Института Наследия: преемственность в развитии (2014–2017 гг.)	46
<i>Фурсова Е.Ф.</i>	Становление и развитие отдела этнографии в Новосибирском научном центре (1960–2000-е гг.)	53

Раздел II ***Культурные ландшафты сибирских городов:*** ***изучение и созидание***

<i>Алисов Д.А.</i>	Культурный ландшафт городов Сибири: мировой урбанизм и советская модель урбанизации	62
<i>Гефнер О.В.</i>	Культурный ландшафт Новосибирска в 1950–1980-е годы	72
<i>Горелова Ю.Р.</i>	Культурный ландшафт малого города в восприятии жителей (по материалам опроса жителей Называевска Омской области)	86
<i>Петренко О.В.</i>	20 лет созидания культурного ландшафта Омска профессором Валентиной Георгиевной Рыженко	91

Раздел III
Культурное наследие на приграничных территориях
России и Казахстана:
исследовательские практики и социокультурные тренды

<i>Шелегина О.Н.</i>	
Наследие и идентичность: исследовательские и социокультурные тренды	109
<i>Горелова Ю.Р.</i>	
Историко-культурный потенциал территории – фактор обеспечения культурной преемственности и формирования позитивного образа территории	125
<i>Сураганова З.К.</i>	
Нематериальное культурное наследие в правовом поле Казахстана: проблемы и перспективы развития	134
<i>Бакулина С.Д.</i>	
Культурное наследие региона: актуальные формы трансляции представлений о ценности места и знакомства с территорией	142
<i>Межевских И.В., Смирных К.Ю.</i>	
Семейная обрядность русских Среднего Прииртышья середины XX – начала XXI века как объект культурного наследия	146
<i>Сарманова С.Р.</i>	
Традиционная утварь немцев Западной Сибири	153
<i>Горелова Ю.Р., Хилько Н.Ф.</i>	
Организационные формы реализации педагогических технологий в системе медиаобразования	156
<i>Гутьера В.И.</i>	
Формирование кибердействительности: сетевое пространство экопоселенцев	162
<i>Сведения об авторах</i>	168

Раздел I НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Н.А. Томилов

Гуманитарные исследования омских ученых в рамках Российского института культурологии

Аннотация. Дано определение культурологии как науки о множественности культур. Статья содержит изложение истории создания в Омске в 1993 г. Сибирского филиала Российского института культурологии и его деятельности. Характеризуется роль директора Российского института культурологии К.Э. Разлогова в создании в Омске культурологического научного центра, рассказывается о его поддержке издания журнала «Культурологические исследования в Сибири», о лекциях по культурологии и участии в научных конгрессах и конференциях в Омске.

Ключевые слова: культурология, множественность культур, культурологический журнал, культурологическое образование, источники формирования культурологии, история, социология, философия, гуманитарные науки.

Сегодня культурология в России, как известно, прочно вошла в системы российской науки и вузовского образования, хотя в ряде вузов (особенно в коммерческих) ее начинают сокращать или кое-где даже изгонять. Но последнее связано, видимо, с кризисными явлениями, в том числе с демографической ситуацией, породившей остроту конкуренции в деле набора студентов на первый курс. Надеемся, что это временные обстоятельства.

В нашем омском образовательном обществе мы видим такие же проявления. Но для нас более значимо в сфере культурологического образования то, что сама культурология понимается не просто как история мировой культуры (что часто бывает в ее преподавании), а как самостоятельная наука о множественности культур и их роли в социокультурной сфере жизнедеятельности человечества. Эта наука образует целое семейство культурологических наук и культурологических субдисциплин в ряду гуманитарных наук. В их составе философия культуры, социальная культурология, историческая культурология, этнокультурология, музееведение (музеология), прикладная культурология, культурология городского пространства, структурная культурология и др.

Значительную роль в разработке омскими учеными проблем культурологии сыграло научное творчество ученых ведущего культурологического учреждения в нашей стране – Российского института культурологии. А директор этого института, профессор К.Э. Разлогов, внес непосредственный вклад в становление и развитие омского культурологического центра. Прежде всего, это выразилось в создании в 1993 г. в Омске научного учреждения – Сибирского филиала Российского института культурологии (РИК). Помню, шел 1992 г., когда меня пригласили в Москву, и в беседе с К.Э. Разловым и академиком Е.П. Челышевым обсуждался вопрос о создании филиала в Омске. Это было трудное, фактически кризисное для России время, но процесс развития науки продолжался, и в феврале 1993 г. филиал был создан. В 2010 г. в его шести секторах трудились 30 сотрудников, в том числе 7 докторов и 13 кандидатов наук.

Развернувшееся в последние годы реформирование российской науки коснулось и ведомственных научных учреждений. В 2014 г. Министерство культуры Российской Федерации приняло решение фактически о ликвидации старейшего культурологического научного учреждения – РИКа. Сибирский филиал РИК был передан в состав другого института и стал называться Сибирским филиалом Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Следует прямо сказать, что РИК за свои 82 года функционирования имел выдающиеся научные и научно-организационные достижения, стал признанным мировым научным сообществом крупнейшим российским культурологическим научным центром. И этот уникальный опыт создания культурологической научной школы и целого семейства культурологических дисциплин, безусловно, должен быть обстоятельно изучен, несмотря на то, что поэтапно результаты работы РИК освещены в статьях Э.А. Шулеповой¹. В данной статье нами освещается вопрос о вкладе РИКа в развитие гуманитарных, прежде всего культурологических исследований в Омске, в создание сибирского культурологического научного центра. Значительную роль в этом процессе сыграл директор РИКа, профессор, доктор искусствоведения Кирилл Эмильевич Разлогов, об этом здесь, прежде всего, пойдет речь.

Научные исследования в Сибирском филиале РИК, как было сказано выше, проводились шестью секторами: локальных культурно-исторических процессов; социально-культурных аспектов урбанизации Сибири; национальных культур и межнациональных культурных отношений; сохранения и использования культурного наследия; региональной культурной политики; научной информации. Сибирский филиал РИК функционировал 21 год, и итоги его деятельности, в т. ч. работы секторов подводились поэтапно и публиковались в обзорных статьях, к которым мы и отправляем наших читателей².

И все же приведем общую оценку деятельности Сибирского филиала РИК, данную в 2008 г. заместителем директора РИК Э.А. Шулеповой: «Активно продолжая заложенную практически изначально тенденцию изучения культуры российской провинции, институт обогатился работой Сибирского филиала в Омске (создан в 1993 г.), где появилась возможность для РИК перейти от анализа историко-культурологических исследований российской провинции на материалах Европейской России и включить в исследовательские рамки территорию Азиатской России. И здесь особо хочется отметить активнейшее участие директора Сибирского филиала, доктора исторических наук, профессора Н.А. Томилова в международных конференциях РИК, где мне неоднократно приходилось совместно с ним вести секции по проблемам культурного наследия или слушать его доклады на пленарных заседаниях международных конференций. Работа Омского филиала представляется весьма продуктивной, что отражено в многочисленных конференциях этого филиала, его семинарах, симпозиумах и, главное, многочисленных, высококачественных публикациях. Как, к примеру, в уникальном периодическом журнале «Культурологические исследования в Сибири» (главный редактор Н.А. Томилов), так и в отдельных публикациях последнего времени: Рыженко В.Г. «Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методы исследования» (Екатеринбург; Омск, 2003); Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. «Пространство советского города (1920–1950 гг.): Теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики» (Омск, 2004); Захарова И.В., Томилов Н.А. «Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XX вв. Омский этнографический центр» (Омск, 2007); Вибе П.П. «Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект» (Омск, 2007) и др.³

А теперь снова о роли РИК в развитии культурологических исследований в Омске. Еще один шаг К.Э. Разлогова в развитии омской культурологии – это его поддержка издания омскими учреждениями (Сибирским филиалом РИК, Омским государственным университетом имени Ф.М. Достоевского и Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН) российского журнала «Культурологические исследования в Сибири». Начиная с 1999 г. сам Кирилл Эмильевич сразу же вошел в состав редакционной коллегии этого журнала, печатал в нем свои статьи.

Первый номер журнала открылся обращением К.Э. Разлогова к создателям этого издания, которое начиналось следующими словами: «Приветствую появление нового альманаха «Культурологические исследования в Сибири». Этот альманах – еще одно свидетельство

того, что в сибирском регионе культурологические исследования в последние годы приобретают все больший масштаб и значение»⁴. Всего за годы существования этого периодического издания (1999–2015 гг.) свет увидели 45 номеров, в которых опубликовали свои работы ученые и практические работники сферы культуры из более чем 30 городов России, а также из Азербайджана, Германии, Израиля, Казахстана, Китая, Монголии и Японии⁵.

К.Э. Разлогов ежегодно бывал в Омске – либо работал в качестве председателя Государственной аттестационной комиссии в Омском государственном университете имени Ф.М. Достоевского (ОмГУ), либо читал лекции перед студентами, аспирантами и докторантами, либо участвовал в научных форумах (конгрессах и конференциях), организуемых в Омске.

Очень значимым и полезным было чтение К.Э. Разлоговым в ОмГУ в октябре 2002 г. курса лекций по культурологии. Это случилось благодаря тому, что кафедра этнографии и музееведения ОмГУ, пройдя в 2000 г. конкурсный отбор, стала участницей проекта Института открытого общества «Развитие образования в России». Тогда лекции в ОмГУ читали профессора А.В. Головнев (Екатеринбург), К.Э. Разлогов, Е.Б. Рашковский, П.И. Пучков, В.А. Тишков, Я.В. Чеснов (Москва). Одна из лекций К.Э. Разлогова о методологических основаниях культурологии была опубликована в нашем журнале⁶. В ней он обосновал положение о том, что культурология формировалась на пересечении нескольких научных подходов и методических инструментариев. Основное внимание он уделил выявлению и характеристике источников для формирования культурологии – это исторические (в т. ч. этнографические), социальные (общественные) науки и гуманитарные дисциплины (филология, философия и искусствоведение).

Мы, омичи, благодарны Кириллу Эмильевичу за то, что он не делал разницы между так называемыми «столичной» и «провинциальной» науками. Он всегда приглашал нас участвовать в крупных культурологических форумах, проводимых Российским институтом культурологии, не раз давал возможность омичам выступать с докладами на пленарных заседаниях международных научных конференций и культурологических конгрессов. Лично для меня особо значимым было приглашение принять участие в Международной научной конференции «Этнология – антропология – культурология», прошедшей в Москве в апреле 2008 г., где мне было поручено сделать один из основных докладов на тему «Этнология и ее субдисциплины: объектно-предметные области и вопросы периодизации»⁷. А сам К.Э. Разлогов выступил тогда с заглавным докладом «Культурология в контексте социальных и гуманитарных наук»⁸.

Когда К.Э. Разлогову исполнилось 60 лет, мы опубликовали юбилейную статью Ю.М. Резника (он тоже являлся надежным соратником омских гуманитариев) «Феномен Кирилла Разлогова: взгляд “со стороны”»⁹. Юрий Михайлович закончил свою статью следующей оценкой личности Кирилла Эмильевича: «Итак, перед нами автор и лидер “хранитель” и новатор, принципал, публичный человек и профессионал в одном лице. Он всегда находится в центре событий, является инициатором научных и культурных новшеств. Одним словом, человек, чье имя уже при жизни вписано в историю науки и кино»¹⁰.

Солитаризируясь с такой оценкой личности и деятельности К.Э. Разлогова, подчеркну, что за прошедшие после такого юбилея годы его авторитет как главы отечественной культурологической научной школы еще более вырос. За эти же годы еще больше возросло наше (омичей) искреннее уважение к этому выдающемуся ученому и замечательному человеку. Мы благодарны судьбе за то, что позволила нам часто встречаться с ним и тесно сотрудничать на благо российской и, в целом, мировой науки.

Возвращаясь к результатам более чем 20-летней деятельности Сибирского филиала РИК, заметим, что они во многом уникальны как в сфере фундаментальных, так и в области прикладных исследований. Каждое научное направление этого учреждения желательно осветить в плане получения новых научных достижений. Такой обзор был сделан относительно результатов Сибирского филиала РИК в проведении музееведческих исследований¹¹. Но, возможно, что в таком, почти историографическом, исследовании желателен и монографический подход.

Примечания

¹ *Шулепова Э.А.* К 70-летию Российского института культурологии: этапы, исследователи, проблемы // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 1. – С. 5–12; *Она же.* РИК от юбилея к юбилею: взгляд (к 75-летию Российского института культурологии) // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 5–11.

² *Алисов Д.А., Томилов Н.А.* Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии за 15 лет // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 11–26; *Они же.* Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии за 5 лет (2008–2012 годы) // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 5–17; *Томилов Н.А.* Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации: первое десятилетие // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 5–22.

³ Шулепова Э.А. РИК от юбилея к юбилею: взгляд (к 75-летию Российского института культурологии)... С. 7.

⁴ Приветственное слово доктора искусствоведения Кирилла Эмильевича Разлогова // Культурологические исследования в Сибири. – 1999. – № 1. – С. 3.

⁵ *Tomilov N., Tomilova B.* The journal «Cultural Research in Siberia» and its place in the study of history and culture (on the 10th anniversary of its founding) // Experiment, Los Angeles, California USA. – 2009. – Vol. 15. – P. 142–148; *Томилов Н.А., Томилова В.С.* Журнал «Культурологические исследования в Сибири» и его вклад в изучение истории и культуры региона (к 10-летию издания журнала) // Вестник Омского университета. – 2009. – № 3. – С. 9–13.

⁶ *Разлогов К.Э.* Методологические основания культурологии // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 1. – С. 32–39.

⁷ *Томилов Н.А.* Этнология и ее субдисциплины: объектно-предметные области и вопросы периодизации // Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия. – М., 2009. – С. 33–40; 59–59.

⁸ *Разлогов К.Э.* Культурология в контексте социальных и гуманитарных наук // Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия. – М., 2009. – С. 15–19.

⁹ *Резник Ю.М.* Феномен Кирилла Разлогова: взгляд «со стороны» // Культурологические исследования в Сибири. – 2006. – № 2. – С. 9–16.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ *Томилов Н.А.* Сибирский филиал Российского института культурологии: вклад в российское музееведение // Декабрьские диалоги : материалы Всерос. (с международным участием) науч. конф. памяти Ф.В. Мелехина. – Омск, 2017. – Вып. 20. – С. 81–84.

Региональная культурная политика: история и современные реалии

Аннотация. В статье актуализируется содержание региональной культурной политики в современных условиях в России. В результате сравнительного анализа представлена динамика развития культуры региона. Предложены методы формирования региональной культурной политики. Автор предлагает провести научный анализ модернизационно ориентированного потенциала культурной политики на основе региональной и национальной идентичности, различных форм культурного капитала, гражданской активности и самовыражения населения.

Ключевые слова: регион, культурная политика, модернизация, ценностное содержание, научность, традиции, идентичность.

Понятие «регион» определяется в современной российской науке как особая сфера территорий Российской Федерации, которая требует в силу определенной местной специфики особого правового и политического регулирования. Второе значение этого понятия – территориальный комплекс, входящий в пространство определенного субъекта Российской Федерации, который объединяется для обеспечения общих экономических, культурных и политических интересов.

При этом региональная политика – сфера локализации государственной политики в определенном направлении, которая решает задачу оптимизации общегосударственных целей и интересов с особенностями развития отдельных субъектов Российской Федерации, а также – иных региональных образований. Региональная политика осуществляется исключительно на конституционных принципах, в частности тех, которые определяют федеральную структуру России. Это, в первую очередь, комплекс мер, способных обеспечить целостность государства как единого пространства и, в то же время, особенность региона, имеющего своеобразие, выражающееся в децентрализации, выравнивании экономических и социальных условий разных регионов. Региональная политика направлена на развитие отношений между регионами, реализацию условий местного самоуправления. И поэтому не удивительно, что действенность региональной политики определяется активностью участия самих регионов в выработке и реализации своих приоритетов.

Правовым полем действия региональной политики является совокупность всевозможных договоров относительно предметов веде-

ния и полномочий между органами государственной власти субъекта Федерации и взаимной передачи ими тех или иных полномочий¹.

В свою очередь, государственная культурная политика Российской Федерации подразумевает совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры. Сюда входит также сама деятельность государства в области культуры². Современное понимание оптимальной государственной политики актуализируется в Указе Президента России «Основы государственной культурной политики» (2014 г.).

Следует иметь в виду, что государственная культурная политика определяется некоторой совокупностью универсальных общечеловеческих норм и ценностей, отечественных традиций. Иными словами, культурная политика предполагает действия, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности, которые осуществляются органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, на основе присущей российскому обществу системы ценностей³. Уникальность и своеобразие государственного и регионального звеньев культурной политики поддерживается особенностями развития регионов.

Исследователь В.Е. Белановский полагает, что «в политике государства в области культуры можно выделить три модели: во-первых, консервативная модель, которая исходит из особого пути России и её исторического развития; во-вторых, коммерческая, предполагающая интеграцию России в мировую экономическую и культурную системы; в-третьих, модель диалога культур, которая основывается на партнерском участии России в мировом культурном развитии и позволяет поддерживать социокультурную динамику в стране»⁴. Думается, что наиболее приемлемо сочетание коммерческой и диалоговой моделей культурной политики.

Возникает необходимость дальнейшего исследования взаимосвязи региональной культурной политики с реальной инфраструктурой культурного пространства региона. Это требует разработки новых моделей культурной политики, отражающих своеобразие региона, стратегию и тактику, способствующую рациональному использованию ресурсов культурного развития. Более того, региональная культурная политика может стать организующим фактором в дальнейшем развитии, модернизации инфраструктуры культуры региона.

Культурная политика в 1990-х годах в Омском регионе характеризуется активностью и целенаправленностью. Этого требовали объективные условия, связанные с политическим кризисом, экономическим и финансовым состоянием страны и регионов. Социокультурная жизнь

характеризовалась высокой степенью динамизма и напряжённостью. Разрушались ключевые элементы, на которых держались предыдущие порядки, а социально значимые, общепринятые отсутствовали. В этих условиях в обществе происходили массовое нарастание усталости, безразличия людей, деградация элитарных культурных ценностей. Кризис наблюдался и в подготовке кадров в системе высшего образования. Молодое поколение не получало знаний и навыков, адекватных ситуации, из-за низкого качества учебных программ. В то же время общество переживало очередной процесс «модернизации». Требовался переход региона на новый культурный уровень. Инфраструктура культуры нуждалась в модернизации.

Шёл поиск новых путей управленческой работы, дальнейшего развития учреждений культуры. В оптимизации управления нуждались все 2000 учреждений культуры Омского региона. Слаженная работа администрации региона, органов управления культуры способствовала укреплению материальной базы. В 1990-е годы Омскому музею изобразительных искусств им. М.А. Врубеля было передано и отремонтировано здание бывшего Торгового корпуса (1914 года постройки), были построены новое здание областной библиотеки им. А.С. Пушкина, открыты областной художественный музей «Либеров-центр» и музей Кондратия Белова, созданы драматический «Пятый театр», Сибирский культурный центр, Дом Дружбы, возведены новые дома культуры, открыт сельский зоопарк, парки, библиотеки, школы искусств в районах области (Большеречье, Муромцево, Полтавка, Седельниково, Тевриз, Калачинск и др.). Управление было преобразовано в Комитет по культуре и искусству.

Было принято решение о создании научного коллектива в составе московских и омских учёных для разработки первой концепции развития культуры Омской области. Были обозначены методы, с помощью которых должна была формироваться культурная политика – правовой, экономический, психологический, научный.

Всё выше сказанное свидетельствует о правильности принятого в 1993 г. решения о создании научно-исследовательского учреждения в Омском регионе. На вопрос о том, что такое «культура», отвечала культурология, определить же свою культурную принадлежность, самосознание человека в культуре могла философия культуры. Для дальнейших действий нужно было соединить практику с наукой. Будучи членом Федерального Совета по культуре и председателем Совета по культуре «Сибирского Соглашения» (1992–1998 годы), автор обратилась к Министру культуры РФ с предложением об открытии в Омске филиала научно-исследовательского института культурологии. Несмотря на то, что претендовали другие регионы, и не только в Сибири, решение было принято в пользу Омского региона,

где конструктивно выстраивалась модель региональной культурной политики. В регионе понимали, что цели, задачи, содержание региональной культурной политики невозможно далее формировать и реализовывать без специальных научных изысканий и аналитических результатов.

За 25-летний период деятельности сибирского филиала НИИ культурологии в Омске сформировалась целая плеяда сибирских учёных, уже имевших опыт научной деятельности и тех, кто только начинал свой творческий путь, которые внесли значительный вклад в развитие науки о культуре. Среди них можно назвать докторов исторических наук Н.А. Томилова, В.Г. Рыженко, В.П. Корзун, П.П. Вибе, А.Д. Алисова, доктора культурологии Г.Г. Волощенко, доктора педагогических наук Н.Ф. Хилько, кандидатов исторических наук Б.А. Коникова, В.А. Назимову, Т.Н. Золотову, И.А. Селезнёву, М.А. Жигунову, М.А. и С.Н. Корусенко, Ю.В. Трофимова, Ю.Р. Горелову, кандидата педагогических наук Л.В. Секретову и многих других. Каждый из них имеет глубокие, серьёзные разработки в разных областях культурологии и смежных с нею дисциплин⁵.

Как показало дальнейшее изучение опыта Омской региональной модернизационной культурной политики, необходимо проведение исследования по проблемам модернизации на основе единой концепции в трёх основных сферах жизнедеятельности социума – социально-экономической, социально-политической и социально-культурной, которое позволит внести определённые коррективы в стратегию развития культуры региона. Необходим научный анализ модернизационного потенциала развития культуры региона, формирования регионально ориентированной модели культурной политики.

Культура Омского Прииртышья впитала в себя культуру проживавших здесь ранее тюркских народов, пришедшего сюда в XVI в. русского народа, в том числе казачества, более поздних переселенцев разного этнического происхождения. После революции, в 1924 г. в Омской губернии имелось всего 6 изб-читален и 39 клубов. Сейчас на территории Омской области располагаются 1311 клубных учреждений, около 1000 библиотек. Культурная жизнь Омской области богата на события мирового масштаба, от локальных концертов до глобальных кино- и театральных фестивалей.

И всё же требуется переход к качественно новому уровню функционирования отраслей культуры. Для развития учреждений культуры обеспечение хотя бы среднего уровня культурной инфраструктуры требует совершенствования комплекса маркетинга с целью построения долгосрочных взаимоотношений с субъектами, оказывающими спонсорскую поддержку, создание законодательно закреплённой системы стимулирования меценатской деятельности бизнеса.

В 2017 г. в Омске состоялся форум «Культура – национальный приоритет». Форум рекомендовал осуществлять постоянный мониторинг хода реализации проектов «Местный дом культуры», «Театры малых городов», «Историческая память». Предложено активно вовлекать население в эту работу, обеспечить общественный контроль за качеством хода реализации проектов. К сожалению, в связи с проведением в регионе оптимизации с целью экономии финансовых ресурсов произошло закрытие учреждений культуры в малых деревнях. Особенно это касается северных регионов. Предлагается провести мониторинг в отдельных районах Омской области для разработки предложений по определению нормативов обеспеченности населения учреждениями культуры с учётом индивидуальных особенностей поселений региона и средств, предусмотренных в областном и муниципальных бюджетах на культуру.

На наш взгляд, необходима гармонизация Омской региональной программы «Культура и туризм», рассчитанной до 2020 года, в соответствии со Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года. Следует учесть обеспечение доступа населения к услугам в сфере культуры при планировании обустройства дорог с твёрдым покрытием; меры по привлечению и поддержке молодых специалистов в малых городах и сельской местности; меры по поддержке талантливой молодёжи и её профессионального становления; пожелания населения по развитию дистанционных форм работы учреждений культуры (точки доступа в библиотеках, виртуальные концертные залы, многофункциональные культурные центры); связи современной культуры с достижениями прошлых лет.

Примечания

¹ Конституция РФ. Ст. 11. Ч. 3. Ст. 78. Ч. 2, 3 [Электронный ресурс] // Конституция Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-11-krf>. (дата обращения: 10.10.2018).

² Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 05.12.2017) [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. – URL: <http://legalacts.ru/doc/osnovy-zakonodatelstva-rossiiskoi-federatsii-o-kulture-utv/> (дата обращения: 10.10.2018).

³ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Гарант : [сайт]. – URL: <http://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 10.10.2018).

⁴ *Белановский В.Е.* Государственная культурная политика в условиях модернизации российского общества (1991–2000 гг.). – М., 2005. – С. 29.

⁵ *Алисов Д.А.* Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.): монография. – Омск, 2006. – 337 с.; *Генова Н.М., Горелова Ю.Р.* Культурное пространство сибирского региона в 1990–2012 гг. Двадцатилетие реформ и развития: учебное пособие. – Омск, 2015. – 252 с.; *Генова Н.М., Горелова Ю.Р., Хилько Н.Ф.* Экология культуры и ландшафтная инфраструктура – ценностные основания культурной политики региона. – Омск, 2017. – 250 с.; *Золотова Е.Н.* Современное состояние календарной обрядности русского населения Среднего Прииртышья // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. – Омск, 1989. – С. 130–138; *Золотова Т.Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). – Омск, 2002. – 234 с.; *История и этнография немцев Сибири* /сост., науч. ред. П.П. Вибе. – Омск, 2009. – 752 с.; *Рыженко В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования : монография. – Екатеринбург; Омск, 2003. – 370 с.; *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск, 2004. – 72 с.; *Томилов Н.А.* Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). – Томск, 1993. – 222 с.

Т.Н. Золотова

**25 лет научной жизни
во имя сохранения культурного наследия**

Аннотация. В статье рассматривается история создания, научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии (1993–2014 гг.), преобразованного в Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (2014–2018 гг.). Филиал, втянувший в орбиту своего влияния различные учреждения науки, культуры и образования, за 25 своей лет своей жизнедеятельности стал серьезным культурологическим центром, сформировав единое научно-культурное пространство Омского региона и сделал серьезные шаги по пути создания единого культурологического пространства Сибири. Научные исследования филиала способствовали сохранению историко-культурного наследия России и стали основанием для выработки региональной культурной политики.

Ключевые слова: Сибирский филиал, Российский институт культурологии, Институт Наследия, культурологический центр, научные исследования, научно-организационная деятельность, историко-культурное наследие, региональная культурная политика, единое научно-культурное пространство Сибири.

Четверть века живет своей научной жизнью созданный в «лихие 90-е» институт, ставший центром притяжения культурологической мысли и местом реализации творческой энергии десятков ученых, объединенных идеей изучения и сохранения историко-культурного наследия огромного Сибирского региона. Образование единственного в своем роде научного центра на огромной территории от Урала до Дальнего Востока было предопределено объективными процессами, протекавшими на рубеже 1980–1990-х гг. в стране и требовавшими серьезного осмысления на новых методологических основаниях. В этот период в научном сообществе сформировалось представление о культуре как о сложном многоуровневом феномене, требующем комплексного изучения с использованием методов и данных многих гуманитарных наук. Возникновение новой социогуманитарной науки, культурологии, происходило на пересечении истории, философии, социологии, этнологии, антропологии, социальной психологии, искусствознания и других гуманитарных дисциплин. В связи с этим закономерным стал процесс институционализации нового научного знания, что привело к переименованию научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР в 1992 г. в «Российский

институт культурологии» (РИК), а расширение области культурологических исследований настоятельно требовало образования филиалов в регионах России, и первым таким филиалом стал Сибирский филиал Российского института культурологии (СФ РИК), открывшийся в 1993 г. в Омске.

В начале 1990-х гг. ученые, занимавшиеся изучением культурологии, работали в нескольких сибирских городах – Кемерове, Иркутске, Новосибирске, Барнауле, но то, что именно Омск стал географической точкой притяжения для создания культурологического центра, не случайно. В Омске созрели все предпосылки для образования своеобразного научного ядра культурологических исследований. С одной стороны, проводилась большая исследовательская работа по изучению культурного наследия региона: в Омском государственном университете (ОмГУ) на кафедре этнографии, историографии и источниковедения истории СССР изучалась культура различных сибирских этносов, история культуры сибирского региона, историческая урбанистика, на кафедре философии – философия культуры, в Омском педагогическом институте проблемами региональной культуры занимались археологи и фольклористы, в Омском государственном историко-краеведческом музее и Омском областном музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля проводилась большая музееведческая работа по сохранению регионального культурного наследия. С другой стороны, существовала заинтересованность омских органов власти в научном сопровождении проводимой ими региональной культурной политики. И здесь важную роль сыграло то, что председателем комитета по культуре и искусству Администрации Омской области в то время была Нина Михайловна Генова, инициативный руководитель, «болеющий» душой за развитие культуры не только в своей области, но и в Сибири в целом.

Сибирский филиал Российского института культурологии был создан 22 февраля 1993 г. в Омске приказом №7 по Российскому институту культурологии Министерства культуры РФ. Предпосылки для рождения филиала были успешно реализованы тремя выдающимися личностями – директором РИК Кириллом Эмильевичем Разлоговым, профессором Омского государственного университета Николаем Аркадьевичем Томиловым и руководителем омской культуры Ниной Михайловной Геновой. Идею создания филиала в Омске поддержал академик Евгений Петрович Челышев, а большую роль в организационном оформлении учреждения сыграли ученый секретарь РИК Вадим Ильич Ломакин и доцент ОмГУ Дмитрий Андреевич Алисов¹.

*Илл. 1. Основатели Сибирского филиала
Российского института культурологии –
Н.А. Томилов, Н.М. Генова, К.Э. Разлогов. Омск, 2006 г.
Фото Т.Н. Золотовой*

Импульс научной деятельности филиала был дан сразу из нескольких научных центров разных городов России. Создатели нового учреждения Н.А. Томилов и Н.М. Генова являлись выпускниками Томского государственного университета – вуза с серьезными традициями исследовательской работы. К.Э. Разлогов, Д.А. Алисов и Валентина Георгиевна Рыженко, ставшая заведующей сектором динамики культурно-исторических процессов, представляли научные традиции исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Валентина Павловна Корзун, ведущий ученый-историограф, принесла в Омск исследовательские методы государственного университета Ростова-на-Дону. Омскую историческую школу представляли Петр Петрович Вибе, возглавивший сектор сохранения культурного наследия, и Борис Александрович Конигов, известный археолог, профессор Омского педагогического института, а позднее – директор Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

*Илл. 2. Первый коллектив СФ РИК
справляет день рождения Т.Н. Золотовой на ул. Ленина, д. 10.
Омск, 21 марта 1996 г. Фото из архива Т.Н. Золотовой*

Директор СФ РИК, доктор исторических наук Н.А. Томилов, вспоминал, что основной задачей учреждения в момент его создания являлась координация культурологических исследований в Сибири, организация работ прикладного характера на обширных сибирских территориях (поэтому филиал и получил название «Сибирский»), но из-за недостаточного финансирования в первые десять лет существования филиала этого сделать не удалось². Поставленная задача частично была реализована во второе десятилетие жизнедеятельности филиала, однако работа над ней продолжается до сих пор.

Первым местом локализации филиала было здание бывшей женской гимназии по адресу улица Ленина, дом 10, и коллектив сотрудников был небольшим. Через несколько лет филиал переехал в третий корпус университета на улицу Андрианова, дом 28, где и располагается по сей день.

Приоритетными направлениями деятельности филиала являлось проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области теории и истории культуры, культурного наследия, динамики культурных процессов, проведение разного рода культурологических

*Илл. 3. Коллектив СФ РИК в год 15-летия филиала.
Омск, 2008 г. Фото из архива Т.Н. Золотовой*

экспертиз, организация научных мероприятий, научно-издательская деятельность.

Культурологический центр постепенно начал втягивать в орбиту своего влияния другие научно-исследовательские институты, образовательные и общественные организации, учреждения культуры, органы власти. Механизмом притяжения служила научная и научно-организационная деятельность.

В 2000-е гг. научные исследования велись по следующей проблематике: 1) региональные социокультурные особенности модернизации в России; 2) провинциальная культура: опыт, традиции, проблемы исследования; 3) национально-культурные процессы и пути достижения устойчивого развития в современном мире; 4) информационные технологии в культуре. Задачи исследований реализовывались в рамках 6 секторов, каждый из которых имел свои направления деятельности. В декабре 2012 г. в составе СФ РИК работало 33 человека. Возглавляли работу филиала его директор – доктор исторических наук, профессор Н.А. Томилов, заместитель директора – доктор исторических наук, профессор Д.А. Алисов и ученый секретарь – кандидат исторических наук Татьяна Николаевна Золотова. В административно-управленческий аппарат в разные годы входили: главные бухгалтеры В.Т. Деменчук, Н.В. Бабайлова, Л.А. Гречко, бухгалтер-кассир Г.С. Черненко, специалист отдела кадров Л.А. Тарабина, секретари С. Родионова, Н. Клейменова, Е. Студенова, О. Терехина, Э. Ахунова, И. Межевикин.

*Илл. 4. Сектор региональной культурной политики –
Н.Ф. Хилько, Г.Г. Волощенко, Л.В. Секретова. Омск, 2008 г.
Фото Т.Н. Золотовой*

Сектор региональной культурной политики (заведующие – доктор культурологии Геннадий Григорьевич Волощенко, затем – доктор исторических наук Татьяна Борисовна Смирнова) занимался исследованием досуга как культурного явления, изучением аудиовизуальной и элитарной культур. Много лет сотрудники сектора Н.Ф. Хилько и Л.В. Секретова совместно с факультетом культуры и искусств ОмГУ проводили всероссийский научно-практический семинар «Досуг. Творчество. Культура» с выпуском объемных сборников научных трудов.

Сектор социально-культурных аспектов урбанизации Сибири долгие годы проработал под руководством доктора исторических наук Д.А. Алисова. Сотрудниками сектора в разные годы являлись А.Г. Быкова, О.В. Гефнер, М.Н. Зозуля, Ю.Р. Горелова, В.Л. Кожевин. Тема «Культура сибирского провинциального города в условиях модернизации» разрабатывалась сотрудниками сектора с использованием данных культурологии, истории, антропологии и социологии. Была выявлена динамика социально-культурных процессов в городской среде провинциальных столиц – Омска, Томска, Тобольска, Иркутска,

*Илл. 5. Основные организаторы семинара
«Проблемы культуры городов России» О.В. Гефнер и Д.А. Алисов.
Новосибирск, 2010 г. Фото Т.Н. Золотовой*

были определены факторы развития городской среды и населения в условиях социокультурных трансформаций, начато исследование малых сибирских городов – Тары, Ишима, Тюкалинска и других, чем был сделан хороший научный задел на третье десятилетие. Большую роль в изучении «городской цивилизации» сыграли проводившийся в разных городах Сибири (Омске, Ишиме, Новосибирске, Барнауле) с 1995 по 2012 год всероссийский научно-практический семинар «Проблемы культуры городов России», всероссийские научно-практические конференции «Омская крепость: историко-культурное наследие» (Омск, 2010), «Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России» (Омск, 2013) и другие. Особое внимание уделялось изучению роли военных в социокультурном пространстве Омска, что было связано со спецификой образования и существования города. Совместно с Омским кадетским корпусом проводились всероссийские научно-практические конференции «Катанаевские чтения» (1998–2008), конференция к 190-летию Омского кадетского корпуса (Омск, 2003).

*Илл. 6. Экскурсия в Музее истории СО РАН. Новосибирск, 2010 г.
Фото Т.Н. Золотовой*

*Илл. 7. Участники научно-практического семинара
«Проблемы культуры городов России» в Музее истории СО РАН,
в первом ряду (слева направо):*

*Г.М. Запорожченко, Т.Н. Золотова, Н.А. Томилов,
Н.М. Щербин, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2010 г.*

Фото из архива Т.Н. Золотовой

*Илл. 8. Организаторы и участники научно-практической конференции «Омская крепость: историко-культурное наследие». Омск, 2010 г.
Фото Т.Н. Золотовой*

*Илл. 9. Организаторы научно-практической конференции «Катанаевские чтения» (слева направо): В.Л. Кожевин, О.В. Гефнер, В.В. Кудланов, Н.А. Томилов, Д.А. Алисов, В.А. Шулдяков. Омск, 1998 г.
Фото из архива Т.Н. Золотовой*

*Илл. 10. Сектор динамики локальных культурно-исторических процессов:
В.Г. Рыженко, О.В. Петренко, В.П. Корзун, Е.В. Мельникова.
Омск, 2008 г. Фото из архива Т.Н. Золотовой*

Сектор динамики локальных культурно-исторических процессов долгие годы бессменно возглавляла доктор исторических наук, профессор В.Г. Рыженко. Сотрудниками сектора являлись М.Е. Бударин, В.П. Корзун, Н.И. Лебедева, Е.В. Мельникова, О.В. Петренко (Гурова), А.Н. Жидченко, Л.В. Секретова. Ими разрабатывалась тема «Личности, сообщества, институты в динамике реалий “местной” культуры». Изучение историко-культурных процессов происходило сквозь призму деятельности личностей и сообществ, и осуществлялось это с помощью научно-практических семинаров, круглых столов, конференций, сопровождавших выставочные и театральные проекты, в числе которых особое место занимала всероссийская научно-практическая конференция «Культура и интеллигенция России» (1993–2012).

*Илл. 11. О.В. Петренко, В.Г. Рыженко, Ф.М. Бурева
на заседании Всероссийской научно-практической конференции
«Культура и интеллигенция России». Омск, 2006 г.
Фото Т.Н. Золотовой*

Сектор национальных культур и межнациональных отношений под руководством Н.А. Томилова, а затем – кандидата исторических наук Ирины Александровны Селезневой сосредоточил свое внимание на изучении традиционного и современного состояния национальных культур и исследовании динамики национально-культурных процессов. Сотрудники сектора М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, Т.Н. Золотова, Л.М. Малякутова (Ильина) (в разные годы здесь работали Ш.К. Ахметова, Э.Р. Ахунова, М.Л. Бережнова, В.Б. Богомолов, Н.Н. Везнер, М.А. Жигунова, А.А. Ильина, И.В. Лоткин, Д.А. Мягков, Г.М. Патрушева, Т.Б. Смирнова) изучали археологическое наследие, региональные народные традиции и универсальные формы культуры в современном обществе, праздники и обряды календарного цикла, семейные обряды восточнославянского населения Западной Сибири,

*Илл. 12. Сектор национальных культур и межнациональных отношений (слева направо): Э.Р. Ахунова, М.А. Корусенко, Т.Н. Золотова, И.А. Селезнева, С.С. Тихонов, Т.Б. Смирнова. Омск, 2008 г.
Фото из архива Т.Н. Золотовой*

этнокультурное развитие немцев Сибири, формирование и развитие народного ислама татар Западной Сибири и его социальные функции, музеологию Сибири. Научными сотрудниками сектора были проведены десятки этнографических и археологических экспедиций в областях Западной Сибири. Были изданы монографии, учебные пособия, проведено множество научных конференций, семинаров, круглых столов, среди которых ежегодный международный научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Алматы, Владивосток, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Москва, Нальчик, Одесса, Омск, Санкт-Петербург, Уфа, Ханты-Мансийск и др., 1993–2014 гг.), международные научно-практические конференции «Немцы Сибири: история и культура» (Омск, 1993–2010 гг.) и «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (Омск, 1996–2014 гг.), всероссийская научная конференция «Русский вопрос: история и современность» (Омск, 1994–2007 гг.).

*Илл. 13. Сбор полевого материала Т.Н. Золотовой.
Д. Максимовка Шербакульского р-на Омской обл., 2009 г.
Фото из архива Т.Н. Золотовой*

Конференции становились своеобразными коммуникационными площадками для учёных различных специальностей из разных городов и стран, а центром притяжения всегда являлся Омск. Это особенно ярко проявилось на примере конференции «Сибирская деревня», которая за 20 лет своего существования из локального мероприятия превратилась в заметное явление в научном сообществе не только Сибири, но и России, ближнего и дальнего зарубежья, объединив в едином научном пространстве историков, философов, культурологов, социологов, педагогов, аграриев из России, Польши, Болгарии, Германии, Украины, Казахстана, Армении, Узбекистана³.

*Илл. 14. И.А. и А.Г. Селезевы
в экспедиции в Туве. Тува, 1999 г.
Фото из архива И.А. Селезевой*

Исследования сектора имели не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку полученные материалы представлялись в Министерство культуры Омской области для разработки национально-культурной политики в регионе, а изданные материалы широко использовались в практике культурной работы. Среди наиболее важных можно назвать проект «Решение национально-культурных проблем Омской области» (1994 г.), «Основные направления программы социокультурного развития г. Тары» (1994 г.), аналитическую записку Н.А. Томилова и И.В. Лоткина «Национально-культурная автономия как форма национального самоопределения и управления малочисленных народов, национальных и этнических

групп России» (1993 г.), аналитические справки по межнациональным отношениям Т.Б. Смирновой⁴. Важное прикладное значение имело научно-методическое пособие для работников культуры и образования «Русский народный праздник», выдержавшее, в виду его востребованности в Омском регионе, два издания (Омск, 2005, 2006 гг.)⁵. В 2012 г. СФ РИК организовывал прием членов Совета Европы, занимавшихся подготовкой Национального доклада по культурной политике Российской Федерации, а Т.Б. Смирнова являлась экспертом этой рабочей группы. В 2014 г. филиал участвовал в подготовке Государственного доклада о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 г.

*Илл. 15. Этнографы из Перми Д.И. Вайман и А.В. Черных на конференции «Немцы Сибири: история и культура». Омск, 2010 г.
Фото Т.Н. Золотовой*

Илл. 16. Организаторы и участники
 VI Международной научно-практической конференции
 «Русский вопрос: история и современность». Омск, 2007 г.
 Фото из архива Т.Н. Золотовой

Илл. 17. Организаторы и участники IX Международной
 научно-практической конференции «Сибирская деревня:
 история, современное состояние, перспективы развития». Омск, 2012 г.
 Фото из архива Т.Н. Золотовой

Илл. 18. Члены оргкомитета X Международной научно-практической конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (слева направо): И.А. Селезнева, Т.Н. Золотова, А.А. Николаев, Т.К. Щеглова, Е.Ф. Фурсова. Омск, 2014 г. Фото из архива Т.Н. Золотовой

Илл. 19. Члены Совета Европы и ученые РИК в Министерстве культуры Омской области. Омск, 2012 г. Фото из архива Т.Н. Золотовой

*Илл. 20. Сектор сохранения и изучения культурного наследия:
П.П. Вибе, А.П. Сорокин, Т.М. Назарцева, Б.А. Конииков.
Омск, 2002 г. Фото из архива А.П. Сорокина*

Сектор сохранения и изучения культурного наследия под руководством доктора исторических наук П.П. Вибе работал над исследованием памятников истории и культуры Омской области, актуализируя краеведческое направление в культурологии. Деятельность сотрудников сектора (Б.А. Кониикова, Т.М. Назарцевой, А.П. Сорокина) не только способствовала выявлению и изучению объектов культурного наследия, но и активно привлекала внимание органов власти и общественности к сохранению недвижимых памятников и историко-культурной среды. Сотрудниками сектора успешно проводились многочисленные музейные конференции, в том числе «Декабрьские диалоги» (Омск, 1996–2012 гг.), «Музей и общество на пороге XXI века» (Омск, 1998 г.), «Музейные ценности в современном обществе» (Омск, 2008 г.), «Ядринцевские чтения» (Омск, 2012 г.) и др.

Илл. 21. На закрытии всероссийской научно-практической конференции «Ядринцевские чтения». Омск, 2012 г. Фото Т.Н. Золотовой

Сектор научной информации под руководством Н.А. Томилова (с 2009 г. под руководством М.Л. Бережновой, сотрудники – В.С. Томилова, К.Ю. Гизиева, И.В. Межевикин, П.В. Ремнев) занимался изучением информационной инфраструктуры сферы культуры сибирского региона и подготовкой к изданию журнала «Культурологические исследования в Сибири», осуществляя также ведение официального сайта СФ РИК.

Основным научным изданием Сибирского филиала долгие годы являлся общероссийский журнал «*Культурологические исследования в Сибири*», который издавался с 1999 по 2015 год. Согласно названию журнал имел региональную привязку, но практически в нем публиковали статьи ученые разных регионов России и других стран, занимающиеся проблематикой, связанной с сибиреведением. Главным и бессменным редактором журнала являлся Н.А. Томилов, а ответственными редакторами – Д.А. Алисов, М.Л. Бережнова,

М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова. Основные рубрики журнала охватывали методологию, теорию и историографию культурологии и смежных дисциплин, историко-культурные исследования, культурологические исследования города и городского пространства, исследования традиционно-бытовой культуры, культурной политики, музееведения и музейного дела, проблем образования. Большим достоинством этого издания являлись разделы «Юбилейные события» и «Хроника научной жизни», освещавшие все основные научные мероприятия Сибири и юбилеи учреждений науки, культуры, образования, а также вехи жизненного пути известных сибирских ученых-гуманитариев. Публиковалась в журнале и литературно-публицистическая страничка, где ученые и краеведы представляли свои поэтические произведения и прозу о сибирской земле. Это научное издание объединяло ученых-гуманитариев – философов, историков, культурологов, филологов, педагогов, являясь своеобразным центром и координатором исследований, связанных с культурологией, на обширном пространстве Сибири и Дальнего Востока.

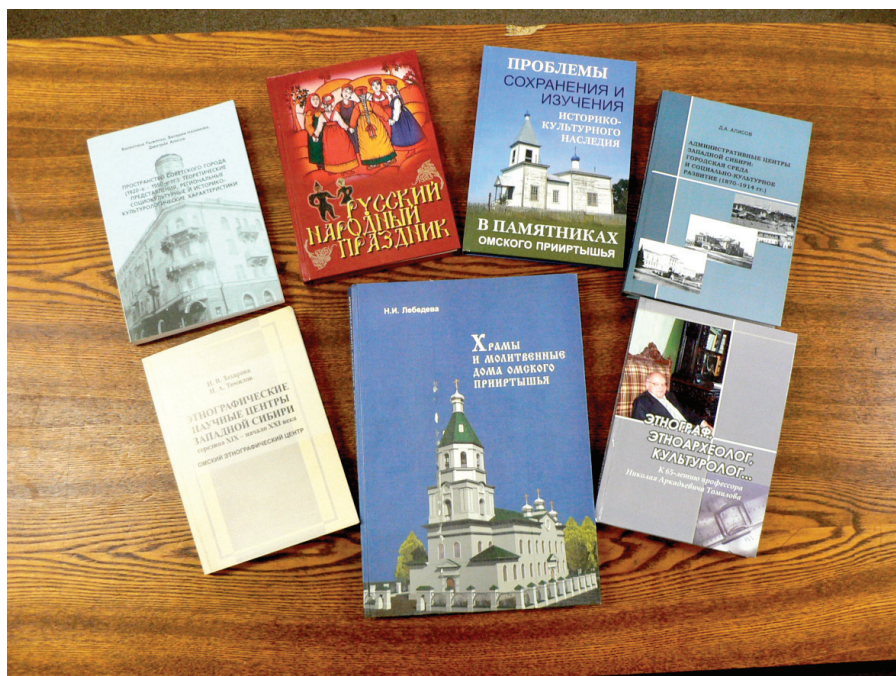
*Илл. 22. Выпуски журнала
«Культурологические исследования в Сибири».
Омск, 2012 г. Фото Т.Н. Золотовой*

Сибирский филиал РИК вместе с Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского и Омским филиалом Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук участвовал в *издании многотомных научных серий*, таких как «Интеграция археологических и этнографических исследований» (издавалась с 1994 г.), «Культура народов в этнографических собраниях российских музеев» (издавалась с 1986 г.), «Культура народов России» (1995–2002 гг.), «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» (издается с 1996 г.).

*Илл. 23. Редколлегия научного журнала
«Культурологические исследования в Сибири». Омск, 2013 г.
Фото из архива Т.Н. Золотовой*

Практические результаты научных исследований филиала были использованы в сфере управления культурой в виде проектов, записок, справок и решений конференций. Всего за 1993–2013 гг. сотрудниками филиала были подготовлены и изданы *123 монографии*, осуществлены *202 публикации сборников*, брошюр, учебных пособий, журналов и авторефератов диссертаций. В научной и издательской деятельности успешно помогал Ученый совет филиала, работу которого организовывали его председатель Н.А. Томилов и ученый секретарь Т.Н. Золотова, а в работе принимали участие доктор наук Д.А. Алисов, П.П. Вибе, Г.Г. Волощенко, В.П. Корзун, В.Г. Рыженко, Т.Б. Смирнова, кандидаты наук Б.А. Конилов, С.Н. Корусенко, В.Ш. Назимова, И.А. Селезнева.

Илл. 24. Издания СФ РИК. Омск, 2012 г.
 Фото Т.Н. Золотовой

Научно-организационная деятельность Сибирского филиала РИК также была интенсивной и многогранной. Многие из проводимых научных и научно-практических мероприятий (конгрессов, конференций, симпозиумов, семинаров, круглых столов) стали известными далеко за пределами Омского региона и приобрели регулярный характер. Это помимо названных конференций и семинаров («Сибирская деревня», «Интеграция археологических и этнографических исследований», «Немцы Сибири», «Культура и интеллигенция России») были и «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне» (1995–2011 гг.), «Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее» (Омск, 2002 г.), конгресс «История и культура городов России: от традиции к модернизации» (Омск, 2006 г.) и др. Важное значение для укрепления межнационального согласия в Омском регионе имела серия семинаров по изучению и использованию потенциала культуры славянских, кавказских и прибалтийских народов, прошедших в Омске в 2011, 2012, 2014 гг. с привлечением национально-культурных объединений и заинтересованной общественности.

*Илл. 25. Ученый совет СФ РИК. Омск, 2002 г.
Фото из архива Т.Н. Золотовой*

Всего в 1993–2014 гг. коллектив сотрудников филиала принял участие в организации и проведении *157 научных и научно-практических конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров*, в том числе: международных – 38, всероссийских – 86, региональных – 33. Среди организаторов, с которыми СФ РИК вместе проводил конференции, были учреждения из Новосибирска, Томска, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также из других стран – Германии, Польши. Сотрудники филиала принимали активное участие в организации работы секций на различных конгрессах, конференциях, симпозиумах в других городах, сотрудничая с учреждениями науки, культуры, образования России, ближнего и дальнего зарубежья.

Характерной чертой омского культурологического центра со дня основания и по сей день является его тесное сотрудничество не только с научными, культурными и образовательными, но и со многими общественными организациями, что подчеркивает его координирующую и интегрирующую роль в культурном пространстве Омского региона. Среди наиболее частых партнеров – Омское отделение Российского фонда культуры, Омское региональное отделение Русского географического общества, Омское региональное отделение Союза краеведов России, Омская областная общественная организация «Центр славянских традиций».

Сложные процессы оптимизации и реорганизации, происходившие в 2012–2013 гг. в ведомственных научно-исследовательских учреждениях Министерства культуры РФ, привели к тому, что Российский институт культурологии был реорганизован путем присоединения в качестве структурного подразделения к Российскому научно-исследовательскому институту культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (Приказ Министерства культуры РФ № 7 от 22.01.2014 г.). А через 3 месяца, 7 апреля 2014 г., по Институту наследия был издан приказ № 32 «О создании Сибирского филиала Института Наследия». Несмотря на формулировку «о создании» филиал и под старым, и под новым названием ни на один день не прекращал свою работу, хотя и вынужден был в связи с «оптимизацией» 2013 года сократить всех совместителей, которыми являлись доктора и кандидаты наук, профессора кафедр и директора музеев, осуществлявшие научную связь филиала с учреждениями науки, культуры и образования г. Омска.

*Илл. 26. Коллектив СФ РИК в год 20-летия филиала. Омск, 2013 г.
Фото из архива Т.Н. Золотовой*

В июле 2013 г. в составе СФ РИК осталось работать 15 человек, было образовано 2 отдела – отдел изучения культуры городской среды и населения в условиях модернизационных переходов (начальник отдела – Д.А. Алисов) и отдел национальных культур и историко-культурного наследия (начальник отдела – И.А. Селезнева). В январе 2014 г. директором филиала стала Ирина Александровна

Селезнева, а ее заместителем – Татьяна Николаевна Золотова, которые остались во главе филиала и после его преобразования в Сибирский филиал Института Наследия. Ученым секретарем была назначена кандидат исторических наук Юлия Робертовна Горелова. Подразделение, возглавляемое Д.А. Алисовым стало называться отделом изучения городской среды и населения в условиях модернизации, а отдел национальных культур и историко-культурного наследия возглавила Т.Б. Смирнова. Помогают в организации работы филиала главный бухгалтер – Лариса Ильинична Глебова и секретарь директора – Иван Владимирович Межевикин.

*Илл. 27. Коллектив Сибирского филиала Института Наследия
в год 25-летия филиала. Омск, 2018 г.
Фото из архива Т.Н. Золотовой*

После реорганизации филиала в 2014 г. научная работа учреждения стала осуществляться по двум направлениям: «Городская среда: историко-культурные процессы и современное состояние» и «Национальные культуры и историко-культурное наследие народов Западной Сибири». Актуальность первого направления определяется возможностью стратегического планирования развития территорий и выработки практических рекомендаций по гармонизации

культурного пространства городов. В рамках данного направления работают сотрудники Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова, О.В. Гефнер, О.В. Петренко, Н.Ф. Хилько. Особое внимание уделяется изучению городской среды и населения в динамике социокультурных трансформаций, исследованию образных характеристик городской среды и их отражения в художественном творчестве, анализу историко-культурного потенциала территории и исторической памяти горожан, вопросам культурной политики и инфраструктуры учреждений культуры и искусства.

Работа по второму направлению необходима для формирования исторической памяти и актуализации традиционных форм культуры с целью сохранения многообразия современного мира. В рамках этого направления трудятся М.Л. Бережнова, Т.Н. Золотова, Л.Е. Ильина, И.В. Межевикин, С.Р. Сарманова, Т.Б. Смирнова, И.А. Селезнева, К.Ю. Смирных (Гизиева). Ведется исследование исторической ретроспективы и современных форм функционирования традиционной культуры у русских, украинцев, белорусов, сибирских татар, казахов, немцев и других народов, проживающих на территории западносибирского региона, изучаются этнокультурные и этноконфессиональные особенности населения, анализируется состояние межнациональных и межконфессиональных отношений, исследуются новые религиозные течения и региональный туристический потенциал.

Результатом исследования историко-культурного наследия региона становятся монографии, брошюры, статьи в научных журналах, основанные в том числе, на созданных этнографами архивах полевых материалов. Значимый вклад в исследование городоведческой проблематики внесли публикации по культурному пространству административных центров региона (Омска, Тобольска, Томска) Д.А. Алисова, культурно-историческим процессам в сибирских городах В.Г. Рыженко, образным характеристикам городской среды и динамике образного каркаса Омска Ю.Р. Гореловой⁶.

Среди наиболее значимых изданий по второму направлению – помимо ранее упоминавшихся научных серий и сборников научных конференций – следует отметить монографии по этнической истории русских сибиряков М.Л. Бережновой, русской и немецкой праздничной культуре Т.Н. Золотовой и С.А. Рублевской, народным формам ислама А.Г. и И.А. Селезневых, этнической культуре сибирских татар и немцев Н.А. Томилова, Т.Б. Смирновой и С.Р. Сармановой (Курмановой)⁷.

Последние годы работы филиала ознаменовались изданием новых монографий и сборников научных трудов, открытием нового научного электронного журнала «Культурное наследие Сибири», усилением прикладного значения научных исследований и попу-

ляризации научных знаний. В этой связи важным было издание различных справочно-методических материалов, проведение лектория и подготовка CD-диска «Культура народов Западной Сибири: история и современность»⁸. В целом, в 1993–2017 гг. сотрудниками культурологического центра было опубликовано 124 монографии, 225 сборников, брошюр, учебных пособий, журналов и авторефератов диссертаций.

Сибирский филиал института Наследия продолжил традицию СФ РИК по подготовке и проведению на высоком научно-организационном уровне различных мероприятий, среди которых следует отметить научно-практические конференции и семинары «Лютеране в России: к 300-летию распространения лютеранства в Сибири» (Омск, 2014), «Ядринцевские чтения» (Омск, 2012, 2014, 2015, 2017), «Мосты мира» (Омск, 2016), «Аношинские чтения» (Большеречье, 2016), «Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения» (Омск, 2016), «Народный костюм в Сибири» (Новосибирск, 2016).

Илл. 28. На пленарном заседании научно-практической конференции «Аношинские чтения».

Большеречье, 2016 г.

Фото из архива Т.Н. Золотовой

Научно-организационная деятельность привела к следующим результатам:

- 1) было привлечено внимание общественности и органов региональной власти к историко-культурному наследию;
- 2) показаны пути решения некоторых исторических, социальных, образовательных и другого рода проблем;
- 3) было создано единое научно-исследовательское пространство ученых социогуманитарного направления;
- 4) произошла интенсификация научных и краеведческих исследований.

Всего за 25 лет деятельности сотрудниками филиала было организовано и проведено *184 научных и научно-практических мероприятия (конgressов, конференций, симпозиумов и семинаров), в том числе: международных – 42, всероссийских – 95, региональных – 47.*

Деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии, а затем Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, в 1993–2018 гг. способствовала сохранению культурного наследия Сибири и России в целом, укреплению связей между научными сообществами российских городов. Благодаря сотрудничеству с вузами, научными центрами, культурными учреждениями и общественными организациями Омска и Сибири, в целом, было сформировано единое научно-культурное пространство Омского региона и сделаны серьезные шаги к созданию единого культурологического пространства Сибири. Результаты научных исследований филиала имеют не только теоретическое, но и практическое значение в качестве оснований для выработки региональной культурной политики. Неразрывная связь науки и культуры, теории и практики, использования опыта именитых ученых и возвращение молодых научных кадров, расширение научных связей и интенсификация научно-организационной работы – все эти основные характерные черты культурологического центра в Омске являются залогом его успеха и известности в научном сообществе Сибири и России в целом.

Примечания

¹ *Астафьева О.Н., Томилов Н.А., Сорокин А.П.* Историко-этнографический ракурс: фокусирование как научная стратегия // Культурологический журнал. – 2012. – №4(10). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/175.html&j_id=12 (дата обращения: 10.11.2018).

² Там же.

³ *Золотова Т.Н., Слабодцкий В.В.* Научно-практическая конференция «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» как явление в научном и социокультурном пространстве Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы X Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23–26 апреля 2014 г.): В 3 ч. / под ред. Т.Н. Золотовой, В.В. Слабодцкого, Н.А. Томилова, Н.К. Чернявской. – Омск, 2014. – Ч. I. – С. 20–27.

⁴ *Алисов Д.А., Томилов Н.А.* Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии и его сотрудников в 2003–2008 годах // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2008. – № 2 (24). – С. 11–26; *Они же.* Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии (2008–2012 годов) // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2013. – № 1 (40). – С. 5–17.

⁵ *Багринцева В.Ю., Жигунова М.А., Золотова Т.Н., и др.* Русский народный праздник: научно-методическое пособие для работников культуры и образования. – Омск, 2005. – 284 с.; ил.

⁶ *Рыженко В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования : монография. – Екатеринбург; Омск, 2003. – 370 с.; *Алисов Д.А.* Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.): монография. – Омск, 2006. – 337 с.; *Горелова Ю.Р.* Архитектурная среда города: культурное наследие и современный контекст : учеб. пособие. – Омск, 2014. – 231 с.

⁷ Список трудов Н.А. Томилова см. на сайте Института археологии и этнографии СО РАН. – URL: <http://www.archaeology.nsc.ru/bibliografi/458>; *Бережнова М.Л.* Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири: монография / отв. ред. Н.А. Томилов. – Омск, 2007. – 266 с.; *Золотова Т.Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). – Омск, 2002. – 234 с.; *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск, 2004. – 72 с.; *Смирнова Т.Б.* Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск, 2002. – 210 с.; Бетхер А.Р., *Курманова С.Р., Смирнова Т.Б.* Хозяйство и материальная культура немцев Сибири. – Омск, 2013. – 280 с.; ил.

⁸ Справочно-методические материалы для информационно-разъяснительной работы по вопросам гармонизации межнациональных отношений в Омской области / отв. ред. Т.Н. Золотова, И.А. Селезнева, Т.Б. Смирнова. – Омск, 2015. – 60 с.; *Культура народов Западной Сибири: традиции и современность [Электронный ресурс]: научно-популярный лекторий / под ред. М.Л. Бережновой, Т.Н. Золотовой, И.А. Селезневой.* – Омск, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

И.А. Селезнева

**Сибирский филиал Института Наследия:
преемственность в развитии
(2014–2017 гг.)**

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность Сибирского филиала Института Наследия после реорганизации, показаны основные результаты и охарактеризованы новые направления научных и научно-практических исследований. Отмечается сохранение традиций, преемственность и адаптация к современным условиям научной деятельности.

Ключевые слова: наука, преемственность, Сибирский филиал Института Наследия, развитие, практика.

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (далее – Сибирский филиал Института Наследия) является преемником Сибирского филиала Российского института культурологии, образованного в феврале 1993 года. С 1 июля 2014 года подразделение вошло в состав Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Перспективными задачами и приоритетными направлениями деятельности филиала были и остаются: организация и координация фундаментальных и прикладных научных исследований теории, истории, социологии и экономики культуры, культурного наследия, динамики культурных процессов; формирование информационного банка данных и архива по проблемам культуры Сибири и Севера; организация симпозиумов, научных семинаров, конференций, совещаний по проблемам культуры; издание и распространение монографий, сборников научных трудов, учебных и методических пособий, материалов конференций, симпозиумов и научных семинаров, проектов программ, продукции культурного назначения и т. д.

После реорганизации филиала произошли структурные изменения, акценты научной деятельности сместились на проблемы актуализации культурного наследия, включения его в современные социокультурные практики, решение прикладных задач в сфере региональной культурной политики и др.

Структурно филиал состоит из двух отделов. Отдел изучения городской среды и населения в условиях модернизации (руководитель – доктор исторических наук Д.А. Алисов). Деятельность сотрудников отдела направлена на изучение культуры сибирского провинциально-

го города в условиях модернизации. Целью разработки данной темы является выявление динамики социально-культурных процессов в городской среде России во второй половине XIX–XXI вв. Исследования ведутся на стыке культурологии, антропологии, истории и социологии.

Отдел национальных культур и историко-культурного наследия (руководитель – доктор исторических наук Т.Б. Смирнова). Деятельность отдела направлена на изучение культуры и культурного наследия народов, проживающих в Западной Сибири, выявление этнокультурных и этноконфессиональных особенностей населения, анализ состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе.

Всего в филиале работают 14 научных сотрудников. Высокий уровень специалистов, работающих в Сибирском филиале Института Наследия, отражен в Российском индексе научного цитирования, что является на данный момент одним из главных наукометрических показателей эффективности работы в научной сфере.

Сибирский филиал Института Наследия является единственным за Уралом научно-исследовательским центром Министерства культуры РФ, имеющим возможность отслеживать практически в режиме реального времени процессы функционирования культурных институций в таком сложном во многих отношениях регионе, как Сибирь.

Специфика научной деятельности Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва обусловлена следующими факторами.

1. Филиал является единственным научно-исследовательским центром в Сибири, задачей которого является организация и координация фундаментальных и прикладных научных исследований по теории и истории культуры, культурного наследия, динамики социокультурных процессов, изучению социокультурной среды региона и выработке предложений и рекомендаций по направлениям региональной культурной политики и межнациональных отношений.

2. Сибирь – многонациональный и многоконфессиональный регион, где актуально изучение традиций различных этносов и конфессий, проблем приграничного сотрудничества в сфере культуры, миграций и межнационального сотрудничества. Научный и организационный потенциал позволил Сибирскому филиалу фактически выполнять здесь роль центра этнокультурных исследований.

3. У филиала сложились научные и организационные связи с учреждениями культуры, высшей школы и академической науки региона, общественными организациями. Это позволило реализовать многочисленные проекты в виде организации и проведения научных симпозиумов, семинаров, конференций различного уровня, научно-практических

мероприятий по координации научного сотрудничества. Филиал осуществляет консультационную и экспертную поддержку в сфере культуры, занимается просветительской и издательской деятельностью.

Работу в рамках тем государственного задания этого периода можно условно разделить на два больших направления.

Во-первых, это целостное фундаментальное изучение культуры сибирского провинциального города. Здесь особое внимание уделяется изучению социокультурной среды города, процессам формирования городского населения, образным характеристикам городской среды как ресурсу регионального развития, культурной политике и развитию культурного пространства региона, информационному обеспечению современных региональных культурных процессов.

Второе большое научное направление, реализуемое сотрудниками филиала, связано с исследованием этнокультурного наследия народов Западной Сибири и его актуализацией в современных условиях.

В современный период было продолжено исследование возможностей институтов современного российского гражданского общества в деле построения полиэтничного, поликультурного, свободного от этноконфессиональных и межэтнических конфликтов пространства российского государства.

Авторитет сотрудников Сибирского филиала Института Наследия в сфере исследований современного межнационального взаимодействия подтверждается тем, что именно к нам обращаются представители как федеральных, так и региональных и местных органов управления для получения консультаций и разработки методических материалов. В результате такого взаимодействия были подготовлены: «Методические рекомендации для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации Сибири и Дальнего Востока о порядке и идеологическом сопровождении реализации историко-культурных проектов в приграничных регионах» (2014 г.); «Справочно-методические материалы для информационно-разъяснительной работы по вопросам гармонизации межнациональных отношений в Омской области» (2015 г.)¹; «Информационное обеспечение государственной национальной политики: справочно-методические материалы для СМИ» (2016 г.)². В 2015–2017 гг. проведен цикл семинаров «Реализация государственной национальной политики в Омской области» для специалистов муниципальных районов Омской области.

Важным направлением деятельности Сибирского филиала в рамках выполнения государственного задания является мониторинг представленности информации об объектах культурного и природного наследия в СМИ и социальных сетях.

Для этого адаптирована методика мониторинга, отобраны определенные ресурсы: новостные порталы и сайты, другие информаци-

онные ресурсы, освещающие вопросы культуры (блоги, социальные сети). Выявлены наиболее популярные типы СМИ – газеты. Отмечено резкое возрастание популярности интернет-информации о культурных событиях, особенно публикуемой в социальных сетях.

Сотрудники Сибирского филиала ведут экспериментальные научные разработки, целью которых является изучение механизмов и закономерностей процесса взаимодействия социума с культурной средой современного крупного города. Пилотным регионом выбран город Омск, переживающий на данном этапе своего развития серьезные экономические трудности.

Выявлены особенности восприятия городской среды жителями города, произведена оценка визуально воспринимаемых характеристик среды современного города. При этом данная тематика исследуется как в исторической ретроспективе, так и в оценке современников. По итогам работы подготовлен сборник научных статей «Образ города в восприятии горожан», в данный момент находящийся в печати.

Большое внимание уделяется практическому аспекту научной деятельности. Важной задачей, стоящей перед сотрудниками Сибирского филиала, является работа по сохранению культурного наследия и его актуализации в современных условиях. Одной из форм актуализации культурного наследия являются научно-практические мероприятия, рассчитанные на широкую аудиторию и имеющие практическое значение. Сибирский филиал является инициатором целого ряда таких мероприятий, также принимает активное участие в партнерских проектах, особенно в сфере популяризации культуры народов Омской области, и, шире, народов Сибири.

В Омском регионе накоплен богатый опыт сотрудничества между учеными, представителями органов власти и общественными организациями. Достигнуто понимание того, что основные акценты необходимо делать на воспитании и формировании патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, сопричастности к судьбе своего отечества, уважении к этническим и религиозным корням своих соотечественников и соседей. Научно-практический формат, как один из вариантов сотрудничества, обеспечивает доступность информации, направлен на широкие слои населения, что особенно важно в современных реалиях.

Перечислим лишь некоторые недавние научно-практические мероприятия, организованные Сибирским филиалом института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва совместно с партнерами:

- региональный научно-практический семинар «Прибалтийские и скандинавские народы Сибири: проблемы изучения и использования культурного потенциала» (Омск, 2014 г.);

- научно-популярный лекторий «Культура народов Западной Сибири: традиции и современность», который работал весной 2016 г.³;
- всероссийская научно-практическая конференция «Мосты мира», которая состоялась 19–20 апреля 2016 г.; работа конференции проходила в формате диалоговых площадок, что подчеркивало практическую значимость мероприятия;
- I Межрегиональная научно-практическая конференция «Аношинские чтения», прошедшая в рабочем поселке Большеречье Омской области 12–13 октября 2016 г.; целью конференции являлось акцентирование внимания ученых и практических работников на изучении региональной истории и культуры⁴;
- областная научно-практическая конференция «Многоголикое Прииртышье», состоявшаяся в марте 2017 г.; цель – формирование интереса учащихся к культурному наследию Омского Прииртышья.

На данных конференциях обсуждались вопросы патриотического воспитания, межнациональных и межконфессиональных отношений, социальных инициатив, региональной истории. Конференции стали диалоговыми площадками, на которых оказалось возможным выработать рекомендации и направления дальнейшей деятельности для органов федеральной и региональной власти в аспекте гармонизации российского общества, формирования межнационального согласия в стране, практик использования регионального культурного наследия.

Примером практической востребованности научных разработок сотрудников Сибирского филиала Института Наследия стало сотрудничество с Министерством культуры Омской области в реализации пилотного Регионального культурного проекта «Иртышский берег»⁵. Итогом работы стало включение историко-культурных и туристических объектов территории центральной части г. Омска и парковой зоны «Зеленый остров» в единый культурно-природный ландшафт, способствующий популяризации культурного наследия, здорового образа жизни и велодвижения среди жителей и гостей Омского региона.

Традиционным стало участие Сибирского филиала Института Наследия в качестве организатора ежегодной всероссийской акции «Большой этнографический диктант». Мероприятие проводится с целью оценить уровень этнографической грамотности населения, знания о народах, проживающих в России, и привлечь внимание к этнографии как науке, занимающей важное место в гармонизации межэтнических отношений. Практически все сотрудники Сибирского филиала Института Наследия приняли участие в этой акции, популяризируя данное мероприятие на большинстве площадок региона, рассказав

собранным о важности этнографических знаний и вкладе омских ученых в изучение народов Омской области.

Таким образом, сотрудничество науки и практики формирует новые продукты, которые могут быть востребованы при решении проблем современного общества.

Основной информационной площадкой является сайт Сибирского филиала Института Наследия (<http://sfrik.omskreg.ru/index.php>). На сайте отражается вся деятельность филиала, в том числе мероприятия, проводящиеся при непосредственном участии Сибирского филиала. Кроме того, новостная лента информирует о культурных событиях в Омском регионе.

Филиал является организатором целого ряда значимых научных и научно-практических мероприятий. Всего в 2014–2017 гг. коллектив сотрудников филиала принял участие в организации и проведении 31 научного и научно-практического мероприятия (конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров), в том числе пяти международных, двенадцати всероссийских, четырнадцати региональных.

В 2014–2017 гг. сотрудниками филиала были подготовлены и изданы 212 единиц печатной продукции, из них 19 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, 73 – в изданиях, индексируемых в РИНЦ.

Практические результаты научных исследований филиала были использованы в сфере управления культурой в виде проектов, записок, справок, решений конференций, проведенных семинаров, круглых столов, экспертиз и т. д. Сотрудники Сибирского филиала являются членами различных экспертных советов регионального, федерального и международного уровней, реализуют совместные проекты с общественными организациями, участвуют в теле- и радиопередачах по проблемам сохранения и актуализации культурного наследия в современных условиях, теоретические разработки ученых Сибирского филиала авторитетны в научной среде.

Представленная характеристика деятельности филиала показывает сохранение предшествующих традиций научной деятельности, преемственность научных направлений. Вместе с тем, Сибирский филиал активно включается в новые формы работы, реализует свой научный потенциал в современных условиях, формирует свою новейшую историю.

Примечания

¹ Справочно-методические материалы для информационно-разъяснительной работы по вопросам гармонизации межнациональных отношений в Омской области / отв. ред. Т.Н. Золотова, И.А. Селезнева, Т.Б. Смирнова. – Омск, 2015. – 60 с.

² Информационное обеспечение государственной национальной политики: справочно-методические материалы для СМИ / [авт.-сост.: М.Л. Бережнова, К.Ю. Гизиева, И.А. Селезнева, Т.Б. Смирнова]. – Омск, 2016. – 80 с.

³ Культура народов Западной Сибири: традиции и современность [Электронный ресурс]: научно-популярный лекторий / под ред. М.Л. Бережновой, Т.Н. Золотовой, И.А. Селезневой. – Омск, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

⁴ Аношинские чтения: материалы I Межрегион. науч.-практич. конф. (р. п. Большеречье Омской области, 12–13 октября 2016 г.) / гл. ред. Т.Н. Золотова, отв. ред. И.А. Селезнева, Г.М. Патрушева, О.Н. Шелегина. – Омск, 2017. – 322 с.

⁵ Аналитический отчет по реализации пилотного регионального культурного проекта «Иртышский берег» / гос. контракт на оказание услуг по реализации пилотного регионального культурного проекта «Иртышский берег» № 4476-01-41/13-15 от 03.09.2015 / авт.-сост. Ю.Р. Горелова – Омск, 2015. – 383 с.

Е.Ф. Фурсова

**Становление и развитие отдела этнографии
в Новосибирском научном центре
(1960–2000-е гг.)**

Аннотация. В статье рассматриваются процессы становления и развития отдела этнографии в Новосибирском научном центре в 1960–2000-е гг. Автор делает попытку проследить этапы развития научной мысли и вклад сотрудников Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН в развитие отдела. Источником для статьи послужили документы, хранящиеся в Музее археологии и этнографии народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН, а также записи воспоминаний сотрудников. Первый директор Института академик А.П. Окладников с первых шагов заложил в программу исследований целостный подход к изучению процессов культуро- и этногенеза, этнической истории в их исторической непрерывности. Сегодня отдел этнографии продолжает проводить многоаспектное изучение этнических культур народов Сибири в историческом контексте.

Ключевые слова: отдел этнографии, Новосибирский научный центр, А.П. Окладников, направления научной деятельности.

В Сибири расположено не так много научных центров, в которых бы проводились этнологические (антропологические) исследования. Это при том, что наша наука не только востребована, но и необходима обществу. История каждого такого центра заслуживает внимания. История отдела этнографии Новосибирского научного центра началась с деятельности группы ученых, первоначально работавших в Отделе гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства (1965 г.), преобразованного впоследствии в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (ИИФФ СО АН СССР, 1966 г.). Первый директор Института академик А.П. Окладников с первых шагов заложил в программу исследований целостный подход к изучению процессов культуро- и этногенеза, этнической истории в их исторической непрерывности. Старейший сотрудник отдела д.и.н. Ф.Ф. Болонев вспоминал этот период: «А.П. Окладников собирал материалы для Музея, который был им основан, и я привозил из Бурятии экспонаты. Изначально этнографов в Институте курировали кандидат исторических наук Екатерина Макаровна Тошакова и доктор исторических наук Марина Михайловна Громыко».

В 1960–1970-е гг. В.А. Тимохин (1929–1997 гг.) возглавлял историко-этнографический отряд, который входил в состав Дальневосточной археологической экспедиции, руководимый академиком А.П. Окладниковым. Цели и задачи экспедиции раскрыты в полевом дневнике Тимохина за 1971 г. «Историко-этнографический отряд, – писал этнограф, – работает в составе дальневосточной археологической экспедиции Института истории, филологии и философии СО РАН СССР в бассейне реки Амура и в Приморье с 1962 г. Отряд работает по комплексному изучению жизни, быта и национальных традиций коренного населения, проводя этнографические изыскания, археологические работы, социологические исследования, работу в местных архивах»¹. Благодаря деятельности В.А. Тимохина была скомплектована обширная коллекция предметов материальной и духовной культуры ульчей и нанайцев (около 600 предметов), среди которых большой интерес представляют культовые скульптуры эвенов. Большой информативный материал содержится в дневниках и фотоальбомах исследователя.

В 1960-е – 1980-е гг. этнографы Ф.Ф. Болонев и Л.М. Русакова работали вместе с историками, в частности, под руководством доктора исторических наук Л.М. Горюшкина принимали участие в издании второго тома «История Сибири» («Сибирь в составе феодальной России», 1968 г.), монографии «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» (1983 г.). В это время активно занимались поисковой экспедиционной работой Алтайский этнографический отряд (рук. Л.М. Русакова) и Забайкальский этнографический отряд (рук. Ф.Ф. Болонев) (илл. 1, 2). Собранные материалы составили основу коллекций по этнографии русского старожильческого населения Сибири.

В 1970-е – 1980-е гг. этнографы начали работы над 20-томником фольклора народов Сибири совместно с известным советским и российским фольклористом, доктором филологических наук А.Б. Соктоевым (главный редактор – академик А.П. Деревянко). Развивалось сотрудничество с учеными сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института Ю.М. Бутиным, А.Г. Малявкиным, Е.И. Деревянко. В эти годы разрабатывались такие направления, как «семейно-брачные отношения народов Сибири», «культура и быт русских крестьян», «вопросы истории и этнографии народов Восточной Азии». Сибирские этнографы стали авторами многочисленных монографических исследований, явившихся результатом их экспедиционной деятельности и работы в архивах².

Сектор этнографии был организован, когда по приглашению А.П. Окладникова в 1970-х гг. в Институт из г. Томска приехали доктора исторических наук Г.И. Пелих и И.Н. Гемуев. В 1970–1980-х гг. начала экспедиционную деятельность Е.Ф. Фурсова, которая поступила

Илл. 1. Алтайский этнографический отряд, 1978 г.
(1-й ряд – Е.Ф. Фурсова, Г.В. Любимова;
2-й ряд – И. Макарова, Л.М. Русакова)

Илл. 2. Забайкальский этнографический отряд, 1977 г.
Сбор коллекции традиционной одежды семейских (рук. Ф.Ф. Болонев).
В костюме Е.Ф. Фурсова

в аспирантуру ИИФФ СО АН СССР и защитила кандидатскую диссертацию под руководством академика А.П. Деревянко в Институте этнографии АН СССР, так как в столице Сибири, и в целом за Уралом, еще не были открыты диссертационные советы по этнографии. Остро стоял вопрос об оппонентах, так как в сибирской науке в качестве оппонента, доктора наук, мог выступать, по сути дела, только профессор Омского государственного университета Н.А. Томилов. Впоследствии контакты новосибирских и омских ученых крепили и развивались как по линии подготовки новых кадров специалистов, так и в части совместной организации научных конференций и издания научных трудов (илл. 3).

Илл. 3. Участники Всесоюзной научной конференции.
Омск, 1987 г.

Впоследствии в сектор перешли работать А.А. Люцидарская, В.Н. Курилов, И.В. Октябрьская, приехали Н.А. Алексеев, А.А. Бадмаев, А.М. Сагалаев, А.С. Фомин. После защиты докторской диссертации И.Н. Гемуева в 1992 г. он возглавил вновь образованный отдел этнографии Сибири, который являлся структурным подразделением Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН) (илл. 4). Была открыта аспирантура по специальности «Этнография, этнология

и антропология». Сотрудники отдела разрабатывали проблемы этнической истории и традиционных верований коренных народов Сибири, историко-этнографического своеобразия, народного художественного творчества, фольклора русского старожильческого населения Сибири, в том числе старообрядческих групп Забайкалья и Алтая³.

Возникновение нового академического научного центра способствовало объединению усилий основных этнографических кадров различных учреждений Сибири. В 1990-х гг. значительно расширился состав сотрудников отдела, его пополнили А.В. Бауло, А.Ю. Майничева, Г.В. Любимова, в 2000-х гг. – В.А. Бурнаков, О.В. Голубкова, О.В. Мальцева, В.В. Лыгденова, А.Ю. Охотников, Н.А. Березиков, Е.В. Самушкина, В.В. Николаев, М.В. Москвина. В разные годы руководителями отдела являлись доктора исторических наук А.В. Бауло (2005–2006 гг.) и И.В. Октябрьская (2006–2017 гг.). С 2017 г. отделом руководит доктор исторических наук Е.Ф. Фурсова.

Илл. 4. Отдел этнографии ИАЭТ СО РАН, 1990-е гг.

В настоящее время основной фундаментальной научной проблемой, на решение которой направлены усилия коллектива, является сравнительное изучение тенденций в динамике этнокультурного облика народов Сибири в разные исторические периоды XVII–XXI вв. Планомерно осуществляются масштабные исследования религиозно-

мифологических представлений и обрядовых практик малочисленных народов Западной Сибири XVII–XXI вв., а также связей древних и средневековых культур Сибири и Востока в I – середине II тыс. н. э. Ведутся работы по выявлению роли символов и знаков в традиционной культуре тюрко-монгольских народов (бурят, хакасов) на различных этапах формирования религиозного синкретизма на протяжении XVIII – начала XXI в. В рамках научно-исследовательской работы разрабатываются проблемы формирования исторической и культурной памяти среди тюркских этнических групп Горного Алтая и Хакасии, анализ символических практик конструирования этнической идентичности, трансформации праздничной культуры. Единство фундаментальных и научно-практических составляющих имеет большое значение для разработки текущих проблем урбанизация коренных народов Южной Сибири, их этнической идентичности, правовых аспектов региональной этнонациональной политики.

В исследовательское поле входит анализ современного состояния художественных промыслов, в том числе тенденции изготовления одежды и украшений тюркских народов. На примере коренного населения Нижнего Приамурья выявляются общие и особенные черты в освоении природных ландшафтов промысловыми народами. В последнее время проводится исследование проблемы освоения пространства в контексте опытов познания окружающего мира носителями многовековых традиций охоты и рыболовства, то есть через призму «переживания» ими пространства. Конкретно предметами исследований являются топонимика, природная терминология, культурный и природный ландшафт в нарративе.

При разработке фундаментальных направлений научно-исследовательской работы ИАЭТ СО РАН всестороннему анализу были подвергнуты знаково-символические функции различных компонентов русской этнической культуры в Сибири в условиях утверждения российской административно-политической системы и взаимодействия с аборигенной средой XVII–XVIII вв. Структурно-семиотические разработки связаны с выявлением особенностей архитектуры, одежды, традиций календарно-обрядового цикла русских, белорусских, украинских переселенцев XIX – начала XXI в. Функции и символика обрядовых фигур (образов) являлись органичной частью народного мировоззрения, сформировавшего содержание и культурные смыслы обрядности восточнославянских народов.

Развивается направление по исследованию межэтнических контактов восточнославянских и финно-угорских народов. На примере образов мифологических персонажей выявлен ряд локальных различий, которые могут быть связаны как с этнокультурной традицией носителей информации, процессами межкультурного и межэтнического

взаимодействия, так и с определенными особенностями ландшафта, климата и другими факторами.

В рамках проекта НИР осуществляется подготовка обзора по новым религиозным движениям и культурам Сибири, символическим аспектам освоения лесостепных и таежных ландшафтов последователями новых религиозных движений, получивших распространение в регионе в конце XX – начале XXI в. Ведутся разработки этноэкологических и культурно-символических аспектов трансформации традиционных культур российских немцев в условиях поздней индустриализации и постиндустриализации (1960–2010-е гг.).

Одним из важных результатов работы сотрудников отдела явилась разработка ряда теоретических положений о природе микрогрупп этносов на вновь осваиваемых территориях и об особенностях этнокультурных процессов в Сибири в XVII–XX вв. В отделе впервые начались комплексные исследования компактных и рассеянных поселений переселенцев из Могилевской, Витебской, Минской, Полтавской, Черниговской и прочих губерний Европейской России конца XIX – начала XX в. В 2010 г. за серию научных работ по теме «Трансформации белорусской фольклорно-этнографической традиции в Беларуси и в Сибири» группа исследователей (руководитель – Е.Ф. Фурсова, исполнитель – А.А. Люцидарская) была удостоена межгосударственной премии имени академика В.А. Коптюга (НАН Беларуси и СО РАН). В 2012 г. коллективу была присуждена премия РАН и НАН Беларуси за монографию «Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры» (Новосибирск, 2011). Премиями им. А.П. Окладникова для молодых ученых Сибирского отделения РАН отмечены труды В.В. Николаева (монография «Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века)» (2012), Е.В. Самушкиной за цикл работ «Символические и социально-нормативные аспекты современного этнополитического движения. Республика Алтай, Тыва, Хакасия (конец XX – начало XXI в.)» (2011).

Отдел осуществляет активную экспедиционную деятельность (ил. 5–6), проводит прикладные и экспертные работы, участвует в организации и совершенствовании гуманитарного образования в вузах, организует региональные, российские и международные конференции. На XII Конгрессе этнологов и антропологов России прозвучала верная мысль: в прямой связи от того, какой практический потенциал смогут предложить этнологи современному обществу, зависит развитие и процветание нашей науки⁴. Неслучайно центральная тема этого Конгресса, проходившего в русле направлений общемировой науки, была выражена фразой: «Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы».

*Илл. 5. Дальневосточный отряд
(начальник отряда – к.и.н. О.В. Мальцева).
Регион работ: Хабаровский край (Ульчский, Солнечный,
Комсомольский, Амурский, Нанайский,
Хабаровский районы) (2001–2016 гг.)*

*Илл. 6. Хакасский этнографический отряд
(начальник отряда – к.и.н. В.А. Бурнаков).
Регион работ: Республика Хакасия, Абакан, Аскизский р-н,
Таштыпский р-н, Бейский р-н (2008–2016 гг.)*

Примечания

¹ Дневник В.А. Тимохина. Нанайцы (Кондон, 1971 г.) [Электронный ресурс] // Открытый архив СО РАН : [сайт]. – URL: http://duh.iis.nsk.su/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Ti_2192&eid=Ti_0001_0095 (дата обращения: 03.06.2018).

² *Тоцакова Е.М.* Женщина в обществе и семье у современных алтайцев / отв. ред. Л.П. Потапов; АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск, 1973. – 58 с.; *Русакова Л.М.* Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII–XIX вв. / отв. ред. М.М. Громько; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск, 1976. – 183 с.; *Болонев Ф.Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.) / отв. ред. Е.А. Ащепков. – Новосибирск, 1978. – 159 с.; *Малаякин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. – Новосибирск, 1974. – 210 с. (История и культура востока Азии. Том II); *Бутин Ю.М.* Древний Чосон (историко-археологический очерк) / отв. ред. А.П. Окладников. – Новосибирск, 1982. – 330 с.; *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси: Культовые места. XIX – начало XX в. / отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск, 1986. – 190 с.

³ *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. / отв. ред. Л.М. Русакова. – Новосибирск, 1994. – 148 с.; *Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси: Дом и космос. – Новосибирск, 1990. – 232 с.; *Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Святые места манси верховьев Северной Сосьвы / отв. ред. К.Г. Колтаков. – Новосибирск, 1999. – 240 с.; *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. – Новосибирск, 1992. – 197 с.; *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология: символ и архетип. – Новосибирск, 1991. – 197 с.; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова; отв. ред. И.Н. Гемуев. – Новосибирск, 1989. – 243 с.; *Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.) / отв. ред. И.Н. Гемуев. – Новосибирск, 1997. – 152 с.

⁴ *Мартынова М.Ю.* Миссия антропологии и этнологии: социальная роль и практическая значимость // XII Конгресс антропологов и этнологов России. – Ижевск, 2017. – С. 6–13.

Раздел II

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ: ИЗУЧЕНИЕ И СОЗИДАНИЕ

Д.А. Алисов

Культурный ландшафт городов Сибири: мировой урбанизм и советская модель урбанизации

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению влияния различных факторов на формирование культурных ландшафтов городов Сибири. Определены механизмы влияния советского строя и советской политической системы на культурный ландшафт городов. Раскрыты общероссийские тенденции и сибирская специфика.

Ключевые слова: мировой урбанизм, культурный ландшафт города, российский город, советский город, региональная специфика.

Культурный ландшафт городов Сибири невозможно изучать без анализа условий и предпосылок его формирования, включенности его в общероссийский и мировой процессы. Точкой отсчета в формировании советского культурного ландшафта являются общемировой процесс урбанизации и особенности урбанизационного перехода России. Подобный подход позволяет выявить как общее, так и особенное в его формировании. Однако на этом пути возникает ряд принципиальных препятствий. Еще в самом начале XXI века известный не только в нашей стране, но и за рубежом исследователь процесса урбанизации А.С. Сенявский неоднократно отмечал, что «в советской урбанизации были такие составляющие, одни из которых проистекали от общих тенденций развития современной цивилизации, другие – от фундаментальных особенностей страны и уровня ее развития, и лишь третьи порождены системой, причем настолько переплетены, что вряд ли возможно отделить их друг от друга»¹. Именно в этом нам и предстоит разобраться.

Культурный ландшафт советского города в Сибири содержит в себе четыре основных составляющих, без учета которых невозможно понять ни его структуру, ни динамику, ни его ценностное (аксиология) содержание. Это, во-первых, общемировые тенденции формирования и развития городов и урбанизированных систем и их влияние на культурные ландшафты. Во-вторых, уровень развития страны

(в данном случае России) и степень реализации мировых урбанизационных процессов в конкретном государстве. И только в третьих – это ландшафтные составляющие сформировавшиеся и оформившиеся под влиянием советского строя, советской политической системы и советского образа жизни. И, наконец, четвертая – региональная (сибирская) составляющая и ее влияние на культурный ландшафт города.

Подобный подход предполагает описание и изучение четырех основных (идеальных) моделей городского ландшафта (общемировой, общероссийской, советской, региональной сибирской), «закрепленных» в каждом конкретном городе. Задача весьма непростая. Однако необходимо отметить, что изучая и описывая культурный ландшафт конкретного города N-ска, любой исследователь вольно или невольно, осознанно или неосознанно, в своем описании отражает (в силу их взаимного переплетения) все существующие модели ландшафтного развития. Модель – это научная абстракция, которая позволяет более глубоко и полно понять реальные процессы.

Принимая во внимание, что данное исследование включает в себя анализ влияния урбанизационных процессов на формирование культурных ландшафтов городов Сибири, представляется необходимым начать с определения основных понятий.

Происхождение термина «город» вполне очевидно (от лат. *urbs* – город, *urbanus* – городской). Общее содержание термина «урбанизация» также общеизвестно – рост городов и городского населения, повышение их значения во всех сферах общественной жизни. При этом в понятие «урбанизация» в гуманитарных науках, в зависимости от решаемых задач, нередко вкладывают различное содержание. В настоящее время существует множество точек зрения в трактовке этого понятия. В виду этого есть смысл опираться на общепринятое содержание данной дефиниции, принятое большинством научного сообщества, что обеспечит возможность научной коммуникации.

При всех теоретических и прочих разногласиях общий знаменатель содержания и смыслового значения заключается в том, что урбанизация – это процесс «территориальной концентрации человеческой жизнедеятельности», ведущий к «ее интенсификации и дифференциации», обуславливающий «формирование городских форм и пространственных структур расселения и распространения городского образа жизни»². Сходные подходы закреплены и в западной науке. Так, Л. Леви и Л. Андерсон под урбанизацией понимали «процесс, ведущий к изменению образа жизни, характеризующийся перемещением людей из сельской местности в городские районы» следствием которого «становится снижение населенности сельских районов до уровня ниже нормального, в то время как городские заселяются все более плотно, образуя города, агломерации, городские зоны и урбанизированные зоны»³.

Важнейшими внешними показателями урбанизации на всех ее стадиях являются: рост числа городов как административных образований, рост численности городского населения, изменения социальной и профессиональной структуры населения, рост образовательного уровня населения, изменения в досуговой сфере. В последние годы в понятие урбанизация стали вкладывать и качественные изменения городской среды и населения, которые характеризуются таким понятием, как «культура». Вполне справедливо в отечественной науке считают, что урбанизация – это «исторический процесс повышения роли городов в развитии общества, который охватывает социально-профессиональную и демографическую структуру населения, его образ жизни, размещение производительных сил и все связанные с этим черты расселения»⁴.

Понятие «урбанизация» следует отличать от понятия «урбанизированность». «Урбанизированность» – это показатель нового качественного уровня населения и форм его жизнедеятельности, достигнутого в процессе урбанизации. Известный ученый О.А. Константинов выделяет среди прочих следующие показатели урбанизированности: удельный вес городского населения в стране и регионе, распределение численности городского населения между городскими поселениями разной людности⁵. К этим показателям можно отнести и удельный вес «горожан» (т. е. лиц, родившихся в городе или проживших в нем существенную часть своей жизни – $\frac{2}{3}$ и более) в городском населении.

В научной литературе также различают такие понятия, как «урбанизация» и «урбанизационный переход». Под «урбанизационным переходом» обычно подразумевают наиболее продвинутую, «высшую» стадию урбанизационного процесса. Урбанизационный переход приводит к «радикальному преобразованию всего общества на «городских началах». Он изменяет все стороны общественной жизни, «включая производственную основу, систему размещения производства и расселения людей, структуру занятости и самое качество населения, образ жизни, менталитет и др.». Урбанизация в стадии урбанизационного перехода «явилась социальной и экистической составляющей частью того процесса, который может быть определен как индустриальная модернизация... И сам урбанизационный переход можно охарактеризовать как комплексный модернизационный процесс...»⁶.

1. Общемировые тенденции формирования и развития городов и их влияние на городской культурный ландшафт

В последние десятилетия ученые из разных стран установили, что рост населения земного шара происходит по экспоненте. В настоящее время мир вступил в стадию наиболее быстрой и экстенсивной урбани-

зации. В 1850 г. только четыре города в мире насчитывали более 1 млн жителей. За 50 лет, к 1900 г., число подобных городов выросло до 19. За следующие шесть десятилетий к 1960 г. оно подскочило до 141. Еще более стремительна динамика роста численности городского населения. Численность проживающих в городах с населением от 20 тысяч жителей и до 1 млн увеличилась почти в 35 раз, а в городах-миллионниках – почти в 40 раз⁷. Этот процесс в науке называется «урбанистическим взрывом».

«Урбанистический взрыв» оказал всепроникающие воздействие на культурные ландшафты городов во всех странах мира. Среди последствий влияния «урбанизационного взрыва» на города и городские ландшафты можно отметить следующие: рост площади и плотности городской застройки; повышение этажности всех видов городских строений (жилых, административных, офисных и т. п.); стремление включить в городской ландшафт естественные (лес) и искусственные (парк) природные объекты с целью сохранения экологии и здоровья населения; усложнение инфраструктуры города; «массовизация» культуры; формирование мощной сети общего и профессионального образования; создание разнообразных учреждений культуры (общедоступный театр, кинематограф, библиотека, центр развлечений и досуга и т. п.).

2. Общероссийские тенденции формирования и развития городов и их влияние на городской культурный ландшафт

Как известно, урбанизация началась в России еще в досоветскую эпоху. По мнению А.С. Сеньявского, к числу основных показателей российской урбанизации относятся следующие.

Во-первых, особая и более высокая роль государства в урбанизационных процессах, по сравнению с Западом. «На протяжении столетий определяющую роль в формировании российских городов и в их развитии играло государство... большинство российских городских поселений создавалось “сверху”». Даже «в тех немногих случаях, когда города возникали на основе экономической функции... государство становилось субъектом градообразования»⁸.

Во-вторых, в силу относительной ограниченности общественных ресурсов рост крупных городов нередко шел за счет запустения или «консервации», остановки развития малых.

В-третьих, освоение территории Российской империи «шло преимущественно военно-административным путем. Сначала военное поселение, затем административный статус города.

В-четвертых, урбанизация в России шла с запада на восток, а также – из «центра» на север и юг, что предопределяло особую роль «центра» в обозначенных процессах.

В-пятых, российская урбанизация была тесно связана с модернизацией страны. Это определялось преимущественно не внутренними условиями, а давлением внешних факторов – быстрой модернизацией соседних держав, что было чревато экономическим и военным отставанием страны и угрожало ее национальной безопасности.

Вполне заслуживает внимания общий вывод А.С. Сеньявского о том, что «российский город еще до революции был продуктом всего строя жизни, впрочем, как и на Западе, только жизнь была иной, иной – цивилизация. Объективно, независимо от форм общественного устройства в стране действовал целый комплекс факторов, породивших специфический российский тип урбанизации, существенно отличавшийся от западноевропейского»⁹.

Для России на протяжении нескольких столетий были характерны относительная отсталость от развитых стран Европы и догоняющая модель развития. Это не могло не сказаться на характеристиках городских ландшафтов России. Основные фундаментальные черты и тенденции развития городского культурного ландшафта в России (на всех этапах ее развития) были адекватны общемировым (читай – западноевропейским), воспроизводили их в той или иной степени (форме), приспособлявая их к российской действительности.

Первоначально города в России росли численно и качественно быстрее, нежели наполнялись новым урбанистическим функционалом. Культурный ландшафт города при этом изменялся более медленно, хотя и наполнялся новым содержанием. Со временем под жестким влиянием власти (особенно в советскую эпоху) наблюдается более стремительное развитие урбанистического функционала, чем отстающего от него культурного ландшафта города. Культура города отстает от демографических, технико-организационных и производственных составляющих. Город – завод, город – промышленный центр. Городская инфраструктура (в том числе и культурная) отстает и остается недостаточно развитой.

3. Региональная (сибирская) составляющая и ее влияние на культурный ландшафт города

Региональная сибирская модель урбанизации в рамках советского проекта отличается от общероссийской еще большим радикализмом, более высокими темпами в отдельных регионах и большей общей незавершенностью.

Начало XX в. характеризовалось в Западной Сибири быстрыми темпами увеличения городского населения. В 1897–1914 гг. оно выросло в 2,5 раза, в то время как сельское – только в 2 раза. Перепись 1897 г. зафиксировала в Западной Сибири 24 города¹⁰. Но

только Омск и Томск являлись городами, имеющими более 100 тыс. населения.

В советскую эпоху после революции и гражданской войны процесс урбанизации развивался весьма динамично. Сравнение данных переписей 1926 и 1939 гг. свидетельствует о том, что уровень урбанизации поднялся с 11,9 до 28,9% (в РСФСР – с 18,0 до 33,7%). Некоторые районы Западной Сибири по уровню урбанизации приблизились к средним показателям по стране и республике, а Кузбасс даже превзошел эти показатели (55%). Возникли первые города в северных национальных округах (Ханты-Мансийск, Салехард).

Великая Отечественная война оказала существенное влияние на всю послевоенную жизнь и такие процессы, как демография и урбанизация. Темпы роста городского населения значительно снизились, несмотря на эвакуацию и депортацию.

Однако в 1950-е гг. рост численности городского населения был поступательным и не имел спадов. С 1950 по 1959 г. численность городского населения региона увеличилась на 1992,6 тыс. чел., т. е. более чем на 50%. Особенно большой прирост городского населения был зафиксирован в Кемеровской и Тюменской областях. Кемеровская область к этому времени обладала значительным промышленным потенциалом, в то время как Тюменская – низким уровнем заселения и урбанизированности.

Характерной чертой урбанизации региона был ускоренный рост числа жителей больших городов. По данным переписи 1959 г., в городах с населением свыше 100 тыс. чел. проживало 67,3% горожан. Только в Кемеровской области городское население преобладало уже до войны, в Новосибирской – с 1953 г. Перевес городского населения в Российской Федерации зафиксирован в 1958 г. В большинстве областей Западной Сибири значительно позднее: в Томской – в 1961 г., в Омской – в 1966 г., Тюменской – 1971 г., Алтайском крае – в 1974 г.¹¹

Культурный ландшафт сибирского города произведен от российского культурного ландшафта, однако имеет свои специфические черты, возникшие в ходе исторического развития, географического положения и иных особенностей. Во-первых, культурный ландшафт сибирского города первоначально имел фронтальный характер. Город «на границе» Государства Российского создавался волей государственной власти, и в нем первоначально центральную роль играли военный и административный элементы. Ядром города являлись крепость или иные военные сооружения, административные здания. В населении определенное время (и достаточно продолжительное) был более высокий удельный вес военных и казаков, что первоначально предопределяло их особую роль в формировании городской инфраструктуры и культурной жизни

общества. Первоначально военные создавали учебные, научные и медицинские заведения, театры и т. п.

В самом конце XIX – начале XX в. фронтальная доминанта сменилась (и дополнилась) «коммуникационной» (транссибирская магистраль, развитие парового судоходства на сибирских реках). Приход железной дороги изменил культурный ландшафт города. В моду вошли железнодорожные служащие. В городах появляется рабочий класс. В городе строятся дома «как на железной дороге».

«Ресурсная» составляющая культурного ландшафта городов Сибири получила развитие в предвоенные годы (Кузбасс) и на рубеже 1950–1960-х гг. (нефтехимия). Еще М. Ломоносов спрогнозировал, что богатство России «прирастать будет Сибирью», а первые города-заводы стали возникать еще в XVIII в., например Кузнецк.

4. Влияние советского строя, советской политической системы и советского образа жизни на городской культурный ландшафт

Урбанизация в СССР (и советской России, соответственно) имела те же базисные параметры и тенденции, что во всем мире и в Российской империи. Вместе с тем, нельзя отрицать и того, что коммунистическая идеология и советский общественный строй создали свой особый тип урбанизационного перехода и советскую модель урбанизации и культурного ландшафта. Наиболее полно к настоящему времени основные черты советского типа урбанизации раскрыты в монографии А.С. Сенявского «Урбанизация России в XX в.: Роль в историческом процессе» (М., 2003).

Среди наиболее общих характеристик этой модели урбанизации можно отметить следующие: более жесткое, по сравнению с дореволюционной Россией, государственное регулирование и «подхлестывание сверху», что, несомненно, повышало роль субъективного фактора в реализации объективных процессов; высокая роль ведомственности и бюрократических структур; повышенное значение военного фактора и ВПК; выпячивание производственных функций городов, которым все остальные были подчинены прямо или косвенно; ускоренные темпы в условиях незавершенных качественных процессов.

«Социалистический тип урбанизации, реализовавшийся в СССР, не отменил главных ее существенных признаков (перемещение населения из села в город, концентрация населения во все меньшем числе поселений все более крупных размеров и др.), однако повлиял на ее движущие силы (форсированная индустриализация), ускоренные темпы, гипертрофированную концентрацию населения в крупных

городах на производственной основе, упадок малых и средних городов, облик городского населения и т. д. В 1960–1980-е гг. выявились или проявились в зрелой форме проблемы и кризисы, не только связанные с общим ходом урбанизационного процесса (которые имели место и в странах западного мира), но и порожденные или усугубленные именно советской его моделью: тоталитарной вторичностью городских поселений относительно размещения производительных сил, всецело определяемого государственным командно-административным ведомственным механизмом...»¹².

Культурный ландшафт советского города складывался при более сильном воздействии на него государственной и политической власти, идеологической составляющей, состояния промышленности и, зачастую, военно-промышленного комплекса. «Советское пространство – не территория СССР, а качественно и структурно особый тип пространства, состояние культурного ландшафта»¹³.

Город и отдельные элементы городской среды должны были нести – и зачастую несли – определенный набор социальных идей. От рубиновых звезд над кремлевскими башнями Москвы до красных звездочек на могильных плитах погибших воинов «За нашу общую советскую Родину» в малых городах и селах. Разрушение храмов, особенно в 1930-е и 1950–1960-е гг., частичная перепланировка городского пространства и переделка храмов, в том числе во Дворцы культуры и кинотеатры, привели в большинстве случаев к «перелицовке» старых районов и городов, к радикальным изменениям городских ландшафтов. Церковь потеряла свою системообразующую ландшафтную функцию и была отодвинута на «символическую периферию» города. Системообразующими центрами городского ландшафта стали советские учреждения, дворцы культуры, памятники павшим борцам за революцию, проходные промышленных предприятий.

Милитаризация экономики в условиях внешних угроз двухполярного мира определила системообразующую роль предприятий военно-промышленного комплекса в городской среде – от закрытых городов до рабочих поселков и окраин внутри больших городов (например, Чкаловский поселок в городе Омске). Иногда, как и в стародавние времена, город рос вокруг предприятия, а не предприятие размещалось в городе (Магнитогорск). И это предопределяло его основные ландшафтные характеристики. Города с явно преобладающим промышленным функционалом зачастую имели развитое современное промышленное производство и недоразвитую городскую инфраструктуру. Даже в районах, прилегающих к центру советского города, оставались немощные улицы, которые при первой же непогоде превращались в «непроезжие» (как и до революции).

По мнению В. Каганского, «доминанта советского пространства – универсальность и тотальность властно-силовых отношений. Существуют пространственные структуры общества-государства; иных автономных структур нет»¹⁴. Принимая во внимание первую часть данного заявления, вряд ли можно согласиться со второй («иных автономных структур нет»). Следует признать, что «советское пространство» города было наполнено и историческим прошлым, принятым и закрепленным советской и коммунистической идеологией. Например, во многих городах сохранились топонимы дореволюционной России. Так, в Омске улица Лермонтова получила свое наименование до 1917 г. Наличие в каждом городе храмов, хотя их число резко сократилось, вряд ли можно принять за элемент образцового «советского города», но они были включены в этот советский город. Да и наличие верующих и религиозных общин не вписывалось в коммунистическую идеологию, но они все-таки существовали в рамках советского города. И таких примеров немало.

Общественную жизнь в СССР нельзя свести только к идеологическим формам – она была значительно богаче. Идеальное коммунистическое пространство и даже идеальное советское пространство, не говоря даже о реальном, – это разные, хотя и пересекающиеся, плоскости. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что реальный советский город и идеальный советский город – это разные понятия. Реальный советский город состоял не только из советского пространства, но и из множества взаимно пересекающихся пространств. Советское пространство являлось только одной из многих составляющих реального советского города, реального, а не выдуманного, культурного ландшафта города.

Ускоренные темпы роста числа городов и городского населения, выпячивание производственных функций городов в советскую эпоху оказали весьма существенное влияние на формирование культурного ландшафта советского города во многих аспектах, в том числе и в организации городской территории и распределении населения. Исследователи отмечают, что многие советские города «нередко сохраняли (и продолжают сохранять) исторически сложившийся “поселковый” характер, так как они формировались как сумма поселков при “своих” предприятиях»¹⁵. Таким образом, культурное пространство советского города зачастую состояло из целого набора «мини (функционально связанных) советских ландшафтиков». Например, в Омске Чкаловский поселок – вотчина авиационного завода, Кордный – шинного, Городок нефтяников – нефtezавода и т. д.

Примечания

¹ *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М., 2003. – С. 260.

² Там же. С. 35.

³ *Леви Л., Андерсон Л.* Народонаселение, окружающая среда и качество жизни. – М., 1979. – С. 17.

⁴ *Озерова Г.Н., Покишишевский В.В.* География мирового процесса урбанизации. – М., 1981. – С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ *Сенявский А.С.* Указ. соч. С. 35–36.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ *Леви Л., Андерсон Л.* Указ. соч. С. 39–40.

⁹ *Сенявский А.С.* Указ. соч. С. 49.

¹⁰ Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. – Новосибирск, 1997. – С. 19.

¹¹ Там же. С. 33–34.

¹² *Сенявский А.С.* Указ. соч. С. 265.

¹³ *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М., 2001. – С. 136.

¹⁴ Там же. С. 136.

¹⁵ Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999. – С. 244.

О.В. Гефнер

Культурный ландшафт Новосибирска 1950–1980-е годы

Аннотация. В статье рассматривается формирование в 1950–1980-е гг. культурного ландшафта Новосибирска, крупного, динамично развивающегося индустриального центра, прославившегося удачной попыткой реализации проекта создания крупного научного центра и воплотившего в себе типичные черты социокультурного пространства крупного советского города.

Ключевые слова: советский город, культурный ландшафт, Новосибирск.

Новосибирск в 1950–1980-е гг. являлся динамично развивающимся современным индустриальным городом, научной столицей Сибири. Временем основания города считается 1893 г. Сначала он представлял собой поселок строителей железнодорожного моста Транссибирской магистрали через Обь, затем с 1903 г. он получил статус города и носил название Новониколаевск. В 1925 г. город получил свое современное название. Уникальность Новосибирска в том, что он стал самым молодым городом-миллионером, миллионный житель родился здесь в 1962 г., всего приблизительно через семь десятилетий с его основания. То есть темпы развития города были стремительными, особенно быстро город развивался, конечно, в советскую эпоху. Развитие Новосибирска отразило наиболее характерные черты формирования культурного ландшафта советского города.

Как быстрый рост города, так и особенности его культурного ландшафта, в значительной мере связаны его выгодным географическим положением. Он находился в центре страны, на пересечении важных транспортных коммуникаций. Город строился изначально «с нуля» на бесконечных сибирских просторах, начинался с широкой просеки, прорубленная в тайге, был простанственно разбросан. И как отмечает известный исследователь истории архитектуры Б.И. Оглы: «...Географическая ситуация сложилась так, что у Новосибирска не было ограничений. Все условия не только не мешали его естественному развитию, но и предоставляли для этого все возможности»¹. Преодоление этой разбросанности, очаговости города будет в 1950–1980-е гг. одной из важных градостроительных задач.

Важной частью культурного ландшафта города стали реки. Город просторно раскинулся по берегам могучей и полноводной сибирской реки Обь. Еще 9 малых речушек протекают в городской черте. В 1950-е гг. на Оби была построена первая в Сибири ГЭС, кото-

рая и сейчас представляет большой интерес, как пример инженерного искусства середины XX в. Архитектурный комплекс Новосибирской ГЭС является объектом культурного наследия, охраняемым государством. После перекрытия реки Оби началось заполнение Новосибирского водохранилища, образовался самый большой в Западной Сибири искусственный водоем площадью 1070 кв. км, который за размеры и объем воды новосибирцы называют Обским морем. Как река, так и море использовались и используются как транспортные артерии. В Новосибирске возник один из крупнейших в Сибири речных портов. Обь с притоками Иня и Бердь, Обское море создали вокруг Новосибирска водное пространство, вокруг которого большие площади заняты великолепными сосновыми борами и смешанными лесами, представляющее собой важнейшую рекреационную зону области. В городской пейзаж вписались гранитная набережная, выросшая в районе пристани Октябрьская, вдоль которой раскинулись скверы и цветники, а также мосты, связавшие берега Оби, которых за время существования города было построено 7.

Важным фактором, определившим формирование культурного ландшафта Новосибирска в советскую эпоху был, безусловно, экономический фактор. Еще в 1920–1930-х гг., в эпоху первых пятилеток, Новосибирск превратился в мощный индустриальный город, крупный центр машиностроения в Западной Сибири с преобладанием станкостроительного и инструментального производства. Только в первую пятилетку в Новосибирске начинают действовать 38 промышленных предприятий, в начале 1930-х гг. в городе было 55 предприятий с числом рабочих более 12 тысяч человек. Среди этих предприятий такие крупные машиностроительные заводы как Сибметаллстрой, Сибмашстрой, Станкостроительный завод им. XVI партсъезда. В дальнейшем мощным толчком к индустриальному развитию города послужила эвакуация промышленности из центра страны в годы Великой Отечественной войны. В Новосибирск было эвакуировано около 70 предприятий, а вместе с ними тысячи рабочих, их семьи, население прифронтовых территорий². В город из центра страны было перемещено оборудование различных машиностроительных и металлургических заводов. Благодаря этому, производство промышленной продукции в 1942 г. увеличилось в 4 раза в сравнении с предыдущим годом. В Новосибирске возникли радиотехнические, приборостроительные, химические предприятия. Такое перемещение в годы Великой Отечественной войны в Сибирь (в том числе и Новосибирск) промышленности, рост производительных сил региона привели к тому, что, в отличие от центра страны, где после войны усилия были направлены на восстановление экономики, в Сибири 1950-е гг. стали временем развития народного хозяйства. К 1955 г. валовое производство продукции

промышленности Новосибирска увеличилось в 10,7 раз в сравнении с 1940 г., объем продукции машиностроения возрос в 28 раз. Удельный вес промышленного производства Новосибирска в Западной Сибири составил 20%. В 1971–1973 гг. общий объем промышленной продукции, производимой в Новосибирске вырос на 30%, в то время как в целом по стране на 23%, т. е. темпы развития промышленности города были выше, чем в целом по СССР³. Крупными заводами, работающими в Новосибирске, стали Тяжстанкогидропресс, Сибэлектротяжмаш, Сибсельмаш, Электросигнал, авиационный завод им. Чкалова, и многие другие. Промышленные предприятия, объекты производственного назначения составляли неотъемлемую часть архитектурно-пространственной среды, были частью культурного ландшафта города, формировали его внешний облик, облик современного индустриального центра. Рост промышленного производства способствовал росту населения города, что в свою очередь стимулировало развитие социальной и культурой составляющей городской среды.

В 1950–1970-е гг. частью градообразующей основы города стали быстро развивающиеся научные центры, что оказало стимулирующее влияние на развитие города. Крупнейшим научным учреждением Новосибирска стал Западно-Сибирский филиал АН СССР, решение о создании которого было принято в 1943 г. Основу его составили ученые, эвакуированные из Москвы и Ленинграда, специалисты Томска и Новосибирска. С инициативой о создании крупного научного центра в Новосибирске выступили в 1957 г. академики М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев, С.А. Христианович. И в 1957 г. в Новосибирске было основано Сибирское отделение АН СССР. В 1970–1980-е гг. Сибирское отделение АН СССР было крупнейшим научным центром в стране, а также заняло свое место в мировой науке. В его состав входило 43 научно-исследовательских института, три специальных конструкторских бюро, Государственная публичная научно-техническая библиотека, Экспериментальное хозяйство биологического профиля. В отделении работало около 35 тысяч ученых: 24 академика, около 400 докторов и более 3 тысяч кандидатов наук. С созданием в 1969 г. под Новосибирском в Краснообске Сибирского отделения Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина и в 1970 г. Сибирского филиала Академии медицинских наук, преобразованной в 1979 г. в Сибирское отделение, Новосибирск стал городом трех академий.

1950–1970-е гг. как в социально-экономической, так и в градостроительной сфере и развитии архитектуры прошли под знаком научно-технической революции. Это выражалось, с одной стороны, в росте и развитии научной инфраструктуры города, в частности появлении наукоградов, жемчужиной которых стал Академгородок.

С другой стороны, влияние научно-технической революции проявлялось в появлении нового стиля – советского модернизма, чертами которого были рационализм, простота, функциональность зданий, использование таких современных материалов как железо, бетон, стекло, появление новых форм, демонстрировавших связь с грядущей эрой супертехники, будущим.

Важным фактором, определявшим развитие культурного ландшафта города в 1950–1980-е гг. был идеологический. В 1955 г. выходит Постановление ЦК КПСС и Совета министров «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Осуждается «фасадный» принцип стиля - обильное применение колоннад, лепнины, украшательство. Это был очевидный выпад против «сталинского ампира», демонстрирующий разрыв и в сфере искусства с критикуемым и осуждаемым в период «оттепели» недавним прошлым. Перед архитекторами в это время ставилась задача создания нового социалистического стиля, подчинить архитектуру технологии. Новое стилевое направление соответствовало идеологическим установкам хрущевской оттепели. Стилиевые новации этого периода были связаны не только с необходимостью удешевить строительство, сделать его более экономичным, но, главным образом, со стремлением избавиться от ассоциаций с именем И.В. Сталина. Подобное исключение «цитат» из архитектурного наследия прошлого, любых ассоциаций с ним, принималось как утверждение новых ценностей, правдивости, современности. Формы «честной», «простой», «рациональной» архитектуры были созвучны настроениям обновления, демократизации общественной жизни, движению в будущее⁴.

Одной из главных тенденций развития культурного ландшафта города в 1950–1960-е гг. было объединение разрозненных поселков, территорий в единое целое, преодоление «разбросанности» расчлененности городской пространства. Главной планировочной осью города, связывающей важнейшие узлы его архитектурно-планировочной композиции, транспортные развязки, центры социальной активности населения и отдаленные районы, являлся Красный проспект. Центр города с районом Красной горки связала дамба, проложенная через Сухой. Улучшению сообщения с Октябрьским районом Новосибирска способствовало возведение моста через речку Каменку. Большое значение в развитии архитектурно-планировочной среды города имело проведение Вокзальной и Октябрьской магистралей, соединивших Красный проспект с центром Октябрьского района и площадью Железнодорожного вокзала. Введенный в эксплуатацию в 1955 г. Коммунальный (Октябрьский) мост через Обь – первый автомобильно-трамвайно-пешеходный мост в Новосибирске – связал центральную часть города с Левобережьем (Кировским районом). Постройка Коммунального моста стимулировала реконструкцию всей цент-

ральной части города. Расширилась и обрела бульвар улица Восход, Реконструировалась и расширилась улица Большевистская. Вдоль нее по берегу Оби проведено благоустройство прибрежной территории и устроена парковая зона. Реконструирована была и улица Челюскинцев, связавшая площадь Н.Г. Гарина-Михайловского и Дзержинский район. Постепенно формировались узловые центры городского пространства – площади Октябрьская, Н.Г. Гарина-Михайловского, М.И. Калинина и другие. В 1978 г. был сдан в эксплуатацию второй автодорожный мост через Обь, связавший проспект Димитрова на правом берегу и проезд Энергетиков на левом. В 1985 г. в Новосибирске был открыт метрополитен – единственный в Сибири, частью которого стал метромост – самый длинный крытый метромост мире.

Таким образом, благодаря проводимым мероприятиям, развитию транспортной инфраструктуры, постепенно преодолевался разрыв в городской застройке Новосибирска, складывалось единое культурное пространство.

Но одновременно с этим город рос, шли агломерационные процессы. Появлялись новые поселки вблизи города. Возводились жилые районы вокруг вновь созданных научных центров, промышленных предприятий, аэропортов. Это город Обь – поселок аэропорта Толмачево, поселок ОбьГЭС, наукограда Академгородок, Краснообск, Кольцово.

Илл. 1. Речной Вокзал и Октябрьский коммунальный мост.
Источник: Архитектура Новосибирска. Архитектурно-строительный справочник. – URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/287>
(дата обращения: 25.09.2018)

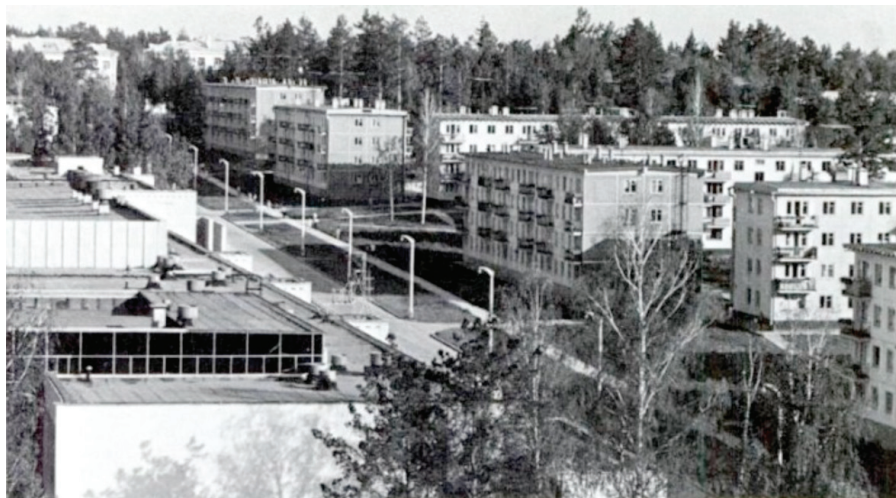
Илл. 2. Вокзальная магистраль.

Источник: Архитектура Новосибирска. Архитектурно-строительный справочник. – URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2317>
(дата обращения: 25.09.2018)

Настоящим градостроительным экспериментом было строительство южнее Новосибирска городка Сибирского отделения Академии наук СССР, в котором проявился новый подход к системе функциональной организации жилой застройки и современным планировочным приемам. Проект строительства Академгородка был утвержден в 1958 г. Согласно проекту новосибирский Академгородок призван был являть собой образец воплощения в реальность самых актуальных для того времени требований градостроительной науки. Первые здания городка – научные учреждения и жилые дома были построены в 1959 г., чуть позднее был возведен Новосибирский государственный университет, научно-исследовательские институты, жил массивы.

Значительная часть этой территории, на которой строился Академгородок, была покрыта лесами. Основу проектных решений Академгородка составило максимально рациональное использование природных условий, сохранение природного ландшафта как части архитектурно-пространственной организации городской среды, четкое функциональное зонирование территории (зона научно-исследовательских институтов, санитарно-защитная полоса, селитебные территории, вновь зеленая защитная зона, а за ней – зона отдыха и спорта), создание единой системы сообщений, организация сети социально-бытового и культурного обслуживания⁵. Проект строительства

новосибирского Академгородка был удостоен Государственной премии, демонстрировался на Всемирной выставке в Монреале в 1967 г. как достижение ландшафтного градостроения.

Илл. 3. Академгородок.

Источник: Альманах эпохи гипертекста. –

URL: <https://metkere.com/2009/10/akademgorodok-1970s.html>

(дата обращения: 25.09.2018)

Зона научно-исследовательских институтов находилась в северо-восточной части городка, где институты группировались с учетом их научных взаимосвязей. Коммунально-складская зона располагалась на свободных от лесов территориях, с подветренной стороны относительно всего Академгородка, и отделялась от жилых микрорайонов санитарно-защитной лесной полосой. Зона отдыха организовывалась по береговой полосе Обского моря. Все эти зоны объединялись главной транспортной магистралью, включавшей проспект Строителей, Морской проспект и проспект академика М.А. Лаврентьева. Дороги прокладывались по территории, лишенной древонасаждений, по просекам. В центре городка были построены общественные здания – кинотеатр «Москва», торговый центр, гостиница «Золотая долина», Дом связи. В южной части ансамбль замыкается Домом ученых. В северной части центр замыкается главным учебным корпусом университета. «Трактовку» композиции центра городка «как линейного» доктор архитектуры М.Г. Бархин находил «вполне современной и весьма удобной». Доктор архитектуры М.С. Баландин считает ансамбль центра

неопределенно-аморфным, лишенным его основного композиционного архитектурно-пространственного акцента⁶.

Жилая застройка представлена была в основном невысокими 4-этажными типовыми домами. При строительстве жилых и общественных зданий, коммуникаций и дорог стремились максимально сохранить существующий лесной массив. Для академиков и ведущих научных работников в наиболее живописных местах, среди лесного массива, спускающегося по крутым склонам в долину речки Зырянки, строились коттеджи с приусадебными участками.

Академгородок – это «город в лесу». При его планировке и строительстве был осуществлен уникальный эксперимент природоохранного строительства, новый для страны: использование естественного леса как градостроительного компонента. Равновесие между лесными экосистемами и городскими кварталами соблюдается в Академгородке уже 50 лет. В настоящее время, по оценкам ведущих специалистов кафедры Общей биологии Новосибирского университета, Центрального Сибирского ботанического сада, Института цитологии и генетики СО РАН и Института систематики и экологии животных СО РАН, видовой состав животных и растений в лесных массивах Академгородка в основном соответствует таковому в диких лесах Новосибирской области.

Важной государственной задачей в градостроительной политике в 1950–1980-е гг. было преодоление жилищного кризиса, т. к. несмотря на все возрастающие темпы строительства, жилья в условиях стремительных процессов урбанизации и роста населения не хватало. Так, за три десятилетия (с 1927 по 1957 г.) численность населения города возросла в 5 раз, а жилой фонд увеличился только в 4 раза. В 1956 г. в городе насчитывалось уже 731 тыс. жителей, в 1970 г. – 1,160 млн, 1985 г. – 1,421 млн, которые нуждались в обеспечении жильем.

В 1950-е гг. основу жилого фонда города составляли частные одноэтажные деревянные дома с печным отоплением. Квартиры в многоэтажных домах имели более разнообразные планировки, были достаточно просторными, первые этажи таких домов занимали, как правило, торговые или культурно-просветительные учреждения. В 1960-е гг. для решения проблемы обеспеченности горожан жильем начинается переход на массовое строительство типовых пятиэтажных домов с небольшими по площади квартирами. Ведется комплексная застройка крупных жилых микрорайонов на территориях городских окраин. Ставка делалась на создание жилого района, который проектировался и строился как комплекс жилых домов и различных общественных учреждений (школ, поликлиник, детских садов, магазинов, культурных центров). Это привело к появлению однообразных, похожих городских районов, лишенных какой либо выразительности. Однако, благодаря массовому строительству за десятилетие (1958–1967 гг.) в городе по-

строено 4,300 млн кв. метров жилья, в новые квартиры вселилось около 600 тыс. жильцов. Появились новые жилмассивы: Ипподромский, Станиславский, Гусинобродский, Затулинский, Кропоткинский, Ботанический. В 1971–1975 гг. в эксплуатацию сдали более 3 млн кв. жилья, в которые вселилось 273 тыс. человек. Строились построены жилмассивы Родники, Снегири, Фрунзенский, Волочаевский, Челюскинский, Западный. В 1970–1980-е гг. появились и квартиры улучшенной планировки – с большими комнатами и кухнями, отдельными санузлами, ориентированными на две стороны окнами. Яркой чертой этой эпохи было превращение Новосибирска из малоэтажного города в город высотных домов – с 9-ю и более этажами. К 1984 г. площадь жилого фонда по сравнению с 1950 г. увеличилась почти в 7 раз.

Илл. 4. Жилмассив Снегири.

Источник: Монтажно-строительное предприятие «Сибмонтаж». –
URL: <http://www.sibmontazh-nsk.ru/stroitelstvo-5mikroraiona-snegiri>
(дата обращения: 25.09.2018)

Важной задачей государства, восстановившего народное хозяйство после войны, в период «оттепели» становится повышение благосостояния, уровня жизни советских людей. В городе открываются специализированные магазины, создается государственная служба быта, строятся дома культуры, кинотеатры, библиотеки, стадионы.

В 1950–1980-е гг. в Новосибирске было построено много общественных зданий, формирующих культурный ландшафт города.

В 1957 г. был построен Дом культуры им. А.С. Попова (клуб принадлежал заводу «Электросигнал») по ул. Добролюбова в Октябрьском районе (архитектор К.К. Леонов). Это здание стало крупнейшим очагом культуры в Октябрьском районе, в то время мало насыщенном общественно-культурными учреждениями. В 2001 г. здание ДК им. Попова было признано памятником архитектуры регионального значения.

В 1957 г. был возведен Дворец культуры имени А.М. Горького на улице Богдана Хмельницкого в Калининском районе (архитекторы А.С. Михайлов и В.С. Внуков). Это был крупнейший ДК своего времени в Новосибирске, при проектировке и строительстве которого удалось создать целостный архитектурно организованный ансамбль в застройке улицы. В 1969 г. был построен Дворец культуры завода им. В.П. Чкалова (архитектор М.М. Пирогов). В 1966 г. была открыта Государственная публичная научно-техническая библиотека, ставшая важным градоформирующим объектом (проект группы архитекторов под руководством А.А. Воловика). Здание было построено в Октябрьском районе, на замыкании улицы Восход в месте ее пересечения с улицей Кирова.

С 1960-х гг. в досуге горожан значительное место начинает занимать кинематограф. В этот период в городе было построено 8 кинотеатров: самые крупные из них – «Победа», «Кинотеатр им. В.В. Маяковского», «Космос», «Аврора», «Москва». В 1970–1980-е гг. появились новые кинотеатры – «Горизонт», «Современник», «Рассвет». Кинотеатры, возведенные в разных районах города, стали играть значимую роль в культурно-просветительной работе и в организации отдыха среди населения. Их строительство демонстрировало приобретение кинематографом статуса одного из важнейших видов искусства в современном обществе.

В 1964 г. в городе был открыт Ледовый дворец спорта «Сибирь», в 1977 г. была проведена его масштабная реконструкция. На тот момент это был один из лучших и современных ледовых стадионов страны. Каток имел с искусственный лед благодаря оборудованию холодильными установками, имеющимися в то время в СССР только во Дворце спорта в Лужниках в Москве.

В течение шестидесятих годов строится Речной вокзал (архитекторы А.А. Воловик, Ю.А. Захаров и М.М. Пирогов), местоположение которого было определено в створе улицы Добролюбова. Вокзал был введен в эксплуатацию в 1974 г. По мнению архитектора С.Н. Баландина, его здание стало важной архитектурной доминантой на больших пространствах речных берегов, органически вписалось в ландшафт берегов Оби и в градостроительную систему организации прибрежной застройки⁷.

Илл. 5. ПИНТЬ СО АН СССР.

Источник: Архитектура СССР и социалистических стран. –

URL: <http://ussr.totalarch.com/node/81>

(дата обращения: 25.09.2018)

Илл. 6. Дворец культуры «Строитель».

Источник: Архитектура Новосибирска.

Архитектурно-строительный справочник. –

URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/298>

(дата обращения: 25.09.2018)

В 1971 г. в Новосибирске празднично засияли огни нового цирка (архитекторы С. Гелфер и Г. Наприенко). Его строительством начиналась реконструкция Железнодорожного района вдоль улицы Челюскинцев, которая расширялась и благоустраивалась. Здесь был построен в 1977 г. Дворец культуры железнодорожников (архитектор В.П. Семейко).

В 1973 г. был открыт Дворец культуры «Строитель» (архитектор Г.В. Гаврилов). В 1984 г. было введено в эксплуатацию здание ТЮЗа (архитекторы А.А. Сабилов, М.Н. Стародубов). В 1970–1980-е гг. по своему градообразующему эффекту и значению в жизни горожан выделяются также построенные в этот период здания ЦУМа, ГУМа, гостиниц «Новосибирск», «Обь», «Сибирь», полиграфического комбината «Советская Сибирь».

Общественные здания, построенные в 1950–1980-е гг., формировали центры новых планировочных районов. Здания, как правило, строились как полифункциональные. В композиционном решении сооружений подчеркивалась несущая основа, использование простых геометрических объемов, сочетание фактур, включение элементов природного ландшафта. Пространство общественных зданий «сливалось» с пространством города за счет больших остекленных площадей, «выноса» во вне части объема зданий. В данный период было распространено тиражирование типовых проектов, даже при строительстве крупных общественных зданий⁸.

В этот период в городе появились памятники и мемориальные ансамбли, посвященные героическому прошлому города, призванные формировать историческую и культурную память горожан, обогатившие общественные центры и в целом городскую среду. Свое законченное оформление получил мемориал в сквере Героев революции в Центральном районе, строительство которого началось еще в 1920-е гг. Авторами проекта этого мемориала были архитектор Э. Гороховский и скульптор М. Меньшиков. На территории сквера находятся захоронения революционеров и жертв колчаковского террора, на одном из которых еще в 1922 г. был возведен монумент в виде руки, держащей факел и пробивающейся через каменную глыбу наружу. Создателями этого памятника являются художник В.Н. Сибиряков и инженер А.И. Кудрявцев. В 1957 г. в сквере на аллее были установлены скульптурные бюсты сибирских революционеров. В 1960 г. в ансамбле мемориала появилось панно из бетонных плит с композицией на тему торжества Революции и скорби по ее погибшим борцам. Создателем этого панно является художник-монументалист А.С. Чернобровцев.

В 1967 г. в Кировском районе был открыт мемориальный ансамбль «Подвигу сибиряков в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.» (Монумент Славы), сооруженный по проекту А.С. Черно-

бровцева. Мемориал включает себя памятник Скорбящей Матери, Вечный огонь, пять десятиметровых пилонов, на которых изображены сцены, посвященные отдельным этапам войны, и запечатлены имена горожан, погибших на фронтах. Рядом с пилонами на размещены урны с землей с мест боевых сражений.

Илл. 7. Сквер Героев революции.

Источник: «ФотоКто» – социальная сеть фотографов. –

URL: <http://fotokto.ru/photo/view/1300944.html>

(дата обращения: 25.09.2018)

Таким образом, в 1950–1980-е гг. Новосибирск представлял собой город рабочих и ученых, крупный, динамично развивающийся современный индустриальный центр, прославившийся удачной попыткой реализации проекта научного центра внутри советского города. Культурный ландшафт города формировался под воздействием комплекса различных факторов: географического, экономического, социально-культурного, политического. Он отразил в себе типичные черты социокультурного пространства крупного советского города этого периода: иерархичность и централизованность, урбанизацию и индустриализацию, массовое жилищное строительство, развитие социальной и культурной инфраструктуры, упрощение и унификацию архитектуры, отражение в топонимике и памятниках советской идеологии и истории⁹.

Примечания

¹ *Оглы Б.И.* Новосибирск: от прошлого к будущему [Электронный ресурс] // Архитектура Новосибирска: [сайт]. – URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2676> (дата обращения: 25.09.2018).

² История города. Новониколаевск – Новосибирск. Исторические очерки. – Новосибирск, 2006. – Т. II. – С. 115.

³ *Баландин С.Н.* Новосибирск: история градостроительства. 1945–1985 гг. – Новосибирск, 1986. – Ч. 2. – С. 5, 104.

⁴ *Свешникова О.Б.* Архитектурно-градостроительная культура Новосибирска середины 50-х – конца 80-х годов XX века: автореф. ... канд. арх. наук. – Новосибирск, 2007. – С. 11, 20.

⁵ *Лаврентьев М.А.* Опыты жизни. 50 лет в науке // Век Лаврентьева. – Новосибирск, 2000. – С. 137–152.

⁶ *Баландин С.Н.* Указ. соч. С. 71.

⁷ Там же. С. 93.

⁸ *Свешникова О.Б.* Указ. соч. С. 19.

⁹ *Каганский В.Л.* Советское пространство: ландшафтный и экологический аспект // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 5: [сайт]. – URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/01/kagansky.pdf> (дата обращения: 25.09.2018).

Ю.Р. Горелова

**Культурный ландшафт малого города
в восприятии жителей
(по материалам опроса жителей Называевска
Омской области)**

Статья подготовлена по гранту РФФИ 18-49-550010 «Развитие и сохранение историко-культурного ландшафта малых городов Омского Прииртышья: инновационно-комплексные исследования» р-а

Аннотация. В рамках данной статьи на основании материалов социологического исследования, проведенного среди жителей г. Называевска Омской области, предпринимается попытка выявить специфику культурного ландшафта малого города в восприятии его жителей. Были выявлены опорные точки культурного ландшафта – те сферы, которыми жители в большей степени удовлетворены, а также точки роста – зоны, в которых жители хотели бы что-то изменить. Был проанализирован инфраструктурный аспект культурного ландшафта: были исследованы такие параметры, как востребованность культурных учреждений, уровень интереса к культурным мероприятиям, направления развития творческой активности населения. Данные анкетирования позволили оценить как количественные, так и качественные показатели культурного ландшафта. При этом исследование качественных параметров позволило понять характер влияния той или иной подсистемы культуры на культурный ландшафт города, а исследование количественных показателей – определить масштабы и значимость данной деятельности в восприятии горожан.

Ключевые слова: культурный ландшафт, малый город, Называевск, социологическое исследование, инфраструктура культуры, культурная жизнь.

В современной науке существует множество трактовок такого понятия как «культурный ландшафт», что, по нашему мнению, связано в основном с многоаспектностью и всеобъемлющим характером культуры как таковой. Термин «ландшафт» зародился в недрах географической науки. Впоследствии исследование культурных ландшафтов стало междисциплинарной проблемой. В данном случае можно упомянуть работы Ю.А. Веденина, В.Л. Каганского, Р.Ф. Туровского и др.

М.Е. М.Е. Кулешова определяет культурный ландшафт как «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий

из характерных устойчивых сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности»¹.

Согласно мнению Ю.А. Веденина, культурный ландшафт следует рассматривать как «целостную и территориально-локализованную совокупность природных, технических, социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединения действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинно-жизнеобеспечивающей деятельности людей»².

Таким образом, культурный ландшафт города как преобразованное человеком пространство, является средой его жизни и деятельности. Средой, не только создаваемой и творимой им, но и средой, творящей самого человека. В рамках культурного ландшафта природные и культурные комплексы взаимодействуют между собой через человеческую деятельность и предметы материального мира.

Одной из ключевых характеристик культурного ландшафта является культуротворческая деятельность людей. Так как деятельность всегда протекает в рамках каких-то организационных форм, можно сказать, что изучение инфраструктуры культуры и различных аспектов культурной жизни Места напрямую связано с изучением характеристик его культурного ландшафта.

Говоря о культурном ландшафте, следует учитывать тот факт, что в широком смысле культурная деятельность может быть определена как любая творческая активность человека, связанная с созданием, сохранением, освоением и трансляцией культурных норм и ценностей. Тем не менее, инфраструктурный аспект культуры акцентирует повышенное внимание на тех сферах, которые традиционно принято относить к культурному пространству, имея ввиду прежде всего сферу искусства в различных его формах и модальностях. Здесь можно говорить об архитектуре и дизайне, изобразительном искусстве и поэзии, о театре и кинематографии и др.

При этом следует учитывать специфику культурного ландшафта малого города, которая проявляется как в некотором сужении самого спектра культурных услуг, так и в восприятии значимости отдельных сфер и параметров культурной жизни. Так например, при отсутствии стационарных театров и концертных залов, а иногда и картинных галерей, многие функции их включаются в сферу деятельности дворцов культуры, клубных образований, библиотек и краеведческих музеев.

Инфраструктура культуры Называевска представлена такими учреждениями, как районный Дворец культуры, три библиотеки, историко-краеведческий музей и детская школа искусств. Кроме того, при расширенном взгляде, необходимо еще учесть наличие в городе детско-юношеской спортивной школы и профтехучилища. При этом

исследовательский интерес в рамках данной публикации будет локализован на проблеме восприятия насыщенности культурного ландшафта территории самими жителями и анализе степени их удовлетворенности спектром предоставляемых культурных услуг.

Анализ культурного ландшафта малого города мы предполагаем осуществить на основании материалов материалов социологического исследования, проведенного в сентябре 2018 г. в Называевске. Исследование проводилось методом анкетирования. В исследовании приняли участие 66 человек. Подобные исследования прошли в других малых городах Омской области - Таре, Калачинске, Исилькуле.

Все вопросы анкеты можно условно разделить на несколько смысловых блоков. Первый блок представляют вопросы, анализ ответов на которые позволяет выявить отношение населения к визуально-образным качествам культурного ландшафта, второй блок вопросов посвящен инфраструктуре культуры. При этом в рамках второго блока можно условно выделить такие направления, как востребованность культурных учреждений, уровень интереса к культурным мероприятиям, точки роста культурного ландшафта, направления развития творческой активности населения. Третий блок посвящен культурно-исторической памяти и наследию, четвертый – этническим компонентам ландшафта, пятый – эмоциональным оценкам. В рамках настоящей публикации мы остановимся на анализе ответов второго блока, посвященного инфраструктурной части культурного ландшафта территории.

Данные анкетирования позволяют оценить как количественные, так и качественные показатели культурного ландшафта. При этом исследование качественных параметров позволит нам понять характер влияния той или иной подсистемы культуры на культурный ландшафт города, а исследование количественных показателей позволит определить масштабы и значимость данной деятельности в восприятии горожан.

Исследование позволило выделить как опорные точки культурного ландшафта (те сферы, которыми жители в большей степени удовлетворены), так и точки роста – те зоны, где жители хотели бы что-то изменить и обогатить культурный ландшафт территории.

В частности, при анализе ответов на вопрос о том, какие бы новые учреждения в сфере культуры, искусства и досуга жители хотели бы видеть в своем городе, абсолютное большинство набрала позиция «оборудованные детские площадки» (47%) и «спортивный парк» (45,5%). Мы уже упоминали о том, что в городе имеется достаточно хорошо оборудованная детско-юношеская спортивная школа. При ней имеется значительных размеров стадион. Однако опрос показал, что имеется необходимость в увеличении количества оборудованных

детских и спортивных площадок, чтобы они были более доступны жителям и других частей города, тем более что транспортная система г. Называевска не развита и у большинства жителей нет возможности комфортного проезда до имеющегося стадиона.

Кроме того, в своих ответах на вышеобозначенный вопрос, жители в качестве желательных объектов указали такие, как летний кино-театр (33,3%), мини-Арбат (27,3%), павильон для спокойных занятий (чтение, шахматы) (21,2%) и др.

На вопрос о том, какие клубные формирования хотелось бы развивать, жители Называевска в качестве приоритета отметили молодежные клубы (42,4%), спортивные объединения (39,4%), объединения самодеятельного театрального и эстрадно-циркового творчества (37,9%), объединения любителей кино-фото искусства и станции юннатов (по 36,4%). Кроме того, в качестве значимых были отмечены также семейные клубы (33,3%), объединения ЗОЖ (31,8%), клубы любителей технического творчества (27,3%).

При этом интересно отметить, что при районном Дворце культуры уже действуют 42 клубных формирования: 1 театральный коллектив (народный театр «Сотоварищи»); 9 вокальных коллективов и студий (детские вокальные студии «Сверчок» и «Созвездие», вокальная студия «Камертон», ансамбль народной песни «Любава», студия эстрадного вокала «Браво», хор русской песни «Раздолье», детский фольклорный ансамбль «Завлекаши», вокальный ансамбль «Верные сердца» и хор ветеранов «Горлица»); 10 – хореографических (детские группы и студии «Бусинки», «Смайлик», «Наши дети», «Сказка», «Забава», танцевальные коллективы «Ассорти», «Микс», «Радуга», «Энергия танца», хобби-класс по бальным танцам). Кроме того, в этом же Дворце культуры действует фитнес клуб «Леди».

Во Дворце культуры клубными формированиями охвачены все возрастные категории. Существуют клубы для детей дошкольного и школьного возраста, подростков и молодежи, для пожилых людей. Так, молодежные клубы, приоритет которых был отмечен жителями, представлен такими формированиями, как «Позитив», «Принесенные ветром», «Стимул», «Сфера» и др. Существуют клубные формирования патриотической направленности «Времена и судьбы», клубы ЗОЖ «Пирамида здоровья». Клубные формирования для детей дошкольного возраста представлены клубом «Непоседы» и «Фантазеры». Существует клуб для студентов «Остров». Кроме того, имеются дискотекы, клубы декоративно-прикладного искусства, литературно-музыкальные клубы («Серебряная нота»), клубы любителей шахмат и др. Отдельным направлением является работа с людьми пожилого возраста, для них существует клуб людей пожилого возраста «Золотая пора жизни».

Если сопоставить данные о наличии уже имеющихся клубов и желаний, выраженные в ответах горожан, то можно сделать некоторые интересные выводы.

Во-первых, при наличии детско-юношеской спортивной школы имеется необходимость организации спортивных секций и в других районах города, может быть, на базе Дворца культуры или других учреждений. Во-вторых, указание на значимость клубов для молодежи при значительном их количестве указывает, с одной стороны, на актуальность этой работы, с другой – на необходимость расширения спектра направлений социокультурной деятельности в рамках уже имеющихся формирований. Кроме того, респондентами была отмечена актуальность организации большего количества объединений самодеятельного театрального и эстрадно-циркового творчества (37,9%), объединений любителей кино- и фотоискусства, станции юннатов (по 36,4%). В данном ключе стоит вспомнить, что при наличии почти двадцати коллективов, имеющих вокальную и хореографическую направленность, театральный коллектив – один, станции юннатов и фото-кружка вообще нет.

Самым приоритетным направлением культурно-творческой деятельности, которое необходимо усилить и развивать на базе уже имеющихся в городе учреждений культуры, по мнению жителей Называевска, является вовлечение молодежи в детское и молодежное движение (39,4%); на втором месте по значимости отмечено проведение спортивно-оздоровительных мероприятий (36,4%), на третьем – сохранение и развитие народных традиций, ремесел, обрядов и праздников (33,3%). Кроме того, в разряд значимых попали такие направления, как проведение семейных конкурсов и поддержка молодых семей (31,8%), проведение творческих конкурсов и фестивалей (31,8%), развитие творческой активности ветеранов (25,8%).

Примечания

¹ Кулешова М.Е. Типы наследия и его предметная ценность [Электронный ресурс] // Центр охраны дикой природы : [сайт]. – URL: http://www.biodiversity.ru/publications/books/managcult/cultural_resource_ru.zip (дата обращения: 06.10.2018).

² Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. – СПб., 1997. – С. 9.

20 лет созидания культурного ландшафта Омска профессором Валентиной Георгиевной Рыженко

Аннотация. В статье представлена интеллектуальная, педагогическая и организационная деятельность Валентины Георгиевны Рыженко, доктора исторических наук, профессора, историка культуры, интеллигентоведа и историографа по созиданию культурного ландшафта Омска.

Ключевые слова: культурный ландшафт, творческая личность, Сибирский филиал Российского института культурологии.

2018 г. стал юбилейным для многих важных явлений российской культурной истории, среди них отметим два, знаковых для сибирского и омского культурного ландшафта. Первое событие – это 25-летие Сибирского филиала Российского института культурологии (далее – Сибирский филиал РИК). Филиал создан в 1993 г., в 2014 г. преобразован в Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Второе событие – 70-летие уникальной творческой личности, историка культуры, интеллигентоведа и историографа, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, профессора кафедры Омского государственного университета Валентины Георгиевны Рыженко, заведующей сектором динамики локальных культурно-исторических процессов Сибирского филиала РИК (1993–2013).

Филиал Российского института культурологии был создан в Омске, по словам его основателей Н.А. Томилова и Н.М. Геновой, в ответ на «вызов Времени и Места»¹. Именно в кризисные 1990-е гг. интеллигенция находилась в поиске новых духовных и научных ориентиров, ярким проявлением этих поисков стали антропологический и культурологический повороты в исследовательской практике гуманитариев. Появляется новая дисциплина – культурология. В 1992 г. московский Научно-исследовательский институт культуры переименовывается в Российский институт культурологии, в феврале 1993 г. в Омске был образован его первый филиал – Сибирский. Почему в Омске? Здесь сложился круг специалистов, способных установить научные коммуникации, наладить плодотворное сотрудничество с различными исследовательскими и педагогическими коллективами Сибири для совместной работы над проблемами культуры и культу-

рологии. Интересно, что московская коллега доктор философский наук, профессор О.Н. Астафьева, заведующая сектором стратегий социокультурной политики РИК, связывает «самоорганизационную кристаллизацию» научного профиля Сибирского филиала с его расположением именно в Омске. В «... одном из старейших городов Сибири, сохранившем свою неповторимую историко-культурную среду, удивительный по своей выразительности архитектурный стиль; памятники, связанные с историей укрепления рубежей Российской империи и со сложными временами противостояния в период гражданской войны; свое этнокультурное разнообразие, обогащенное напластованием русских традиций и самобытной культуры этносов, населяющих территорию Сибири»².

Общую концепцию организации и деятельности Сибирского филиала РИК разрабатывали Н.А. Томилов, Д.А. Алисов, В.Г. Рыженко, П.П. Вибе, Б.А. Конилов, Н.М. Генова. В результате был сформирован творческий коллектив близких по духу и культурным устремлениям людей (историков и культурологов), своей научной и социокультурной деятельностью преобразующих культурное пространство Омска и Сибири. В историографии такое сообщество называют «культурным гнездом». В.Г. Рыженко обозначает этим термином «инфраструктурные ядра культурного пространства, которые его скрепляют, придают устойчивость, особенно в экстремальных условиях, а также определяют своеобразие его культурно-цивилизационного ландшафта»³. Напомним, что с немецкого *Landschaft* переводится как «край», «местность», «провинция», а также «пейзаж», «вид».

С помощью понятия культурно-цивилизационный ландшафт В.Г. Рыженко подчеркивает ведущую роль деятельности людей в преобразовании «Места» и его пространства, при этом учитывает такие организующие факторы, как социально-политические установки, геополитические и экономические государственные интересы. По мнению историка, «уникальность облику и атмосфере “местного” пространства придает включенная в структуру и образ такого ландшафта духовно-творческая (“проектная”) деятельность “штучной” интеллигенции и ряда сообществ – носителей инновационных идей и идеалов»⁴. Такой подход близок информационной (информационно-аксиологической) парадигме культурного ландшафта, которой придерживаются сотрудники Института культурного и природного наследия (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, Р.Ф. Туровский). Культурный ландшафт исследуется учеными как объект культурного наследия, «как совместное произведение человека и природы, представляющее собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической, культурологической информативности»⁵.

Наука, искусство, религия (культура в целом), отмечает Ю.А. Веденин, воспринимаются сегодня в качестве важнейших элементов культурного ландшафта, «предопределяющих его функционирование и развитие, отражающих его сущность как особой социокультурной и природной геосистемы»⁶. Ландшафт рассматривается как объект исследования и источник творческого процесса, в результате научного и художественного творчества формируется информационный слой, который создаёт образ культурного ландшафта и является одной из важнейших его составляющих. Информационный слой включает, таким образом, интеллектуальные, исторические, социокультурные представления местного населения и специалистов (журналистов, учёных, художников и др.) о природном и антропогенном элементах ландшафта, о способах его созидания и сохранения.

Учитывая вышесказанное, мы признаем, что весь спектр особенностей творческой личности и деятельности Валентины Георгиевны Рыженко заслуживает монографического исследования, поэтому в данной работе сделаем лишь пробные шаги. Представим основные направления интеллектуальной, педагогической и организационной деятельности В.Г. Рыженко по созиданию культурного ландшафта. Исследовательские интересы и коммуникативные связи ученого простираются на многие сибирские города (Омск, Новосибирск, Томск, Барнаул, и др.), они складывались на протяжении насыщенной интеллектуальной, персональной истории этой уникальной личности и продолжают развиваться сегодня. В данной статье территориальные и временные рамки сознательно ограничены Омском 1993–2013 гг. Именно в Омске в отмеченное двадцатилетие Валентина Георгиевна получила возможность разрабатывать, апробировать, применять к изучению истории культуры города новые научные подходы. В это время она возглавляла сектор динамики локальных культурно-исторических процессов Сибирского филиала РИК, одновременно являлась доцентом, затем профессором Омского государственного университета. Неукротимая интеллектуальная и организаторская энергия В.Г. Рыженко, стремление к диалогу и совместному познанию «Места» привлекают людей разных профессиональных и возрастных групп, равнодушных к истории, культуре родного края (Места). Эти уникальные качества объединяют вокруг общей цели представителей науки и образования, музейных и архивных работников, краеведов, маститых и молодых ученых, а также студентов.

Историография темы представлена текстами, приуроченными к юбилейным датам Сибирского филиала РИК⁷ и В.Г. Рыженко⁸, справочными статьями в энциклопедических изданиях⁹. Интеллектуальная и организационная деятельность Валентины Георгиевны в интересующий нас период отмечена также в работах, посвященных истории

возглавляемого ею сектора динамики локальных культурно-исторических процессов¹⁰. Источники исследования – сохранившиеся в архиве сектора научные планы и отчеты, персональные характеристики, составленная нами и частично опубликованная библиография работ ученого¹¹, а также статьи и монографии Валентины Георгиевны Рыженко¹².

*Илл. 1. В.Г. Рыженко. Омск, март 2013 г.
Фото Т.Н. Золотовой*

Представим биографический контекст. Валентина Георгиевна родилась 1 января 1948 г. в г. Чистополь Татарской АССР в семье рабочих Чистопольского часового завода. Отец, Зеленин Георгий Александрович, был фрезеровщиком высшего разряда, мать, Зеленина Лидия Андреевна, – мастером гальванического цеха. Интересный факт: бабушка по отцовской линии Зеленина (Мамзикова) Ираида Максимовна (из мещан) вышла замуж за прапорщика, в годы Гражданской войны была телеграфисткой, побывала в Сибири вместе с отступавшей армией Колчака¹³.

В 1966 г. Валентина Зеленина окончила с золотой медалью среднюю школу № 16 г. Чистополя, поступила на исторический факультет Московского государственного университета. Огромную роль в становлении будущего историка сыграли выдающиеся ученые М.Т. Белявский, В.З. Дробижев, С.С. Дмитриев, И.Д. Ковальченко.

Уже тогда, как отмечает В.Ш. Назимова, у неё стал заметен преимущественный интерес к проблемам теории исторической науки, источниковедению, историографии¹⁴. Тогда же Валентина, погрузившись в культурную атмосферу Москвы, слушая лекции по истории русской культуры и работая в спецсеминарах известных историков (С.С. Дмитриева, Б.А. Рыбакова, М.И. Хейфеца), заинтересовалась относительно новыми для советской исторической школы сюжетами – спецификой российской интеллигенции, особенностями советской культуры, культурными составляющими исторического процесса. Логичным завершением обучения стала успешная защита работы по теме «Социально-психологический облик московских инженеров 20-х гг. XX в.», красный диплом и специальность «историк, преподаватель истории и обществоведения со знанием иностранного языка». В 1972 г., после окончания университета, Валентина поступила в аспирантуру МГУ. Под руководством известного ученого-новатора, заведующего кафедрой истории СССР советского периода МГУ В.М. Селунской подготовила и защитила в 1977 г. кандидатскую диссертацию «Сельская интеллигенция РСФСР в годы реконструктивного периода (1926–1937 гг.)». Некоторое время работала по совместительству старшим преподавателем кафедры истории Липецкого педагогического института.

В 1978 г. вместе с мужем Леонидом Игоревичем Рыженко и двумя детьми (десятилетним Александром и трехлетней Лидией) Валентина Георгиевна приехала в Омск, где поступила на работу в ОмГУ на должность старшего преподавателя кафедры истории КПСС, позднее – кафедры истории советского общества. В 1986 г. она была аттестована на должность доцента (в 1987 г. кафедры этнографии, историографии и источниковедения истории СССР), в 2001 г. – на должность профессора кафедры современной отечественной истории и историографии. С 1993 по 2013 г. работала также в Сибирском филиале РИК, руководила сектором динамики локальных культурно-исторических процессов.

В 1988 г. В.Г. Рыженко было присвоено ученое звание доцента, в 2006 г. – профессора. В 2004 г. в Екатеринбурге в Институте истории УРО РАН она защитила докторскую диссертацию «Интеллигенция крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования».

Сегодня В.Г. Рыженко – известный специалист в области истории культуры России и Сибири, краеведения, регионоведения, культурологии, историографии. Она обосновала и развивает новое исследовательское междисциплинарное направление в интеллигентоведении и изучении культуры советской эпохи, советского города. Признано, что В.Г. Рыженко сформировала оригинальную историко-культурно-

логическую научную школу. В качестве научного руководителя она подготовила более 150 высококвалифицированных специалистов, 15 кандидатов исторических наук. Ее ученики трудятся в управленческих структурах администрации Омска и Омской области, в высших учебных заведениях, учреждениях образования и культуры, в музеях, архивах, библиотеках Москвы, Тюмени, Омска, Тары. В.Г. Рыженко активно участвует в аттестации научно-педагогических кадров. Является членом диссертационных советов при Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского и Омском государственном педагогическом университете. На протяжении пяти лет входила в состав диссертационного совета при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, способствуя укреплению устойчивых научно-образовательных и культурных связей Омской области и Республики Казахстан.

В.Г. Рыженко поддерживает постоянные научные и организационные контакты с Ивановским, Екатеринбургским, Новосибирскими центрами по изучению интеллигенции и культуры, с Центром интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, Томским и Саратовским госуниверситетами (в том числе по линии программ межрегионального института общественных наук – МИОН), Омским государственным педагогическим университетом, Казанским государственным университетом, Институтом Российской истории АН «Центр истории исторических наук», Челябинским госуниверситетом, Челябинским педагогическим университетом, с факультетом искусств Алтайского госуниверситета, с учеными Республики Казахстан и т. д. Валентина Георгиевна – председатель Омского отделения Российского общества интеллектуальной истории, член совета Союза краеведов России, член Омского отделения Союза краеведов России, входит в состав ученых советов всех музеев Омска; руководитель виртуального объединения учителей истории Омской области, постоянный член жюри городского конкурса «Мой город».

В.Г. Рыженко входит в состав редколлегии журналов «Интеллигенция и мир» (Иваново), «Известия вузов. Серия “Гуманитарные науки”» (Ивановский химико-технологический университет), «Культурологические исследования в Сибири» (Омск, издавался в 1999–2015 гг.), «Вестник Омского университета. Серия “Исторические науки”» (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского). Ее научно-исследовательские и коммуникативные проекты были 6 раз поддержаны ведущими отечественными научными фондами. Она автор более 360 научных публикаций, в том числе 2 персональных и 5 коллективных монографий. В.Г. Рыженко является автором 6 книг, посвященных истории и культуре Омска: «Город на границе государства Российского...» (2001 г., в соавторстве с Н.И. Лебедевой), «Пространство советского города

(1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири)» (2004 г., в соавторстве с В.Ш. Назимовой, Д.А. Алисовым), «Из века XVIII в век XXI: история Омска» (2006 г., в соавторстве с Н.А. Миненко), «Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект)» (2010 г.), «История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг.» (2013 г., в соавторстве с А.В. Жидченко), «Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: очерки» (2014 г., коллективный труд).

*Илл. 2. Вручение В.Г. Рыженко диплома М.Е. Бударина.
Омск, декабрь 2009 г.*

*Слева направо: И.А. Селезенева, В.Г. Рыженко, Н.А. Томилов.
Фото Т.Н. Золотовой*

В.Г. Рыженко была награждена многочисленными почетными грамотами: Администрации города Омска за многолетний добросовестный труд, достижения в научно-педагогической деятельности, большой личный вклад в изучение и укрепление культурного насле-

дия города Омска (2003); Министерства образования Российской Федерации за многолетний добросовестный труд и плодотворную научно-педагогическую работу по подготовке специалистов с высшим образованием (2004); почетной грамотой Президиума Омского научного центра Сибирского отделения РАН за существенный вклад в интеграцию академической и вузовской науки и плодотворное сотрудничество с научными учреждениями СО РАН (2007, 2013); почетной грамотой Министерства культуры Омской области за многолетний добросовестный труд, большой вклад в изучение культурного наследия Омской области (2008). Ей объявлена благодарность Министра культуры РФ за значительный вклад в развитие российской науки и культуры (2005). Указом Президента РФ Валентине Георгиевне Рыженко присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2010).

Очертив биографический контекст, представив социокультурные роли и основные достижения В.Г. Рыженко, обратимся к ее интеллектуальной, педагогической и организационной деятельности, направленной на созидание культурного ландшафта Омска.

Сектор динамики локальных культурно-исторических процессов был создан в составе Сибирского филиала Российского института культурологии в мае 1993 г., как уже упоминалось, с этого времени и по июль 2013 г. его возглавляла Валентина Георгиевна Рыженко. Ею были разработаны концептуальные подходы к программе изучения «научной проблемы историко-культурной локализации динамики социокультурных процессов в Сибири», определены и утверждены научно-исследовательские темы сектора: «Изучение культурного опыта Сибири, анализ форм и путей его использования при разработке культурной политики» (1993–1995), «Анализ локальных культурно-исторических форм культурных процессов» (1993–1997), «История культуры Омской области в советский период» (1993). В.Г. Рыженко продолжала изучать проблемы городской культуры и истории Сибири. В библиографии научных работ прослеживается научный интерес к роли интеллигенции и отдельной личности (краеведа, ученого, историка) в развитии культуры города, к освоению и востребованию научных разработок ученых первой четверти XX в. родиноведов, городоведов, краеведов (Н.П. Анциферова, И.М. Гревса, Н.К. Пиксанова, и др.), к анализу трансформаций культурно-цивилизационного ландшафта сибирских городов в экстремальных условиях XX в.¹⁵

В 2001–2004 гг. сотрудниками сектора были продолжены исследования феноменов «местной» сибирской культуры (Культуры Места). Суть поисков сводилась к разработке, освоению и использованию историко-культурологического подхода для анализа социокультурных процессов в Сибири, Западной Сибири, Омском

Прииртышье, в Омске. Хронологически исследования были сосредоточены на наименее изученном XX веке, на сложных феноменах советского социокультурного пространства. Ученые обратили внимание на возросшую роль личностей (интеллигенции) как субъектов культуры, определяющих ведущие тенденции локальных процессов. В первую очередь, это ученые, художники, архитекторы. Одной из центральных стала проблема соотношения уникального и универсального в реальных и динамике культуры конкретного Места, Города. «Логика исследования, – пишет В.Ш. Назимова, – привела В.Г. Рыженко к осознанию взаимосвязи творческой личности с окружающей природной и рукотворной средой, чья специфика формирует своеобразный “Дух Места” и дает специфические импульсы для творчества»¹⁶. В работах этого времени Валентина Георгиевна подтверждает предложенную гипотезу феномена «культуры Места». Смысл феномена в том, что содержание культуры отражает результаты насыщения конкретного пространства Места вещами культуры, созданными личностями в этом Месте и несущими явные признаки (образы, символы и знаки), представляющие уникальность того или иного Места. Эта идея получила развитие в дальнейших исследованиях ученого, была апробирована на материалах Западной Сибири.

Научные наработки В.Г. Рыженко с успехом применяла в педагогической деятельности, как на специалитете (до конца 2000-х гг.), так и в бакалавриате, магистратуре. Она является руководителем магистерских программ «Отечественная история», «История и культура регионов России». Валентина Георгиевна разработала интерактивные учебно-методические комплексы и образовательные методики междисциплинарного типа, широко востребованные учеными и специалистами не только в российских регионах, но и в странах ближнего зарубежья. Особое место среди них занимает метод «воспитания наследием», «погружения» в культурное пространство города через посещение важнейших его очагов – музеев, библиотек, выставок, мастерских художников и мастеров народных промыслов. Ею были внедрены в учебный процесс авторские базовые и элективные лекционные курсы: «История отечественной культуры», «Культура региона», «Человек и город: исторические взаимосвязи и символика культурного пространства», «Культура Омского Прииртышья: мастера и вещи». Логическим завершением этих разработок стало учебное пособие «Культура Западной Сибири: история и современность» (в соавторстве с А.Г. Быковой), построенное на принципах междисциплинарности, на стыке историко-культурного и культурологического подхода. В новой книге об Омске «“Город на границе государства Российского...”». Историческая мозаика: Книга для учащихся» В.Г. Рыженко также выдерживает культурологический курс. История города рассматривается как история культурного ланд-

шафта, сформированного определенной природно-географической средой и людьми, его населяющими, преобразующими.

С 2004 г. тема сектора динамики локальных исторических процессов трансформировалась в соответствии с новыми исследовательскими приоритетами ее руководителя и сотрудников («Личности, сообщества, институты в динамике реалий “местной” культуры»). Научная работа В.Г. Рыженко дополнилась углубленным анализом такого феномена «местной» культуры (культуры Места), как социокультурные сообщества, их ценностные ориентиры и традиции. Исследования велись по нескольким направлениям: историографическому, конкретно-историческому, историко-культурологическому на стыке с интеллектуальной историей, с новой культурной историей. В качестве ключевых методологических подходов определены принципы междисциплинарности и контекстуальности. В соответствии с этим равноправной опорой ее исследовательской работы являлись, с одной стороны, общероссийский конкретно-исторический материал, с другой – наработки представителей смежных наук (наукоеведения, урбанистики, семиотики, искусствоведения), а также отраслевых исследований (истории градостроительства и архитектуры). Особое внимание ею уделялось так называемым «переломным полосам» и «рубежным вехам». Постепенно складывалась еще одна стержневая линия исследования – образы науки и образы деятелей культуры в местном/городском ландшафте, формы и типы межличностных коммуникаций, специфика «сетей общения» в интеллектуальном и социокультурном пространствах локуса/города и региона.

Поиски на пути изучения истории советской интеллигенции и специфики культуры «Места» привели В.Г. Рыженко к конструированию и апробации на конкретно-историческом материале историко-культурологических моделей изучения культуры города. Так, в первой половине 2000-х гг. получила свой завершённый вид «историко-культуролого-городоведческая» модель для анализа культуры и интеллигенции крупных городов Сибири («интеллигенция – культура – город»). Инновационная модель была апробирована в двух монографиях¹⁷, на защите докторской диссертации и в исследовательском проекте РГНФ (2002–2004) «Культурное пространство западносибирского города в 1920–1950-е гг.». В своих исследованиях В.Г. Рыженко, сохраняя приоритет изучения роли интеллигенции и творческой личности в культуре города, обратилась к исследованию форм приращения и трансформации культурного потенциала, «культурно-цивилизационного ландшафта» города.

Со временем проблемное поле историко-культурологического изучения пространства и образа города усложнялось, приобретало несколько уровней: метафизический макроуровень и конкретно-исто-

рический микроуровень. На основе собственных наработок и новейших исследовательских тенденций в изучении города В.Г. Рыженко разработала новую междисциплинарную модель «Культурный ландшафт – опорная матрица образа города». Предложенная модель, по мысли ее автора, предполагала накопление информации о современном состоянии памятников, памятных мест и сооружений конкретной эпохи. Кроме того, модель акцентировала внимание на формировании «банка» фотоматериалов, отслеживающих исчезновение субкультурного слоя из ландшафта города последующего времени. «Фигуры» и «Места памяти» выявляются В.Г. Рыженко из интеллектуальных конструктов современных исследователей, связываются с потребностью общества обеспечить преемственность времен, а также осуществить индивидуальную и коллективную самоидентификацию. Конкретно-историческая апробация модели была проведена на материалах Западной Сибири, результаты представлены в опубликованной монографии «Образы и символы советского города в современных исследовательских практиках: региональный аспект» (Омск, 2010).

В 2009–2013 гг. в научной работе В.Г. Рыженко сохранялись «традиционные» темы по историографии истории и культуры города: историко-культурологические подходы к изучению российского города XX в.; востребование интеллектуального наследия сибирских ученых и краеведов начала XX в.; значение творческой деятельности ученых, художников; место университетов и музеев в культурном ландшафте города и др. В то же время появлялись новые темы – возможности изучения образов и пространств городов, юбилеи и фигуры памяти и т. д.

Одним из приоритетных направлений в совместной научной деятельности ученых Сибирского филиала Российского института культурологии, Омского государственного университета, Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН был научно-коммуникативный проект Всероссийских научных конференций с международным участием «Культура и интеллигенция России» (1993, 1995, 1998, 2000, 2003, 2006, 2009, 2012). Автор концепции и организатор конференций – В.Г. Рыженко. В статьях о прошедших мероприятиях мы подробно останавливались на особенностях каждого форума¹⁸, здесь приведем общие черты и ключевые характеристики. Благодаря этим регулярным научным встречам Омск получил статус одного из ведущих центров по изучению истории интеллигенции и культуры России. Проект проблемно-тематических конференций был направлен также на конструирование междисциплинарных исследовательских моделей изучения научных сообществ, творческих личностей, образов регионов, культурного пространства городов и пограничных территорий. Отличительной чертой конференций, как мы уже отмечали

в статьях об этих форумах, – стал не только особый взгляд на культуру и интеллигенцию, на пространство (Место) – историко-культурное направление (В.Г. Рыженко), но и взгляд интеллигенции на саму себя, на свое профессиональное призвание, на состояние науки как части культуры – историографическое направление (В.П. Корзун, В.Г. Рыженко).

Конференции способствовали установлению коммуникационных сетей между научными и научно-образовательными центрами, между специалистами России и ближнего зарубежья – историками, философами, социологами, культурологами, науковедомы, архивистами, музеологами, искусствоведами и т. д. На форумах, по замыслу В.Г. Рыженко, формировалось особое «пространство без границ». По сложившейся традиции научное и научно-практическое общение проходило в залах омских музеев (Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, государственного областного художественного музея «Либеров-центр», городского музея «Искусство Омска») на фоне художественных и фотовыставок, экспозиций архивных документов, что создавало особую интеллектуальную атмосферу и содействовало более глубокому погружению собравшихся в специфику культуры Места.

Тематика конференций позволяет проследить динамику научных интересов и интеллектуальных представлений их автора и организатора, а также представить вклад научных форумов в информационный слой культурного ландшафта Омска (процент статей, посвященных культуре Омска, варьируется от 20 до 50) и России в целом.

I Всероссийская научная конференция «Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.)» состоялась 24–25 ноября 1993 г., сопровождалась научно-практической выставкой «Искусство белой столицы» (куратор И.Г. Девятьярова).

28–30 ноября 1995 г. прошла II Всероссийская научная конференция «Культура и интеллигенция России в эпоху модернизации (XVIII–XX вв.)» с научно-практической выставкой «Возвращая забытое... (из не востребовавшего культурного наследия)» (кураторы И.Г. Девятьярова, Н.Г. Линчевская, Л.В. Шевелева, Л.Г. Чебоксарова).

III Всероссийская научная конференция «Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.)» была проведена 25–27 ноября 1998 г, органичным звеном проекта стала научно-практическая выставка «Судьбы деятелей науки и культуры в провинции: от оттепели к застою (из архивных и музейных собраний)» (кураторы Г.Ю. Бородина, Л.И. Огородникова, М.Е. Савиных, Е.В. Когут, В.Ф. Чирков, Л.И. Шорохова).

27–28 сентября 2000 г. состоялась IV Всероссийская научная конференция «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное

пространство. Провинция и Центр в XX веке», в рамках форума реализована научно-практическая выставка из архивных и музейных фондов «Мир ученого XX века в документах и материальных свидетельствах эпохи» (кураторы Е.Н. Гусева, Ю.С. Чалова, Н.В. Шадрина).

29 сентября – 3 октября 2003 г. прошла V Всероссийская научная конференция с международным участием «Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XXI в.)», сопровождалась научно-практической выставкой «Провинциальный культурный ландшафт в художественных образах и документах» (кураторы Е.Н. Гусева, Ф.М. Фаткулина).

3–5 октября 2006 г. состоялась VI Всероссийская научная и научно-практическая конференция с международным участием «Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан», научно-практическая выставка «Художник в поисках идеала: 50-е гг. XX века – начало XXI века» (кураторы – Г.Ю. Мысливцева, Е.В. Груздов, Л.И. Огородникова).

VII Всероссийская научная конференция с международным участием «Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан» прошла 19–22 октября 2009 г., была посвящена 35-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. В рамках конференции осуществлен художественно-выставочный проект «Тихая выставка» (куратор В.Ф. Чирков).

16–18 октября 2012 г. в рамках программы подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории проведена VIII Всероссийская научная конференция с международным участием «Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций», в рамках форума состоялась презентация театрализованного выставочного проекта «Русское поле», посвященного 200-летию Отечественной войны 1812 года (ГОХМ «Либеров-центр»).

Творческое сотрудничество В.Г. Рыженко (через нее – и Сибирского филиала РИК) с омским отделением Союза художников, местными музеями, архивными и образовательными учреждениями имело огромное научно-практическое значение. Посредством совместных проектов происходила апробация и внедрение научных идей в социокультурную практику. Постоянными партнерами Валентины Георгиевны выступали: Государственный областной художественный музей «Либеров-центр» (директор Н.С. Курупа, заместитель по научной работе Г.Ю. Мысливцева), городской музей «Искусство Омска» (Г.Ю. Мысливцева, А.У. Трофимова,

Е.В. Груздов, В.Ф. Чирков), Омский государственный историко-краеведческий музей (П.П. Вибе), Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (Б.А. Конилов, Ф.М. Буреева, И.Л. Симонова, Л.К. Богомолова), архивные учреждения Омской области и города, омский региональный Центр по изучению творчества Ф.М. Достоевского при Омском государственном университете (руководитель – профессор Е.А. Акелькина).

*Илл. 3. Участники конференции «Культура и интеллигенция».
Омск, октябрь 2009 г.*

*Слева направо: З.Г. Сактаганова (Караганда),
С.К. Бердагулова (Астана), Г.В. Оглезнева (Иркутск),
А.Ж. Мырзахметова (Караганда), В.Г. Рыженко (Омск),
С.И. Маловичко (Москва).*

Фото О.В. Петренко

В.Г. Рыженко была научным куратором значимых для культуры Омска и Омской области научно-художественных мероприятий (конференций, семинаров, круглых столов, выставок). Среди них региональная научная конференция «Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы», посвященная 30-летию ОмГУ (2004); научно-практическая конференция с участием регионов

Сибири и Казахстана «Реки Сибири и их образы в динамике природного и культурного ландшафта» (2006); Всероссийский культурно-образовательный проект «Музей-дом мастера» (2009); Всероссийская научная конференция «Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)» (2010); Всероссийская научно-практическая конференция «Творчество А.Н. Либерова и российская пастель: история и современность» (2011); IV Всероссийская научно-практическая конференция «История образования и просвещения в Сибири и Казахстане» (2012); научно-практическая конференция «Первые Ядринцевские чтения» (2012) и др.

Согласимся с В.Ш. Назимовой, что «при напряженной научной и преподавательской работе Валентина Георгиевна, остается человеком, умеющим ценить радости жизни и общения, очень интересным собеседником, умеющим веселиться от души»¹⁹. У нее прекрасная семья. Муж – Рыженко Леонид Игоревич, кандидат технических наук, доцент, заведующий Центром трансфера инновационных технологий СибАДИ. Дети: Александр – экономист (1968 г. р.), Лидия – дизайнер, фотограф (1975 г. р.), Екатерина – стилист-визажист (1982 г. р.). Внуки – Георгий (1992), Тимофей (1998), Арсений (2007), Милочка (2017). Все очень талантливы, что способствует полному взаимопониманию и обеспечивает возможность для творчества, для преобразования окружающего культурного ландшафта.

Интеллектуальная, педагогическая и организационная деятельность Валентины Георгиевны Рыженко вносит огромный вклад в созидание культурного ландшафта Омска не только практическими действиями, но и наполнением его информационного поля инновационными идеями, образами, смыслами.

Примечания

¹ *Томилов Н.А.* Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации: первое десятилетие // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3 (11). – С. 5–22; *Томилов Н.А., Алисов Д.А.* Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ: два десятилетия научной и научно-организационной деятельности (1993–2013) // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиции России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2013 года) / отв. ред. Д.А. Алисов, Н.А. Томилов. – Омск, 2013. – С. 356–372.

² *Астафьева О.Н., Томилов Н.А., Сорокин А.П.* Историко-этнографический ракурс: фокусирование как научная стратегия // Культурологический журнал

[Электронный ресурс]. – 2012. – № 4 (10). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/175.html&j_id=12 (дата обращения: 20.05.2018).

³ *Рыженко В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования : монография. – Екатеринбург; Омск, 2003. – С. 142.

⁴ *Рыженко В.Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект) : монография / науч. ред. В.П. Корзун. – Омск, 2010. – С. 30.

⁵ *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. – М.; СПб., 2004. – С. 16.

⁶ *Веденин Ю.А.* Информационная парадигма культурного ландшафта... С. 68.

⁷ *Рублевская С.А., Томилов Н.А.* Сибирский филиал Российского института культурологии в 1993–1997 гг. // Культурологические исследования в Сибири. – 1999. – № 1. – С. 129–138; *Томилов Н.А.* Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры Российской Федерации: первое десятилетие // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 5–22; *Алисов Д.А., Томилов Н.А.* Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии за 15 лет // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2 (24). – С. 11–26; *Алисов Д.А., Томилов Н.А.* Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии (2008–2012 годы) // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 5–17 и др.

⁸ *Корзун В.П., Алисов Д.А.* Штрихи к юбилейному портрету (к 20-летию научно-педагогической деятельности В.Г. Рыженко) // Локальные культурно-исторические исследования. Теория и практика. – Омск, 1998. – С. 3–8; *Назимова В.Ш.* Юбилей Валентины Георгиевны Рыженко // Культурологические исследования в Сибири. – 2003. – № 2 (10). – С. 15–19; *Корзун В.П.* Валентина Георгиевна Рыженко // Омский университет. – 2007. – 28 дек. – № 38–39; *Якуб А.В., Мамонова М.А.* О юбилее В.Г. Рыженко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2018. – № 1 (17). – С. 7–14.

⁹ *Вибе П.П.* Рыженко Валентина Георгиевна // Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994. – С. 229–230; Рыженко Валентина Георгиевна // Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска. Библиографический словарь. – Омск, 1999. – С. 172–174; Рыженко Валентина Георгиевна // История интеллигенции России в биографиях ее исследователей. Опыт энциклопедического словаря. – Екатеринбург, 2002. – С. 152–154; *Петренко О.В.* Рыженко Валентина Георгиевна // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. – Новосибирск, 2009. – Т. 2: К–Р. – С. 804; Рыженко Валентина Георгиевна // Энциклопедия города Омска: в 3 т. / под ред. И.А. Кольца, Г.А. Павлова, А.П. Толочко. – Омск, 2011. – Т. 3: Омск в лицах. –

С. 335–336; Рыженко Валентина Георгиевна (р. 1 янв. 1948 г.) // Большой энциклопедический словарь Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск, 2011. – Т. 1. (Персоналии). – С. 434; Рыженко Валентина Георгиевна (09.01.1948, Чистополь, Татарской АССР) // Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI в.: словарь-указатель художников, искусствоведов, специалистов по музейному делу, исследователей, художников-педагогов, коллекционеров, меценатов, общественных и государственных деятелей. – Тобольск, 2014. – Т. 2: (Милашевский – Яшин). – С. 1052–1053 и др.

¹⁰ *Рыженко В.Г., Петренко О.В. (Гурова), Корзун В.П., Мельникова Е.В.* По пути погружения в специфику «Культуры Места» (к 15-летию работы сектора динамики локальных культурно-исторических процессов) // Культурологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 67–73; *Петренко О.В.* Проблемы города в исследовательской практике сектора динамики локальных культурно-исторических процессов Сибирского филиала РИК // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: Мат. Всеросс. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2013 г.) / отв. ред. Д.А. Алисов, Н.А. Томилов. – Омск, 2013. – С. 43–51.

¹¹ Список научных трудов к.и.н. В.Г. Рыженко // Локальные культурно-исторические исследования. Теория и практика. – Омск, 1998. – С. 9–18; Список научных трудов доктора исторических наук, профессора [ОмГУ] Валентины Георгиевны Рыженко за период с 1998 по 2008 г. // Мир историка : историографический сборник / под ред. С.П. Бычкова, А.В. Свешникова, А.В. Якуба. – Омск, 2008. – Вып. 4. – С. 532–552.

¹² *Рыженко В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования: Монография. – Екатеринбург; Омск, 2003. – 370 с; *Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А.* Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В.Г. Рыженко. – Омск, 2004. – 292 с; *Рыженко В.Г.* Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект): монография. – Омск, 2010. – 340 с. и др.

¹³ Об этом в биографии, составленной В.Г. Рыженко для издания “Who is Who в России”: Who is Who в России: биографическая энциклопедия успешных людей России. – 2013. – Вып. 7. – Т. 2: М–Я. – С. 605.

¹⁴ *Назимова В.Ш.* Юбилей Валентины Георгиевны Рыженко ... С. 15.

¹⁵ См.: Список научных трудов к.и.н. В.Г. Рыженко // Локальные культурно-исторические исследования. Теория и практика ... С. 9–11.

¹⁶ *Назимова В.Ш.* Юбилей Валентины Георгиевны Рыженко ... С. 17.

¹⁷ *Рыженко В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования : монография. – Екатеринбург; Омск, 2003. – 370 с.;

Алисов Д.А., Назимова В.Ш., Рыженко В.Г. Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири): монография. – Омск, 2004. – 292 с.

¹⁸ Об этом см.: *Петренко (Гурова) О.В.* Интеллектуальные диалоги продолжают: по итогам VI Всероссийской научной и научно-практической конференции «Культура и интеллигенция регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI. Россия–Сибирь–Казахстан» // Вестник Омского университета. – 2007. – № 1. – С. 162–165; *Рыженко В.Г., Петренко О.В.* Новый этап научно-коммуникативного проекта «Культура и интеллигенция России» (Омск, 16–18 октября 2012 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 99–102.

¹⁹ *Назимова В.Ш.* Юбилей Валентины Георгиевны Рыженко ... С. 19.

Раздел III
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
РОССИИ И КАЗАХСТАНА:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ

О.Н. Шелегина

**Наследие и исследовательские
и социокультурные тренды**

Аннотация: Целью статьи является отражение направлений актуальной научной рефлексии и социокультурной практики, связанных с ключевыми социогуманитарными понятиями – наследие и идентичность. Рассмотрены исследовательские тренды, развивающиеся в мировой и отечественной науке, академических институтах (Институте истории СО РАН) и научно-исследовательских учреждениях Министерства культуры РФ (Сибирском филиале Института Наследия). Дан анализ результатов, полученных в ходе реализации проекта «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе». В проблемном поле статьи: феномены регионально-локальной идентичности, специфика научного наследия, сохранение и развитие идентичностей в музейном пространстве, программы и проекты по культурному наследию. Выделены новационные, актуальные и перспективные научно-исследовательские и социокультурные тренды в комплексном изучении наследия.

Ключевые слова: наследие, идентичность, Сибирский филиал Института Наследия, Институт истории СО РАН, топос, феномены регионально-локальной идентичности, научное наследие, музеи, программы по культурному наследию.

В современном обществе феномены наследия и идентичности в их целостности, взаимообусловленности, сопряженности с институтами публичной памяти являются объектом актуальной научной рефлексии и социокультурной практики. Анализ релевантного историографического ресурса позволяет говорить о том, что изучение феномена идентичности в социальных науках демонстрирует нацеленность на него, как преимущественно на интериорную сущность, реализующуюся через соответствующие поведенческие практики

в коммуникативных пространствах. Индивид, являясь актором своей истории, идентифицирует свою личность в истории через определенный набор артефактов, с надеждой передать их будущим поколениям в качестве исторических источников, материального и нематериального наследия¹. В современной российской действительности происходит формирование социокультурных и исследовательских трендов, связанных с сопряженным изучением идентичности и наследия. Они требуют соответствующего изучения и обобщения для эффективного использования в научно-практической деятельности учреждений науки, образования, культуры, интеграции в мировое научное пространство.

Активную позицию в постановке и решении проблем в исследовательском поле: культура – наследие – идентичность занимает всемирно известный теоретик и практик музейного дела, профессор Томислав Шола. Одним из базовых тезисов его концепции является следующий: «Культура в широком смысле всегда включает в себя наследие так же, как наследие включает в себя идентичность». При этом он отмечает: «<...> наследие включает в себя множество форм памяти и существует в пространстве коллективной социальной и публичной памяти. Оно формируется и сохраняется так же, как система ценностей, и необходимо для постоянной сверки этой системы ценностей, которые и определяют идентичность»².

В настоящее время как магистральная актуальная и перспективная социокультурная тенденция позиционируется целесообразность освоения наследия. Освоение наследия М.Е. Каулен предлагает рассматривать как «универсальный способ сохранения наследия, остающегося живым и действенным даже когда та или иная форма бытия культуры перестает существовать физически. Освоенная социумом культурная форма, обретает свое духовное бытие и способность воплотиться в иной форме культуры иного времени и пространства»³. В современный период страны, регионы в числе приоритетных социогуманитарных задач решают проблемы изучения наследия, идентификации и музеефикации своей уникальной историко-культурной и природной среды⁴, интенсифицируются процессы определения, развития и трансляции регионально-локальной идентичности. Вместе с тем, один из базовых концептов – «освоение наследия», необходимых для развития новой исследовательской парадигмы еще не сформулирован и находится в фазе постановки проблемы.

Появляются международные коллективные монографии, сборники статей, связанные с проблемами и формами освоения всех видов наследия. Ученые из 11 стран мира (в т. ч. России) в монографии «Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice»⁵ представили результаты своих исследований по изучению и презентации научного, историко-культурного, археологического наследия, современных

технологий изучения наследия, включения его в сферу туризма, а также креативных наследиеведческих проектов. Высокую оценку научной общественности получил сборник научных статей «Наука, образование, музеи: формы освоения наследия»⁶. Авторы публикаций обосновали базовое место музея в системе исторической науки как элемента ее информационной инфраструктуры, показали востребованность коммуникационных технологий для социокультурных практик современного музея, позиционировали элементы стратегии актуализации национального культурного достояния.

В дискурсе феномена освоения наследия и проблем идентичности ведутся значимые теоретические и научно-практические исследования в Сибирском филиале Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (далее – Сибирский филиал Института Наследия). Этнографами И.А. Селезневой и А.Г. Селезевым была рассмотрена проблема идентичности новых субкультурных групп в рамках новых сакральных пространств и современных экологических движений⁷. Для изучения топосов представляют значительный интерес результаты работы культуролога Ю.Р. Гореловой, которая считает появление у человека образа Места необходимым условием формирования позитивной локальной (региональной, городской) культурной идентичности. Образ пространства, по мнению ученого, определяется такими факторами, как своеобразие архитектурно-ландшафтной среды, функциональный статус пространства, культурные практики (фестивали, ремесла) и наличие системы образов-символов, отражающих визуально воспринимаемый облик города и реализованных в творческих практиках населения⁸.

В Сибирском филиале Института наследия анализом роли культурного наследия, в частности праздничной культуры, в современном обществе занимается Т.Н. Золотова. Она доказала, что календарные праздники, при сочетании в них новаций и традиций, являются одним из главных факторов социализации личности и существенным образом влияют на формирование разных видов идентичности: этнической, социальной, культурной, групповой, региональной⁹. Изучая фестивали народной культуры, Т.Н. Золотова представляет их как форму актуализации фольклора в современных условиях и способ формирования идентичности в социокультурном пространстве современного города¹⁰. При исследовании городских и сельских мемориальных комплексов ученый приходит к выводу, что эти места коллективной памяти становятся формами проявления национальной и локальной идентичностей¹¹. Важным вкладом в отечественную науку и социокультурную практику стала коллективная монография «Культурная память в контексте формирования национальной иден-

тичности России в XXI веке», изданная и переизданная в сотрудничестве с Автономной некоммерческой организацией «Новый институт культурологии» (ранее – Российский институт культурологии)¹².

Существенный актуальный, перспективный методологический и историографический ресурс был создан в результате реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность». В рамках этой программы в Институте истории СО РАН в 2016–2017 гг. был реализован с участием культурологов, социологов, музееведов проект «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе». Это первое региональное междисциплинарное исследование проблемы в контексте идентификации личности в историческом процессе, социокультурных практик институций (архивов, музеев), связанных с освоением наследия как базового источникового ресурса для самоидентификации коллективной (в т.ч. территориальной, национальной, профессиональной) и индивидуальной, личностной.

Для определения идентичности локальных научных сообществ были изучены территории Сибирского региона, создававшиеся как научные топосы во второй половине XX в. – новосибирский Академгородок и микрорайон «АБ» Федерального научно-производственного центра (ФНПЦ) «Алтай» г. Бийска – самого крупного наукограда в Российской Федерации. При формировании Новосибирского Академгородка – по оценке зарубежных ученых, «сибирского чуда XX века» – существенное значение имело создание соответствующей инфраструктуры. Структурными элементами социокультурной инфраструктуры и культуры жизнеобеспечения стали: Дом ученых, гостиница «Золотая долина», клуб-кафе «Под интегралом», Выставочный центр, что способствовало привлечению в научный центр научной и творческой интеллигенции. В новосибирском Академгородке сформировалось креативное сообщество исследователей, базирующееся на основе демократизма, свободы дискуссий, гордости за уникальность научного топоса. Это стало основой для формирования, развития и трансляции регионально-локальной «академовской» идентичности¹³.

С течением времени образовались социокультурные комплексы, маркирующие наследие названных выше научных топосов: *мемориально-монументальный* (памятники и мемориальные доски, посвященные выдающимся ученым и гражданам); *музейный* (музеи и объекты музейного значения); *топонимический* (отражение научного профиля в названиях улиц и объектов); *интеллектуально-досуговой* (формы, деятельность объектов культуры, общественного быта); *экологический* (ландшафтно-природные зоны); *креативный* (арт-объекты с научной

символикой). Формирование и развитие данных научных топосов обусловлено динамикой и интеграцией деятельности государственных органов, академических и ведомственных структур, общественной инициативы граждан.

Жители Академгородка проявляют и реализуют инициативу по сбору и демонстрации предметов музейного значения, характеризующих его идентичность. Показательным в этом отношении можно считать создание А.Г. Безносовой-Близнюк «Интегрального музея-квартиры повседневности Академгородка». Существенный вклад в музеификацию наследия вносит Музей науки и техники СО РАН (руководитель – к.и.н. Н.Н. Покровский). Ярким проявлением развития идентичности новосибирского Академгородка и расширения его влияния на социокультурное пространство региона с акцентуацией на современный гендерный аспект можно считать проведение в марте 2017–2018 гг. областного фестиваля «Академина». Фестиваль базировался на опыте проведения в 2012 г. конкурса «Академина» для женщин-ученых и получившего широкий общественный резонанс¹⁴.

50-летию фестиваля авторской песни, проведенного клубом «Под интегралом» в 1968 г., был посвящен культурно-исторический форум «Место силы и свободы Академгородок». 10–11 марта 2018 г. в коммуникативном пространстве «Точка кипения» открытого акционерного общества «Новосибирский Академпарк» обсуждались проблемы социальной истории и феноменологии, состоялась научно-познавательная конференция «Новосибирский Академгородок: прошлое, которым сильно настоящее» и фестиваль ««Интеграл-фест»: погружение в 60-е».

Таким образом, топос Академгородка в современных условиях целесообразно рассматривать не только как историческое место, связанное с организацией СО РАН, но и как форму креативной среды жизнедеятельности, определенное «культурное высказывание», сложившееся во второй половине XX – начале XXI в., а с 2014 г. – и как достопримечательное место Сибирского региона¹⁵. В настоящее время важное значение имеет сохранение традиций Академгородка, органичное представление его наследия в сфере массовых коммуникаций и туризма в соответствии с современной концепцией развития Новосибирского научного центра как Центра Науки – Образования – Инноваций.

В результате исследования было предложено выделение концепта «научный топос как феномен регионально-локальной идентичности». Он применим к территориальным образованиям со сложной идентичностью, описывает отношения «человек – пространство – культура». Концепт обозначает локально-организованные смыслообразующие научные пространства (поселения), сопряженные с определенным

географическим местом, репрезентативным культурно-историческим наследием и соответствующей социокультурной инфраструктурой, обладающих ментальной энергией формирования и трансляции научной идентичности в логическом, фактографическом и символическом аспектах.

Выделение в топосе новосибирского Академгородка значительного личного компонента актуализировало и показало перспективность изучения исторической идентичности в поле науки на основе персональных архивов известных ученых, работавших в Новосибирском научном центре – академика А. П. Ершова (1931–1988)¹⁶, чл.-корр. А.А. Ляпунова (1911–1973) и доктора физико-математических наук Ю.Б. Румера (1901–1985). Электронной системой накопления, представления и хранения научного наследия является «Открытый архив СО РАН»¹⁷. Его пополнение позволяет достаточно успешно решать гносеологическую задачу повышения уровня доступности памятников материального и нематериального наследия¹⁸. Это дает возможность рассматривать вклад ученых в основания науки и культуры в более широком контексте: с точки зрения общей истории отечественной науки, становления ее отдельных направлений и школ, взаимодействия с властью, формирования образовательных программ, реализации научного потенциала, влияния экстремальных ситуаций на формирование личности и наследия ученых, их отношения к формированию источниковой базы истории науки. Трансляция исторического опыта развития профессиональной идентичности ученых на новой методологической и технологической основе является тенденцией развивающейся в современном социогуманитарном знании и сопряженной с конфигурацией интеллектуального пространства музейного мира Сибири.

В условия глобализации, при актуализации наследия в сферу музеефикации активнее стали включаться темы, связанные с культурой жизнедеятельности, жизнеобеспечения на мировом, региональном, локальном уровнях. Это стимулирует разработку нового регионально-локального подхода к изучению процессов активного освоения научного и историко-культурного наследия, усилению роли музеев в развитии идентичности жителей конкретных территорий.

Предлагаемый регионально-локальный подход в освоении наследия базируется на актуальном тренде глокализации – принятии глобального с встраиванием его в сохраненную идентичность регионального и локального уровня. В качестве сущностных характеристик данный тренд содержит синтез локальной (чувство родства с местом рождения или непосредственного проживания) и региональной (осознание общности интересов с населением и территорией исторического или географического региона) идентичностей; дает возможность определения специфических территориальных маркеров культуры,

связанных с освоением наследия, формированием ментальных особенностей населения, расширением их «мы-сознания», развитием коллективной идентичности.

В Сибири, полиэтносоциальном макрорегионе Азиатской России, наследие содержит ярко выраженную этнокультурную составляющую, которая достаточно активно осваивается практически во всех сибирских музеях-заповедниках. Музеи-заповедники становятся престижными брендовыми объектами территорий, например, «Томская писаница», «Мариинск исторический». Активно включен в индустрию туризма Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. Адаптацию материального и нематериального наследия к изменениям в региональном социокультурном пространстве успешно демонстрируют музеи-заповедники историко-этнографического профиля «Шушенское» (Красноярский край), «Старина Сибирская» (Омская область), мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина (Алтайский край). В республиках Южной Сибири музеефицируются особо охраняемые территории историко-культурного значения (музеи-заповедники «Казановка», «Долина царей»). Значимый ресурс историко-культурного и природного наследия, особый правовой статус, высокий адаптивный потенциал позволяют музеям-заповедникам Сибири эффективно способствовать развитию российской и регионально-локальной идентичности.

Следует подчеркнуть, что приоритетная роль в формировании и трансляции региональной идентичности принадлежит средовым музеям (музеям-заповедникам, музеям под открытым небом), актуализирующим в процессе музеефикации и музейной коммуникации ландшафты, недвижимые объекты наследия, нематериальное наследие. В музеях в процессе изучения и ощущения своей принадлежности к родной культуре, сопоставления ее с другими происходит культурная самоидентификация и адаптация личности к полиэтнической среде. В Сибирском регионе получили распространение новые способы интерактивного представления исторического опыта формирования идентичностей – тематические этнографические туры. Например, туристический маршрут «Казачья подкова Алтай» включает знакомство с 16 объектами историко-культурного и природного наследия, 5 музеями, ориентирован на погружение в культуру и быт потомков яицких, терских казаков, с конца XVIII в. населяющих территорию Алтайского края и охранявших здесь границы Российской империи¹⁹.

В современный период в музеях разного уровня наблюдается развитие спектра социальных практик, приводящих к расширению понятия «наследие» за счет выделения новых объектов, музеефикации целостной историко-культурной среды, активного обращения к нематериальному культурному наследию. Важное значение имеет

совершенствование форм работы с музейной аудиторией по презентации наследия, персонифицированное представление региональной истории²⁰. Следует уделять должное внимание представлению в музеях социально значимых лиц, поддерживающих или возвращающих утраченный ранее социокультурный статус территории. Для сибирского региона большое социокультурное значение имеет функционирование Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина, а также создание мемориальных комнат выдающихся сибирских ученых академиков М.А. Лаврентьева, В.А. Коптюга, А.А. Трофимука, Г.К. Борескова, Д.К. Беляева (Новосибирский научный центр), Л.В. Киренского (Красноярский научный центр).

«Акты саморефлексии, – как отмечает И.В. Чувилова, – способствуют упрочению коллективной идентичности, сохранению мест памяти и актуализации наследия. Музеи как бы добирают игнорируемый ранее аксиологический ресурс, который становится основанием для идентификации сообществ. Такой подход к сохранению мест памяти, к возрождению элементов традиционной культуры и к актуализации этого наследия совершенствуют коллективную идентичность сообщества, развивают ее»²¹. В этой связи важно обратить внимание на деятельность Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона (АСПАК) Международного совета музеев (ИКОМ) при ЮНЕСКО. Эта влиятельная общественная организация путем проведения ежегодных симпозиумов, музеологических школ осуществляет разработку и внедрение в практику современных технологий работы с наследием, отражением на его основе в мировом контексте особенностей регионально-локальной идентичности населения Сибири²².

В целом глобальные вызовы, стремление к самоидентификации локальных сообществ, адаптация к кардинальным изменениям в музейном мире на основе актуализации исторического опыта формирования идентичностей привели к эволюции музеев местного края к новому типу музеев локальной истории, способствующих укреплению регионально-локальной и российской идентичности²³.

Актуальной и перспективной формой расширения источникового ресурса, отражающего этнокультурную идентичность населения Сибирского региона, и распространения научных знаний можно признать участие ученых в региональных социокультурных мероприятиях, изучение объектов наследия и проявлений региональной идентичности методом «включенного наблюдения», активной коммуникации с представителями местных сообществ. Участники Международной научно-практической конференции «Образовательные стратегии и инициативы в этнокультурном развитии регионов Большого Алтая» (в их числе О.Н. Труевцева, И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина) с целью обмена опытом в области организации межкультурной коммуникации

и решения проблем этнокультурной идентификации посетили X краевой праздник «Наурыз» фестиваля народных культур «Венок дружбы» в Кулундинском районе Алтайского края.

Важное значение имеют социально-ориентированные проекты и конференции, способствующие решению глобальных, российских и региональных наследиеведческих проблем. Приоритетные позиции по этому направлению, несомненно, занимал Сибирский филиал Российского института культурологии и ныне занимает Сибирский филиал Института Наследия. За 25 лет научной деятельности Сибирский филиал успешно провел почти 200 научных мероприятий разного уровня, в том числе, Всероссийскую научно-практическую конференцию «Мосты мира». В электронной публикации ее материалов сотрудники Института истории СО РАН разместили информацию о вышеназванном проекте²⁴. Результаты работы по проекту докладывались на Всероссийской научно-практической конференции «IV Ядринцевские чтения»²⁵. Как актуальный и перспективный исследовательский и социокультурный тренд была обозначена потребность в создании адекватной современным условиям развития науки и общества новационной системы освоения наследия, направленной на продвижение позитивного имиджа Сибирского региона, укрепление российской идентичности.

Следует обратить внимание на предложения Т. Шолы о целесообразности выделения нового направления – мнемософии – науки о публичной памяти, в рамках которой предполагается создание и развитие базовой концепции наследия. Для этого необходимо учитывать и результаты исследований в области изучения культурной памяти, социальных практик в разных регионах мира²⁶. Кроме того, следует активнее применять эмпирические методы исследования для систематизации данных социальных практик при формировании концепта «освоение наследия». Организационная структура этой системы должна строиться с учетом опыта выполнения программ и проектов, связанных с комплексным подходом к наследию на национальном, региональном и локальном уровнях.

В настоящее время имеется ряд государственных социокультурных программ, интегрирующих процессы актуализации наследия с официальной политикой памяти и учетом национальной и региональной специфики. Так, в структуру Государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг. включены подпрограмма «Наследие» и федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)», нацеленные на «сохранение культурного и исторического наследия народа, обеспечение гражданам доступа к культурным ценностям»²⁷.

В Республике Казахстан с 2004 по 2011 г. с последующей пролонгацией на 20 лет успешно выполнялась государственная программа «Культурное наследие» – «Мәдени мұра». Она включала аспекты, связанные с развитием и укреплением национального самосознания казахстанцев на основе богатого культурного наследия; открытием миру национальной духовной сокровищницы; системным изучением культурного наследия, обращением к национальной истории, философии, этнографии, языку, литературе, живописи, музыке. Комплексный характер программы превратил ее в национальный стратегический ресурс²⁸. В 2017 г. стартовала Программа «Сакральная география Казахстана», рассчитанная на 5 лет и направленная на создание единой сети мест памяти на всей территории Казахстана, что составит один из элементов каркаса национальной идентичности.

Для международной деятельности в сфере наследия весьма показателен трансграничный социокультурный и научно-образовательный проект «Актуализация культурного наследия в странах Азии» (2014 г.), организованный по инициативе АСПАК под эгидой ИКОМ. В основу его концепции был положен перспективный тренд в освоении наследия – интеграция учреждений науки, образования, культуры. Территориально проект охватил 7 городов Казахстана, России и Монголии, Китая. Весьма репрезентативным были число (более 700) и состав участников проекта: известные российские и зарубежные ученые, музеологи, сотрудники музеев, туристических фирм, студенты, а также использованные организационные формы: музеологические школы, научно-практические конференции, экскурсии к уникальным объектам наследия, в лучшие музеи.

В эпоху глобализации начинают активизироваться процессы, связанные с изучением линейного или протяженного наследия. В 1988 г. был принят проект ЮНЕСКО «Интегральное изучение Шелкового пути – пути диалога», рассчитанный на 10 лет. Благодаря полученным результатам и общественному резонансу этот беспрецедентный по масштабу проект был пролонгирован, создана on-line-платформа для развития научно-информационной коммуникации. В настоящее время ЮНЕСКО реализует ряд конкретных проектов, направленных на возрождение и поддержку отдельных направлений культуры в разных местностях. На Международном культурно-туристическом форуме «Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития» – «Сибирь Ил» (Республика Хакасия, 2017 г.) при участии ИКОМ России состоялась презентация Всероссийского проекта «Великий шелковый путь. Сибирская дорога». При решении задач проекта особое внимание уделялось этнографическим и этноконфессиональным феноменам в максимально широком временном освещении, использовался значительный потенциал реконструиру-

ванных этнографических комплексов, музеев под открытым небом, музеев-заповедников, «этнодеревень» из Республики Тыва, Республики Алтай, Республики Хакасии, Кемеровской области²⁹. В Китае ведется изучение исторического технического и историко-культурного наследия Восточно-Китайской железной дороги.

В этом перспективном тренде развиваются и исследования сибирских ученых и общественных деятелей В.Г. Рыженко и Л.И. Рыженко, разработавших и апробирующих вариант объединения локальных практик актуализации историко-культурного наследия регионов вокруг мест исторической памяти на основе опыта деятельности программы «Сибирский тракт» и акции «Маршрутом Чехова по Сибири на Сахалин». По оценке авторов «партнерская программа становится инструментом актуализации и востребования историко-культурного наследия через формирование событий и тем, а главное – через включение участников процесса в единую информационно-технологическую среду, нацеленную на решение как указанных прикладных задач, так и на обеспечение устойчивых горизонтальных связей внутри общего реального пространства «живой истории» Сибирского тракта и символического пространства исторической памяти. Так может возникнуть долгосрочный ресурс развития территорий»³⁰.

Известно, что одной из проблем в презентации и трансляции регионально-локального наследия является недостаточная скоординированность действий административных, ведомственных и общественных организаций. В качестве примера эффективного партнерского взаимодействия можно привести проект «Мы – земляки», реализуемый с 2015 г. в Новосибирской области на базе Музея «Заельцовка» филиала Музея Новосибирска. Суть проекта – представление в областном центре выставок районных центров Новосибирской области (НСО). Успешно, с большим общественным резонансом проведены выставки: «Каргатская волость» (Каргатский район НСО), «Тогузов Яр» (Тогучинский район НСО), «Всяк кулик свое болото хвалит» (Болотнинский район НСО). Партнерами в организации этих выставок являются Министерство культуры НСО, Управление культуры мэрии г. Новосибирска, администрации и учреждения образования и культуры соответствующих районов, депутаты, представители бизнес-структур, Общественный совет при Министерстве культуры НСО, ветеранские и краеведческие организации. Проведение выставок сопровождается проведением для молодежи историко-краеведческой викторины «Мы – земляки». В целом этот культурно-образовательный проект является новой системой музейно-педагогической деятельности, направленной на формирование у подрастающего поколения и молодежи территориальной идентичности»³¹.

Широкий спектр проектов музеев (в т. ч. сибирских) в сфере наследия обсуждался в рамках заседания «Роль проектной деятельности в развитии музеев» Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации (Рязань, 20–22 апреля 2017 г.).

Обратим внимание на весьма значимый для исследовательской и социокультурной практики проект подготовки и публикации этноконфессионального атласа Новосибирской области. Он был реализован в рамках развития сотрудничества академической науки – отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН и Министерства региональной политики НСО по Государственной программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Новосибирской области на 2015–2020 гг.». Создание атласа, как отмечается в предисловии ко второму тому, посвященному праздникам и фестивалям – «<...> реальный шаг к укреплению единства российской нации в ее региональном измерении. Проект имеет долгосрочный характер. Его конечная цель и практическая значимость определяет формирование поликультурности как одного из важнейших навыков адаптации и очень важного ресурса российского сообщества...»³².

В заключение хотелось бы присоединиться к мнению Т. Шола: «Музеи и другие институты памяти должны снабжать нас ответственным знанием, которое помогало бы нам приспособиться к неизбежным переменам, использовать их для удовлетворения реальных потребностей, а также бороться с угрозой дегуманизации...»³³. Ученые должны обеспечивать «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук»³⁴.

Таким образом, на основе анализа представленного историографического ресурса и эмпирической базы можно сделать заключение о наличии новационных, актуальных и перспективных исследовательских и социокультурных трендов, связанных с комплексным изучением проблем наследия, идентичностей и социокультурных практик:

- постановка вопроса о формировании науки о наследии (мнемософия, наследиеведение, «heritology», по Т. Шола), создание общей теории наследия;
- актуальность теоретического и научно-методического обеспечения общественно-значимого перехода от использования наследия к его освоению, разработка концепта «освоение наследия»;
- проведение междисциплинарных исследований (с использованием информационно-компьютерных технологий) слож-

- ных идентичностей, связанных с пространственным подходом к изучению наследия (сакральные пространства, регионально-локальные топосы, объекты линейного наследия);
- дальнейшее развитие исследований, связанных с изучением проблем наследия и идентичностей в соответствии с парадигмой исторической памяти, концепции «Мест и фигур памяти», концептов культурной памяти.

Считаем целесообразным обобщение опыта, систематизацию и определение научно-практической значимости результатов реализации программ, включающих сферу наследия, на всех уровнях от государственного до муниципального, определение социокультурных аспектов национальной безопасности России, адаптацию к современным условиям интеграции деятельности учреждений науки, культуры, образования, обеспечивающей синергетический эффект в выполнении приоритетных направлений Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

Примечания

¹ *Крайнева И.А.* Феномен исторической идентичности в поле науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. – М.: Этерна, 2017. – С. 374–386.

² *Шола Томислав С.* Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. – Ростов Великий, 2017. – С. 47–48.

³ *Каулен М.Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. – М., 2012. – С. 9.

⁴ *Ван Вэй, Шелегина О.Н.* Музей города Хуанган провинции Хубэй: диалог классического наследия и современности Китая // Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст. – Новосибирск, 2017. – С. 119–132; *Шелегина О.Н., Курьянова Т.С.* Наследие: теория и музейная практика в Сибирском регионе // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22. – № 2. – С. 111–115.

⁵ *Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice: The collective monograf.* – Pavlodar, 2015. – 227 p.

⁶ Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. ст. – Барнаул; Новосибирск, 2016. – 204 с.; *Куперштох Н.А.* Международный опыт в изучении форм освоения наследия Евразии. Рец. на кн.: Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. – Барнаул, Новосибирск: Изд-во «ТРИАДА»; Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 204 с. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24. – № 1. – С. 113–114.

⁷ Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Археологические памятники и новые сакральные пространства: иеротопия, хронотоп и глобальная информационная среда // Уральский исторический вестник – 2017. – № 1 (54). – С. 135–143; Они же. «Жить по совести и в ладу с природой»: новые экологические поселения в современном социокультурном пространстве (Западная Сибирь, Омская область) // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». – 2017. – № 4 (16). – С. 264–274.

⁸ Горелова Ю.Р. Образ территории как условие формирования позитивной культурной идентичности и приоритетная задача региональной культурной политики // КАНТ: социально-гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (1). – С. 24–33.

⁹ Золотова Т.Н. Праздничная культура как фактор формирования идентичности // Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах: тез. докл. Всерос. науч. школы (Омск, 6–8 сентября 2011 г.). – Омск, 2011. – С. 151–155.

¹⁰ Золотова Т.Н. Фестивали народной культуры как форма существования фольклора и фактор формирования идентичности и толерантности в социокультурном пространстве современного города // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всерос. науч. симпозиума (Новосибирск, 21–22 октября 2010 г.). – Омск, 2010. – С. 246–251.

¹¹ Золотова Т.Н. Создание мест коллективной памяти и организация сакрального пространства как форма проявления национальной и локальной идентичностей // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и новации»: тез. докл. и сообщ. – СПб., 2010. – С. 278.

¹² Астафьева О.Н., Васильев А.Г., Золотова Т.Н. и др. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: колл. монограф. – 2-е изд. – М., 2015. – 168 с.

¹³ Шелегина О.Н., Куперитох Н.А., Запорожченко Г.М. и др. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки Сибири. – 2016. – Т. 23. – № 3. – С. 117–122.

¹⁴ Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. «Академина» – фестиваль умных, красивых, смелых женщин // Гуманитарные науки Сибири. – 2017. – Т. 24. – № 2. – С. 119–120.

¹⁵ Запорожченко Г.М. Достопримечательные места Сибирского региона как ресурс познавательного туризма // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2017. – № 30. – С. 52–55.

¹⁶ Электронный архив академика А.П. Ершова [Электронный ресурс]. – URL: <http://ershov.iis.nsk.su> (дата обращения 02.04.2018).

¹⁷ Открытый архив СО РАН [Электронный ресурс]. – URL: <http://odasib.ru> (дата обращения 02.04.2018).

¹⁸ *Крайнева И.А.* Генезис дисциплины в поле науки: вычислительное дело – программирование – информатика // Вестник Томского университета. – 2017. – № 421. – С. 118–128.

¹⁹ *Шелегина О.Н.* Актуальные формы освоения историко-культурного наследия Сибири и региональная идентичность // Глобальные проблемы и развитие современного общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Бийск, 1–4 июля 2016 г.). – Бийск, 2016. – С. 9–13.

²⁰ Актуальные формы работы Музея «Заяльцовка»: методические подходы и практическая реализация: науч.-метод. и справ.-инф. материалы. Вып. 1. Препринт. – Новосибирск, 2017.

²¹ *Чувилова И.В.* Актуализация историко-культурного наследия и сохранение идентичности // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24. – № 1. – С. 81–85.

²² *Труевцева О.Н.* Формы и результаты деятельности международных музеологических организаций (конец XX – второе десятилетие XXI в.) // Гуманитарные науки Сибири. – 2016. – Т. 23. – № 1. – С. 102–106.

²³ Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст. – Новосибирск, 2017. – 190 с.

²⁴ *Шелегина О.Н.* О проекте «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе // Мосты мира [Электронный ресурс]: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 19–20 апреля 2016 г.). – Омск, 2016. – С. 60–61. – URL: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=479> (дата обращения 02.04. 2018).

²⁵ *Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М.* Научный топос как пространственная модель освоения наследия // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Революции и Гражданской войны в России (Омск, 30–31 октября 2017 г.). – Омск, 2017. – С. 339–341.

²⁶ *Жанбосинова А.С., Ердембеков Б.А.* Концепты культурной памяти и социальные практики в Казахстане // Вестник НГУ. Серия «История, филология». – 2017. – Т. 16. – № 1. – С. 29–39.

²⁷ Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]. – URL: [http:// docs.cntd.ru](http://docs.cntd.ru) (дата обращения 02.04. 2018).

²⁸ *Караманова М.С.* Государственная программа «Культурное наследие» Казахстана: этапы ее реализации и значение [Электронный ресурс]. – URL: [http:// www. e-history.kz/ru/contents/view/1568](http://www.e-history.kz/ru/contents/view/1568) (дата обращения 02.04.2018).

²⁹ По материалам отчета «Культурно-историческое наследие России в контексте культурно-познавательного проекта «Великий Шелковый путь». Руководитель проекта – д.п.н., доцент В. М. Грусман.

³⁰ *Рыженко В.Г., Рыженко Л.И.* Возможности актуализации историко-культурного наследия в рамках партнерской программы «Сибирский тракт» // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ.

конф., посв. 100-летию Революции и Гражданской войны в России (Омск, 30–31 октября 2017 г.). – Омск, 2017. – С. 42.

³¹ *Макарова Е.В.* Роль и место проектной деятельности музея в реализации задач по формированию социальной идентичности // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 9–12 октября 2017 г.). – Новосибирск, 2017. – С. 56–57.

³² Новосибирская область: этноконфессиональный атлас. – Новосибирск, 2017. – Ч. 2: Праздники и фестивали.

³³ *Шола Томислав С.* Мнемософия... – С. 8.

³⁴ Приоритетные направления Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642) [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.sscu.ru.pravochnik.pdf](http://www.sscu.ru/pravochnik.pdf) (дата обращения 02.04. 2018).

Историко-культурный потенциал территории – фактор обеспечения культурной преемственности и формирования позитивного образа территории

Аннотация. В статье приводятся данные социологических исследований, направленных на выявление потенциала исторического и культурного наследия в плане формирования позитивного образа территории. Автор использует результаты исследований, проводимых в Омске в 2012, 2013, 2014, 2016 гг. с помощью методов массового анкетирования. Достаточная выборка (1453 опрошенных) и анализ параметров в динамике позволяют автору сделать аргументированные выводы относительно предмета исследования. Полученные данные могут быть использованы при уточнении и выработке концептуальных основ региональной культурной политики.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, культурный потенциал, образ территории.

Город – это не просто совокупность улиц, площадей, набережных, садов и парков. Образ города, конечно же, основывается на реалиях его визуального облика, закреплённого своеобразием планировочной структуры, архитектурной и ландшафтной составляющей и других элементов, но не исчерпывается этим. Кроме прочего, значимым фактором следует считать наличие определенной ауры пространства, сотканной из публицистических, художественных, научных, научно-популярных и иных текстов о данном пространстве. В этом смысле город существует как «образ Места», бытующий в сознании его жителей и гостей и транслирующийся ими посредством разнообразных культурных, социальных, маркетинговых и иных практик. Образ одного и того же города в восприятии разных людей предстает по-разному, и в этом смысле у каждого свой Омск (Москва, Петербург, Самара...). Тем не менее, можно утверждать, что существует ядро образа конкретного города, идентичное для большинства его жителей, что достигается за счет существования в каждом городе нескольких наиболее значительных в семиотическом отношении доминант, выступающих в качестве главных идентификационных маркеров конкретного пространства.

Каждый город, кроме того, обладает особой атмосферой, на формирование которой накладывают отпечаток такие факторы, как статусные особенности (столица, город-курорт и т. п.), реалии экономической, политической, социальной и культурной жизни горожан.

В рамках настоящей публикации основное внимание будет сосредоточено на выявлении степени значимости историко-культурного наследия в деле формирования позитивных черт образа территории.

Образ – способ взаимодействия человека и мира, посредник между сознанием человека и внешней реальностью. Воспринимая внешний облик города, запечатленный в объектах материального мира (прежде всего в архитектурно-ландшафтной среде), человек соотносит результаты своего восприятия со всей совокупностью собственного социокультурного опыта (установками определенной культуры, социума, стереотипами сознания, результатами восприятия других людей, запечатленных в литературных художественных либо научных текстах, в изобразительном искусстве, транслируемых через СМИ и т. д.).

Значимым компонентом формирования позитивного образа территории является ресурс ее историко-культурного наследия, во многом определяющего и своеобразие визуальной среды Места (архитектурные и садово-парковые ансамбли, выдающиеся памятники архитектуры и градостроительства), и своеобразие ментального компонента территории (связь территории с теми или иными выдающимися событиями истории и культуры, памятниками изобразительного искусства, литературы; именно в этом смысле мы говорим о Петербурге Пушкина и Достоевского, о Москве Булгакова и т. п.).

Понимание сущности культурного наследия, на наш взгляд, напрямую связано со степенью осмысления значимости того или иного культурного феномена, пониманием его ценности для современников. Таким образом, категория наследия напрямую связана с категорией смысла, значимости, полезности. Если осознания полезности и ценности для дня сегодняшнего нет, то и наследием тот или иной артефакт культуры по сути еще не является. В этом смысле значимой частью сохранения культурного наследия становится сфера сохранения не только самих объектов, но и их культурных смыслов, сохранения самой культурной памяти и представлений об их ценности.

Автором настоящей публикации ранее исследовались такие параметры восприятия городских пространств, как представления о наиболее выразительных местах, архитектурных объектах и комплексах, воспринимаемых жителями в качестве визитных карточек города, специфика восприятия параметра выразительности – монотонности, особенности восприятия функционально различных групп архитектурных объектов, параметры восприятия структурирования и зонирования городской территории¹.

В данной публикации особое внимание будет уделяться таким смысловым блокам, как «история» (события, персоналии), «культура и искусство» (достижения, в том числе архитектурные объекты – памятники, персоналии).

В соответствии со спецификой целей и задач исследования и по причине экономичности затрат времени и средств был выбран метод квотной выборки. Для формирования адекватной выборки нами были исследованы основные социально-демографические характеристики генеральной совокупности².

В качестве значимого также оценивался фактор длительности проживания в городе. Исследования проводились в 2012, 2013, 2014 и в 2016 гг. Данные характеризующие параметры выборки содержит таблица 1. Общее количество опрошенных за четыре года составило 1453 чел.

Таблица 1

Параметры выборки

Год проведения исследования	2012	2013	2014	2016
Всего опрошенных (чел.)	203	528	422	300
Пол мужской (%)	45	42	46	35
Пол женский (%)	55	58	54	65
Проживающих в Омске более трех лет (%)	87	78,2	83,4	72,3
Проживающих в Омске менее трех лет (%)	13	21,8	16,6	27,3
Возраст 12–18 (%)	8,5	9	9,8	29,3
Возраст 18–24 (%)	41,2	42,3	39,8	54
Возраст 25–55 (%)	40,3	39,7	41,7	15,7
Возраст 55 и старше (%)	10	9	8,7	1,3
Общее среднее (%)	27,5	36,4	39,8	75
Среднее специальное (%)	8,5	9,6	11,2	7,3
Высшее и выше (%)	64	54	49	17,7

Определение перечня базовых позиций образного каркаса города проводилось на основании классификации образов по содержательно-генетическому признаку, предложенной Д.Н. Замятиным³, доработанной автором настоящей публикации. Этот вариант классификации учитывает содержательное происхождение либо образа в целом, либо отдельных его элементов. В результате выделились следующие компоненты образного каркаса:

- образы, ядро которых составляют ландшафтно-географические знаки и символы (например, Омск – город на слиянии рек; город-сад; равнинно-степной город);

- образы, центрованные вокруг культурного героя Места – личности, связанной со значимыми историческими и культурными процессами и событиями как реальными, так и мифическими (например, в Омске к таким культурным героям можно отнести И.Д. Бухгольца, Ф.М. Достоевского, М.А. Врубеля, А.В. Колчака и др.);
- образы, основой которых является значимое событие, факт социально-экономической, политической или художественной жизни страны (региона) или значимая характеристика данного пространства в масштабах страны (региона). Например, Омск – столица России (при Колчаке), Омск – город миллионник, город с развитой нефтехимической и оборонной промышленностью и др.

В ходе процесса концептуализации отмеченные выше теоретические признаки нами были переведены на язык измеряемых параметров, каждый из которых предполагал наличие вопросов-индикаторов. На основании этого была сформулирована модель измерения.

В результате при разработке анкеты для комплексного исследования восприятия горожанами образных характеристик города блок, связанный с историей и культурой, был сформирован четырьмя позициями наряду с другими тематическими блоками.

Первый блок «Чувственно-воспринимаемые характеристики» (природно-климатические условия, благоустройство). В него вошли такие характеристики города, как «пыльный», «город на реке», «город с жарким летом и суровой зимой», «город-сад», «зеленый город».

Второй блок «Статус. Геополитическое положение». В него вошли такие позиции, как «город на границе с Казахстаном», «крупный сибирский город», «провинциальный город», «крупный российский город».

Третий блок «История. Культура. Наследие». В него вошли такие позиции, как «город с богатой историей», «столица при Колчаке», «город-крепость», «форпост освоения Сибири», «город без яркого прошлого».

Четвертый блок «Перспективы и динамика развития». Его составили такие позиции, как «город без перспектив развития», «город с большими возможностями и перспективами развития», «динамично развивающийся город», «консервативный город».

Пятый блок «Точки роста. Градообразующие системы и факторы». В него вошли «крупный центр нефтеперерабатывающей и военной промышленности», «научный и образовательный центр», «город вузов и студентов», «культурный центр региона», «город театров и музеев», «крупный торгово-транспортный центр».

В результате было сформировано двадцать утверждений, определяющих образные клише в восприятии Омска.

Выбранный нами метод массового анкетирования predetermined закрытый тип формулировки вопросов. Закрытый тип вопросов позволил респондентам сориентироваться в предмете. При этом вопрос предполагал альтернативный характер ответа (то есть респондент мог выбрать одновременно несколько вариантов ответов, от одного до пяти).

Анализ ответов респондентов показал, что историко-культурная составляющая играет значительную роль в формировании позитивного образа территории.

В 2012 г. общее количество опрошенных составило 203 человека, в 2013 г. было опрошено 528 чел., в 2014 г. – 422 чел., в 2016 г. – 300 чел.

Количественные показатели по позициям, связанным с историко-культурным наследием, отражены в таблице 2.

Как явствует из данных таблицы 2, блок параметров, связанных с историко-культурным наследием, привлекает достаточно внимания респондентов и в значительной степени влияет на формирование образа территории. Обратим внимание также на то, что в среднем позитивное отношение к наследию, понимание его ценности, гордость за него продемонстрировали 87,9% респондентов, напротив, только 12,1% отметили, что Омск является городом без яркого прошлого.

В качестве пояснений к данным, показанным в таблице, можно обратить внимание на тот факт, что позиция «город – столица России при Колчаке» только в 2012 г. имеет 10,1%, в последующие годы средний бал колеблется в районе 6. Данное обстоятельство, на наш взгляд, связано с выходом на экраны незадолго до времени опроса художественного фильма «Колчак». Возможно, именно под воздействием впечатлений от фильма именно в 2012 г. многие респонденты, размышляя об Омске, его образ связали именно с этой яркой личностью. Впоследствии яркий образ, созданный на экране, потускнел и забылся, на первое место всплыли проблемы с развитием города, его перспективами, озеленением и другие, в результате чего вес данной позиции снизился. Это обстоятельство очередной раз напоминает нам о том, насколько значимую роль в формировании позитивной культурной идентичности может играть искусство и художественное творчество, тем более в таких проявлениях, как кино. Ведь киноискусство, являясь по своей сути синтетическим пространственно-временным видом искусства, как никакое другое может задействовать весь арсенал возможностей воздействия на чувства и восприятие людей, формируя яркие позитивные и запоминающиеся образы родной культуры и истории.

Дополнительно в 2013 и 2014 гг. проводился опрос, в рамках которого респондентам предлагалось ответить на вопрос «Чем может гордиться Омск?». Количественные данные содержит таблица 3. Количество опрошенных респондентов в 2013 г. составило 528 чел., в 2014 г. – 472 чел.

Блок «История. Наследие» в оценках респондентов

Наименование позиции	2012		2013		2014		2016		ИТОГ
	Кол-во респондентов, выбравших данную позицию	% от общего количества	Кол-во респондентов, выбравших данную позицию	% от общего количества	Кол-во респондентов, выбравших данную позицию	% от общего количества	Кол-во респондентов, выбравших данную позицию	% от общего количества	
Город-крепость, форпост освоения Сибири	65	6,4	167	6,5	105	6	44	4,5	Средний % 5,85
Город – столица России при Колчаке	103	10,1	141	5,5	106	6	60	6,2	6,95
Город с богатой историей	66	6,5	169	6,5	107	6	80	8,2	6,8
Город без яркого прошлого	2	0,2	72	2,8	94	5,4	24	2,5	2,7
ВСЕГО по блоку	236	23,3	549	21,3	412	23,4	208	21,3	22,3
Позитив по данному блоку в %	234	99,1	477	86,9	318	77,1	184	88,5	87,9
Негатив по блоку в %	2	0,9	72	13,1	94	22,9	24	11,5	12,1

**Результаты ответов на вопрос
«Чем может гордиться Омск?»**

Наименование позиции	2013		2014		Средний %
	Число	%	Число	%	
Архитектура	186	17	165	21,4	19,2
Благоустройство	–	–	20	2,6	2,6
Культура, искусство	200	18,3	143	18,5	18,4
История	236	21,6	146	18,9	20,25
Спорт	136	12,4	98	12,7	12,5
Персоналии	128	11,7	67	8,7	10,2
Образование	96	8,8	48	6,2	7,5
Ничем	112	10,2	85	11	10,6
Всего по блоку (архитектура, культура, искусство, история, персоналии)	750	68,6	521	67,5	68

Интересно, что доля респондентов, выбравших в разные годы блок «История», остается практически неизменной – на уровне 20%. При этом «родственные» категории, такие как «архитектура» и «культура», набирают также 19,2% и 18,4% соответственно. В совокупности блок «Архитектура, история, культура» набирает 57,85% и, таким образом, во многом определяет восприятие территории. Отметим также и тот факт, что данные опроса относительно того, что Омску нечем гордиться (10,6%), соотносятся с данными предыдущего опроса, где в среднем 12,1% назвали Омск городом без яркого прошлого.

Следует отметить, что блок «персоналии» был включен в общий итог по категории «История. Наследие» на том основании, что в ходе дополнительного опроса, проведенного в 2014 г., было выявлено, что из персоналий, названных респондентами в качестве личностей, чьими именами может гордиться Омск, две трети являются значимыми историческими личностями или деятелями культуры и искусства. Чаще всего в ответах респондентов упоминались такие личности, как А.В. Колчак, И.Д. Бухгольц, Ермак Тимофеевич, Ф.М. Достоевский, М.А. Врубель.

В ответах на открытый вопрос в рамках опроса 2013 г. «какой он Омск» неоднократно звучала тема культурного наследия. Омичи отмечали: «Если его историческая часть останется нетронутой, то город сохранит свое достоинство, наследие – это то единственное, чем он может гордиться».

Чтобы уточнить, какими именно объектами гордятся омичи, мы провели опрос, какие из архитектурных объектов воспринимаются в качестве наиболее значимых в семиотическом отношении и могут выступать визитными карточками города. Согласно данным исследования, проведенного в 2012 г., чаще всего визитной карточкой Омска горожане называют Драматический театр – 12%, Музыкальный театр упоминается в 7,8% случаях. Изображения данных зданий часто встречаются на сувенирной продукции, посвященной Омску: книги, ручки, кружки, изделия из бересты и т.п. Драматический театр является памятником истории и культуры регионального значения. Здание, построенное в стиле эклектики, радует глаз своей пластикой и обилием декоративных элементов, украшающих фасад. Музыкальный театр отмечается омичами во многом благодаря расположению на одной из основных магистралей города. Кроме того, он примечателен необычной крышей-трамплином. Театральная площадь с фонтаном – излюбленное место для отдыха горожан. Интересно, что позиция «Омск – культурный центр региона, город театров и музеев» встречается только в 5,6% ответов. При этом первое и третье место визитной карточки города занимают театры. Можно предположить, что здесь большее значение имеет форма, а не содержание знака. Драмтеатр и музыкальный театр любимы омичами как архитектурные объекты, но ценность именно театрального содержания снижена. Этот аспект может стать предметом дальнейшего изучения.

Второе место делят Любинский проспект (некоторые респонденты называют его так, а иные – «улица Ленина») и комплекс Омской крепости. Любинский проспект указан в качестве визитной карточки 45 раз, т. е. в 9% случаев, а комплекс Омской крепости в целом – 43 раза (8,6%, хотя 20 чел. из всех зданий комплекса акцентировали внимание исключительно на Тарских воротах, указав именно их как возможную визитку города). Третье место, как мы уже отмечали, занял Музыкальный театр, четвертое место (28 раз респонденты упомянули данную позицию; 5,6%) – Успенский собор. Кроме того, в качестве визитных карточек указывались Арена-Омск (18; 3,6%) и библиотека им. А.С. Пушкина (16; 3,2%), по 2,7% выборов набрали здание железнодорожного вокзала и Иртышская набережная, 1,7% – здание Речного вокзала.

Данные проведенных исследований показали значимость фактора историко-культурного потенциала территории в деле формирования ее позитивного образа в глазах жителей. Можно с уверенностью сказать, что культурное и историческое наследие является особо значимой частью культуры, выполняя роль не только фундамента культуры, но и являясь фактором, определяющим своеобразие территории. Факты истории и культуры, связанные с определенной территорией, а также судьбы выдающихся людей, так или иначе связанные с конкретным Местом, архитектурные объекты, обладающие художе-

ственно-эстетической и исторической ценностью воспринимаются респондентами в качестве значимых характеристик, повышающих в их глазах привлекательность данного пространства, формируя его позитивный образ.

Историко-культурный потенциал территории можно считать значимым фактором, формирующим не только позитивную культурную идентичность, но и способствующим сохранению ценностей и норм культурного ядра территории, обеспечивающего преемственность и воспроизводство культурных ценностей.

Большую роль в процессе актуализации культурного наследия посредством просветительной деятельности среди широких масс населения играют местные научные сообщества. Например, в апреле 2016 г. в г. Омске сотрудниками Сибирского филиала института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва был реализован проект по проведению научно-популярного лектория. Мероприятия лектория, посвященного истории и культуре региона проходили на базе культурных учреждений города (библиотек, музеев), лекторами выступили ведущие ученые научно-исследовательских институтов и преподаватели омских вузов. Всего состоялось 5 лекций, слушатели побывали в трех музеях и библиотеке. Мероприятия лектория посетили более 100 жителей города и области. Среди слушателей – студенты и преподаватели вузов, работники сферы образования и сотрудники национально-культурных центров, члены общественных организаций. Лекторий привлек внимание общественности еще и тем, что у заинтересованных в изучении истории своего края людей появилась возможность не только послушать лекции ведущих ученых Омска, но и посетить музеи города, в том числе ведомственные, доступ в которые ограничен для широкой публики.

Примечания

¹ Горелова Ю.Р. Архитектурная среда в восприятии омичей // Культурологические исследования в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 73–81; Горелова Ю.Р. Визуальные характеристики городской среды в восприятии омичей // Материалы Международного конгресса ФГБОУ ВПО СибАДИ «Архитектура. Строительство. Транспорт. Инновации». Кн. 2: «Архитектура, строительство, транспорт». – Омск, 2013. – С. 135–146.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Омской области. О России языком цифр / Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. – Омск, 2012. – 15 с.

³ Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М., 2006. – С. 154–271.

З.К. Сураганова

Нематериальное культурное наследие в правовом поле Казахстана: проблемы и перспективы развития

Аннотация. В статье дан предварительный анализ нормативно-правовых документов, направленных на сохранение и развитие нематериального культурного наследия в Казахстане. В статье представлен сравнительный анализ документов, принятых в национальных законодательствах Казахстана, России и Китая, свидетельствующий о различии в понимании и подходах к наследию в этих странах.

Ключевые слова: законодательство, культурная политика, нематериальное культурное наследие, Республика Казахстан.

Вопросы охраны и развития нематериального культурного наследия представляют собой важную правовую проблему. Они рассматривались в работах российских авторов М.Х. Шебзуховой (2002), Л.В. Пресняковой, Н.А. Пономарчук (2016) и исследователя из Беларуси И.Э. Мартыненко (2017)¹. В последней из названных работ, автор останавливается на состоянии указанной проблемы в Казахстане².

Одним из основных индикаторов ЮНЕСКО в области развития культуры и права на культурное развитие является деятельность, связанная с приведением в соответствие с международными стандартами национальных правовых основ в сфере культуры. Указанный индикатор дает возможность проанализировать «степень, в которой ключевые международные правовые инструменты, влияющие на культурное развитие, права в области культуры и культурное разнообразие были ратифицированы и / или приняты», выявить «степень, в которой национальное право и постановления управляют вмешательством, которое осуществляется со стороны государства и других заинтересованных сторон, преследующих цель продвигать секторы культуры и процессы из развивающейся перспективы», а также изучить «основные цели и подходы политики и действий в области культурной деятельности»³.

Формирование правового поля, в рамках которого осуществляются меры по приведению его в соответствие с международными нормами в сфере культуры остается актуальной проблемой для всех стран, которые недавно присоединились к ряду международных инициатив в указанной области.

В настоящей работе предпринята попытка дать общее представление о шагах, предпринятых в правовом поле Казахстана для сохранения нематериального культурного наследия, а также коснуться ключевых проблем в этой области. Целью исследования явился сравнительный анализ нормативно-правовых актов, принятых в международном, а также в национальных законодательствах Республики Казахстан, Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Одним из способов определения состояния развития культуры и права на культурное развитие стран ЮНЕСКО предлагает качественный индикатор, представленный в виде контрольного списка: надгосударственный (или международный) и национальный уровни правовых основ в сфере культуры. К наднациональному уровню, в нашем случае, относится ратифицирование обязательных международных инструментов, таких как Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения и Конвенция об охране нематериального культурного наследия⁴.

Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения была представлена на 33 сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, состоявшейся с 3 по 21 октября 2005 г. в Париже. Указанный документ вступил в силу 18 марта 2007 г. К тому моменту конвенцию ратифицировали в 52 государствах.

ЮНЕСКО в момент вступления в силу Конвенции, имела в наличии комплексный набор стандартных инструментов, которые рассматривают культурное разнообразие во всех его аспектах, как в сфере культурного наследия (материального и нематериального), так и в сфере современного творчества. Среди прочих была утверждена и Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003). В 2014 г. у Конвенции присоединилось 161 государство, что составляет более $\frac{2}{3}$ из 193 государств-участниц ЮНЕСКО⁵.

Интерес и правовое оформление в отношении нематериального культурного наследия в практике ЮНЕСКО становится заметным, начиная с инициативы Боливии. В 1973 г. правительство этой латиноамериканской страны в целях сохранения фольклора выступило с инициативой принять «Протокол к Всемирной конвенции об авторском праве». Позднее, в 1989 г. ЮНЕСКО принимает «Рекомендацию о сохранении фольклора»⁶.

Присоединение Казахстана к Международной конвенции «Об охране нематериального культурного наследия» от 17 октября 2003 г. произошло на основе Закона от 21 декабря 2011 г.

29 апреля 2013 г. Концепция об охране и развитии нематериального культурного наследия была одобрена постановлением

Правительства Республики Казахстан (далее РК). С этого времени в течение 5 лет, в национальном правовом поле осуществляются государственная поддержка и работа, преследующие цель развития и продвижения деятельности по сохранению нематериального культурного наследия (далее – НКН). На сегодня в Казахстане в целом был принят ряд нормативно-правовых документов по НКН:

- Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2011 г. № 514-IV (ратификация Конвенции);
- Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 апреля 2013 г. (одобрение Концепции);
- Закон Республики Казахстан от 28 октября 2015 г. № 368-V ЗРК (внесены изменения в нормативно-правовой акт);
- Закон Республики Казахстан от 5 мая 2017 г. № 60-VI (внесены изменения в нормативно-правовой акт);
- Закон Республики Казахстан «О культуре» РК от 15 декабря 2006 г. № 207 (внесены изменения);
- Указ Президента Республики Казахстан от 28 декабря 2015 г. № 146 (внесены изменения в Концепцию культурной политики Республики Казахстан);
- Правила ведения Национального перечня элементов нематериального культурного наследия, утвержденные приказом Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 30 ноября 2015 г. № 368.

Согласно национальному варианту концепции, координацию основных направлений развития НКН осуществляют два ведомства – Министерство культуры и спорта РК, Министерство образования и науки РК, а также Национальный комитет по охране нематериального культурного наследия, руководство которого входит в состав Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО (Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры)⁷.

Ведется работа по формированию Национального перечня элементов НКН. В Репрезентативный список НКН человечества от РК самостоятельно и совместно с другими странами-участницами внесены:

- традиционные знания и навыки изготовления казахской и кыргызской юрт (2014 г.);
- искусство исполнения традиционного домбрового кюя (2014 г.);
- Айттыс* – искусство импровизации (2015 г.);
- Казақ қуресі* (2016 г.);
- Наурыз (2016 г.);
- культура приготовления и преломления хлебной лепешки: лаваш, катырма, жупка, юфка (2016 г.);
- соколиная охота, живое человеческое наследие (2016 г.)⁸.

Национальный список НКН на сегодня состоит из 48 элементов. Из них только в категории «Обычаи, обряды и празднества» представлены 13 элементов – праздники весеннего календарного цикла (*Наурыз, Бие байлау, Айғыр қосу, Қымызмұрындық*), обряды жизненного цикла (*Шілдехана, Беташар, Жоқтау*), традиционные детские и юношеские игры (*Бес тас, Тымпи, Соқыр теке, Ақ сүйек, Алтыбақан, Ақ терек пен көк терек* и др.)⁹.

Безусловно, в нашей стране проделана определенная работа. Однако, сравнивая с тем, как обстоят дела в других странах, становится очевидным, что этого недостаточно. Анализ содержания правовых документов свидетельствует о ряде проблем, влияние которых существенным образом сказывается на деле сохранения и транслирования НКН в Казахстане. Содержание Концепции об охране и развитии нематериального культурного наследия во многом повторяет текст Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой в 2003 г. и уже не отвечает на множество актуальных для нас вопросов.

Если в Казахстане ограничились концепцией об охране и развитии НКН, то у наших соседей, в Китае, был разработан и действует Закон об НКН, который был принят 25 февраля 2011 г. и вступил в силу с 1 июня 2011 г.¹⁰

Начнем с ключевого определения «нематериальное культурное наследие». В 1999 г. в ходе международной конференции «Глобальная оценка Рекомендаций о сохранении фольклора», проходившей на площадке Смитсоновского института вместо понятия «фольклор» в научный оборот вводится определение «нематериальное культурное наследие»¹¹. В Международной конвенции «Об охране нематериального культурного наследия» от 17 октября 2003 г. НКН «обозначает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия»¹². В Докладе о предварительном исследовании по вопросу о целесообразности международного регулирования на основе нового нормативного правового акта – охраны традиционной культуры и фольклора, представленного на 161 сессии ЮНЕСКО, НКН определяется, как «выработанные людьми процессы наряду со знаниями, навыками и творчеством, которые наследуются и развиваются ими, продуктами, которые они создают и ресурсами, пространствами и др. аспектами социального или природного характера, необходимыми для обеспечения их устойчивости»¹³.

В Концепции по охране нематериального культурного наследия в Казахстане определение «нематериальное культурное наследие» практически является калькой из Международной конвенции и имеет

следующее содержание. НКН – это «обычаи и обряды, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами как часть их культурного наследия, представляющие историческую и культурную значимость»¹⁴. В Правилах ведения Национального перечня элементов нематериального культурного наследия дается еще одно определение. «НКН – обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, передаваемые из поколения в поколение и являющиеся нематериальной культурной ценностью»¹⁵.

В Законе РК «О культуре» понятие «НКН» отсутствует, приводятся лишь определения «культурное наследие народа Республики Казахстан» и «культурные ценности»: «Культурное наследие народа Республики Казахстан» представляет собой “совокупность культурных ценностей, имеющих государственное значение, исключительно принадлежащих Республике Казахстан без права их передачи иным государствам”. Культурные ценности включают “материальные и нематериальные ценности светского и религиозного характера, имеющие историческое, художественное, научное или иное культурное значение”¹⁶. Под «национальным культурным достоянием» в законе понимаются «материальные культурные ценности, имеющие особое значение для истории и культуры страны и включенные в Государственный реестр объектов национального культурного достояния»¹⁷.

В отечественном правовом поле различаются элементы НКН и области проявления НКН (устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи; обряды; празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами) которые также определяются как нематериальные культурные ценности. Но при этом, конкретное содержание самого понятия «нематериальные культурные ценности» отсутствует¹⁸.

В Китае рассматриваемое понятие имеет более широкое и, вместе с тем, актуальное толкование. Оно означает «отношение к различным культурным проявлениям, передаваемым по наследству людьми всех национальностей от поколения к поколению и рассматриваемым в качестве части их культурного наследия, и предметам, и местам, относящимся к традиционной культуре»¹⁹. В законодательстве КНР рассматриваемое понятие включает в себя: традиционные устные литературные произведения и язык, на котором они передаются; традиционные искусства, каллиграфию, музыку, танцы, драму, народные искусства и акробатику; традиционные технологии, медицину и календарь; традиционные ритуалы, фестивали и другие народные

обычаи; традиционные народные виды спорта и развлечений, другое нематериальное культурное наследие²⁰.

В российском законодательстве, несмотря на принятие в 2008 г. Концепции сохранения и развития НКН народов Российской Федерации на 2009–2014 гг., ситуация еще более непростая – разграничение на материальные и нематериальные объекты культурного наследия вовсе отсутствует²¹.

Существенным пробелом в отечественном законодательстве в области сохранения и продвижения НКН является отсутствие механизма реализации самой работы в этом направлении, что становится очевидным при рассмотрении понятия «носитель нематериального культурного наследия». Эта дефиниция в идентичной формулировке содержится как в Концепции по охране нематериального культурного наследия в Казахстане, так и в Правилах ведения Национального перечня элементов нематериального культурного наследия. Так, в Правилах ведения Национального перечня элементов НКН носитель НКН определяется наряду с местными и этническими сообществами, а в в некоторых случаях, отдельные лица, играющими важную роль в создании, сохранении воссоздании НКН народа Казахстана, обогащающими культурное разнообразие и способствующими развитию творческих способностей человека²². В указанных нормативных актах, однако, нет законодательного оформления статуса носителя НКН, его деятельности и стимулирования его деятельности. В Китае этот вопрос решен в законодательном порядке. В законе о НКН (статья 29) подчеркивается, что, назначение полномочных представителей предметов НКН определяется как отделом культуры при Госсовете, так и народными правительствами провинций, автономных регионов и муниципальных образований²³. В России правительство прямо или посредством федерального органа исполнительной власти также назначает «специально уполномоченного в области государственной охраны объектов культурного наследия, который осуществляет меры по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия»²⁴.

Таким образом, беглый обзор позволяет сделать следующие выводы. В Казахстане задача сохранения и развития НКН стоит на повестке дня с конца 2011 г. О проделанной работе свидетельствуют увеличение нормативно-правовых документов и список элементов НКН, который в 2015 г. составлял 45 элементов²⁵, а в 2017 – 48 элементов²⁶.

Вместе с тем, важной проблемой в Казахстане, требующей своего решения, остается вопрос определения статуса и стимулирования деятельности носителей НКН. В правовом поле нет критериев их выявления и механизма их назначения. Решение этого вопроса, как нам думается, является ключевым, поскольку только посредством носителя НКН возможно полноценное сохранение и развитие НКН в стране.

Цели и подходы государственной политики и действий в области сохранения и развития нематериального культурного наследия должны быть скорректированы, на наш взгляд, с учетом указанного фактора. Правовое поле, в рамках которого происходит работа по выявлению, сохранению и развитию НКН, должно расширяться и, тем самым, способствовать выработке конкретных шагов в решении рассматриваемых проблем. Необходимо не просто адаптировать в национальном правовом поле законодательную основу, принятую на надгосударственном уровне, а по примеру Китая, на национальном уровне, с учетом нашей специфики конкретизировать и внимательно относиться к принятию решений по наиболее существенным вопросам.

Примечания

¹ *Шебзухова М.Х.* Правовая охрана проявлений фольклора: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2002. – 169 с.; *Преснякова Л.В., Пономарчук Н.А.* Законодательство России и Китая в сфере нематериального культурного наследия: сравнительный анализ // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2016. – № 1. – С. 82–89; *Мартыненко И.Э.* Правовая охрана нематериального культурного наследия государств – участников СНГ на международном и национальном уровнях // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 2. – С. 282–293.

² *Мартыненко И.Э.* Правовая охрана нематериального культурного наследия государств – участников СНГ на международном и национальном уровнях // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – № 2. – С. 287.

³ Индикаторы ЮНЕСКО. Культура для развития. Методическое руководство / пер. на рус. яз. ОО «Казахстанская Национальная Федерация Клубов ЮНЕСКО». – Алматы, 2017. – С. 65.

⁴ Там же. – С. 66–67.

⁵ Социальная и образовательная роль музеев в продвижении принципов Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия: аналитическая записка / авт.-сост. А. Сташкевич. – С. 7.

⁶ Индикаторы ЮНЕСКО... – С. 2.

⁷ Концепция по охране нематериального культурного наследия в Республике Казахстан, одобренная постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 апреля 2013 года № 408 [Электронный ресурс] // «Tengrinews» – новостной портал : [сайт]. – URL: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazakhstan_premier_ministr_rk/kultupa/id-P1300000408/ (дата обращения: 12.03.2018);

⁸ Национальный перечень элементов НКН. Национальный комитет по охране нематериального культурного наследия Республики [Электронный ресурс] // Национальный комитет по охране нематериального культурного наследия Республики Казахстан: [сайт]. – URL: <http://www.natcom.kz/>

kz/ru/nacionalnyy-komitet-po-ohrane-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-respubliki-kazahstan (дата обращения: 13.04.2018).

⁹ Там же.

¹⁰ *Преснякова Л.В., Пономарчук Н.А.* Законодательство России и Китая в сфере нематериального культурного наследия: сравнительный анализ // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2016. – № 1. – С. 83.

¹¹ Индикаторы ЮНЕСКО... – С. 7.

¹² Международная конвенция «Об охране нематериального культурного наследия» от 17 октября 2003 года, ратифицированная Законом Республики Казахстан от 21 декабря 2011 года № 514-IV [Электронный ресурс] // «Tengrinews» – новостной портал : [сайт]. – URL: https://tengrinews.kz/zakon/parlament_respubliki_kazahstan/mejdunapodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-Z1100000514/ (дата обращения: 03.04.2018);

¹³ Индикаторы ЮНЕСКО... – С. 3.

¹⁴ Концепция по охране нематериального культурного наследия в Республике Казахстан...

¹⁵ Правила ведения Национального перечня элементов нематериального культурного наследия, утвержденные приказом Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 30 ноября 2015 года № 368 [Электронный ресурс] // «Tengrinews» – новостной портал : [сайт]. – URL: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/kultupa/id-V1500012594/ (дата обращения: 03.04.2018);

¹⁶ Закон Республики Казахстан «О культуре» от 15 декабря 2006 года № 207 [Электронный ресурс] // «Tengrinews» – новостной портал : [сайт]. – URL: https://tengrinews.kz/zakon/parlament_respubliki_kazahstan/kultupa/id-Z960000056_/ (дата обращения: 03.04.2018);

¹⁷ Там же

¹⁸ Правила ведения Национального перечня элементов нематериального культурного наследия...

¹⁹ *Преснякова Л.В., Пономарчук Н.А.* Указ. соч. – С. 83–84.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 84.

²² Там же. – С.85.

²³ Правила ведения Национального перечня элементов нематериального культурного наследия...

²⁴ *Преснякова Л.В., Пономарчук Н.А.* Указ. соч. – С. 85.

²⁵ Роль ЮНЕСКО в Казахстане / сост. М. Масанов. – Алматы, 2015. – С. 119–125.

²⁶ Национальный список нематериального культурного наследия Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Национальный комитет по охране нематериального культурного наследия Республики Казахстан: [сайт]. – URL: <http://www.natcom.kz/ru/nacionalnyy-komitet-po-ohrane-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-respubliki-kazahstan> (дата обращения: 03.04.2018).

С.Д. Бакулина

**Культурное наследие региона:
актуальные формы трансляции представлений
о ценности места и знакомства с территорией**

Аннотация. Культурное наследия региона – тот ресурс, который формирует аксиологические ценности человека на основе представлений о значении места в пространстве отечественной и мировой истории. Внимание автора сосредоточено на актуальных формах освоения социокультурного пространства, где наряду с традиционными механизмами освоения среды, например экскурсионной методикой, выступают возможности виртуального знакомства, важной составляющей которого являются интерактивные навигаторы – аудиогиды.

Ключевые слова: культурное наследие, экскурсионная методика, социокультурные проекты, традиционная культура, виртуальное освоение городской среды, образовательные и просветительские практики, региональная культура.

Интенсивность межкультурных контактов последних десятилетий приводит к актуализации вопроса о сохранении культурного наследия, которое на уровне региональной коммуникации приобретает особое значение. С одной стороны, знание специфики региональной культуры, в том числе традиций ее развития, полиэтничного и поликонфессионального наполнения – основания материального и нематериального культурного наследия, создает условия для самоидентификации населения с местом проживания. С другой стороны, формирование представлений о ресурсах территории, имеющих актуальное культурно-историческое значение не только для имиджа региона, но и для государства в целом, позволяет создавать запрос на знакомство с уникальностями места внешними жителями. При этом актуальными становятся инвестиции в создание культурного бренда территории¹. Отсюда особо значимым становится запрос на формы освоения региональной среды, в первую очередь, самими жителями региона – носителями знаний о ценностях места.

На современном этапе к таким формам знакомства с региональной культурой можно отнести следующие варианты: а) освоение региона в реальном времени, б) с помощью виртуального погружения в социокультурное пространство, в) через реальное освоение места с виртуальным сопровождением. В образовательной практике примером первого и второго вариантов может быть участие в разработке и реализации экскурсионных проектов и виртуальных экскурсий, третий

вариант направлен на актуальные аудиогиды для самостоятельного знакомства с культурой места.

Все формы освоения региональной среды вместе с механизмом их реализации (экскурсиями, виртуальными маршрутами, аудиогидами в телефонных приложениях-навигаторах) можно использовать как при знакомстве с населенным пунктом в целом, так и выбирая отдельную тему, включая круг объектов, имеющих категорию региональных памятников истории и культуры.

Обращаясь к образовательным и просветительским практикам в Омском регионе, примером первого варианта (освоение региональной среды в реальном времени) может стать разработка городских экскурсионных маршрутов, которые включают в себя объекты, ориентированные на традиционные ценности. Активную деятельность в этом направлении ведут и образовательные учреждения (например, «Школа краеведения и экскурсоведения» в Омском государственном педагогическом университете)², и общественные организации (к примеру, «Школа инструкторов» в Центре развития туризма «Увлечен и Я»)³. Участие в подобных проектах позволяет жителям мегаполиса быть не просто потребителями информации, но и активными участниками экскурсионных разработок. Этот этап предполагает освоение слушателями краеведческой информации, целого пласта методического материала, связанного с экскурсионным мастерством. Итоговый продукт способен привлечь внимание жителей и гостей города к территории как культурно значимой в пространстве отечественной и мировой истории. Так, за семь лет существования Школы инструкторов было разработано 115 экскурсий, большая часть которых посвящена традиционной культуре переселенческих народов и истории коренного населения. Разработки и сегодня пользуются спросом, дополняясь новыми предложениями от выпускников⁴.

Так, пешеходный маршрут «Таинство любви сквозь призму времени», начальная точка которого – Никольский казачий собор, а конечная – скульптура «Влюбленные» в сквере им. М.А. Врубеля, включает информацию о светских и религиозных сооружениях, поддерживающих тематику маршрута. Основная задача – включить в рассказ информацию об объектах, поддерживающих тему. Внимание может быть привлечено к строительству храмов, ориентированных на классические каноны (Никольская Казачья церковь, 1833–1840 гг.), к таинствам обручения и венчания – традиционным христианским обрядам, к скульптурам, в основу сюжетов которых легли истории взаимоотношений («Петр и Феврония Муромские», 2011 г., скульптор – С. Норышев; «Встреча», 2014 г., скульптор – И. Мишанин), к символам, играющим знаковую роль как в современной демонстрации романтических переживаний, так и в традиционной культуре. Например, од-

ним из ключевых объектов показа является скульптура А. Капралова «Яблонька», и маршрут проходит через территорию бывшего яблоневого сада. Память о нем сохраняет 129-летняя яблоня, привезенная в числе других саженцев с Дальнего Востока в 1889 году садоводом, путешественником и общественным деятелем Б.П. Ящеровым. Сегодня яблоня сибирская у Омского областного историко-краеведческого музея признана памятником природы, является свидетелем смены исторических эпох и идеологий.

В контексте разговора о яблоне уместно вспомнить о народных традициях. Так, у славян яблоко символизировало плодородие, здоровье, любовь, красоту, было эмблемой брачного союза, здорового потомства. У южных славян приглашение на свадьбу сопровождалось дарением яблок. Яблоки могли укреплять в венке невесты; при смене головного убора невесты на головной убор замужней женщины покрывало с ее головы снимали яблоневою веткой. В народе Преображение Господне именовали «Яблочным Спасом»: к этому дню поспевают яблоки, которые освящали в церкви. Говорили: «Пришёл Спас – всему час: плоды зреют», «Пришёл Спас – яблочко припас».

В сказках яблоня выступает символическим Древом жизни, Осью Вселенной в саду – образе микрокосма. В сказке о Жар-птице герой поднимается все выше, пока не достигает вершины, соприкасающейся с солнечным миром небесного вечного бытия. В национальном русском переосмыслении поиски Жар-птицы – это поиски вечной мудрости и счастья, которые герой в конечном итоге находит. Поиск истины – это отличительная черта русского характера, отраженная в работах русских философов⁵. Таким образом, сочетая в рассказе элементы русской традиционной культуры экскурсовод дает слушателям представление о формировании ее особенностей.

Виртуальная составляющая знакомства с традиционной культурой может быть связана с использованием аудиогидов-навигаторов. Одно из актуальных приложений *izi.travel* позволяет выбрать тему маршрута в соответствии с запросом на изучение объектов традиционной культуры. Кроме того, каждый, кто заинтересован вопросом наполнения контента материалом о традиционной культуре в своем регионе, может предложить собственный проект, сопроводив его аудиозаписью, фотографиями и заявкой на размещение информации в данном ресурсе⁶.

В настоящее время Омская область представлена 10 проектами, где о традиционной культуре русских переселенцев информирует музей-заповедник «Старина Сибирская» Большереченского района Омской области (Музей-заповедник «Старина Сибирская»⁷). На платформе *izi.travel* в комплекс русской традиционной культуры входят 13 экспонатов, в числе которых – Памятник Георгию Победоносцу, омшаник (зимовник для пчел), колокольня Святого Георгия Победоносца,

крестьянская изба начала XIX века, каменная лавка братьев Гладковых, дом ямщика Копьева, дом Павла Яковлевича Гладкова, дом купца Агантия Ефимовича Кубрина, детская церковь святого Благоверного князя Александра Невского, амбар.

Данный материал логично укладывается в структуру учебных программ в качестве интерактивного компонента для занятий по дисциплинам «Основы религиозных культур и светской этики», «Искусство», «Мировая художественная культура». Однако подобного аудиогuida по Омску, связанного с подачей информации о традиционной русской культуре или религиозной культуре представителей отдельных конфессий, пока нет.

Исходя из выше сказанного, отметим, что современный человек интерактивен и ему важно самостоятельно совершать открытия. Поэтому наполнение представленных форм освоения региональной среды актуальной информацией об объектах, составляющих ценностное ядро представлений о культурном наследии, станет важным шагом в процессе трансляции культурной памяти настоящим и будущим поколениям.

Примечания

¹ Минкульт РФ включил Омскую область в топ-10 лидеров по темпам развития [Электронный ресурс] // Омск-регион: информационное агентство: [сайт]. – URL: http://omskregion.info/news/64581-minkult_rf_vklyuchil_omskuyu_oblast_v_top_10_lider/ (дата обращения: 20.11.2018).

² Краеведение и экскурсоведение [Электронный ресурс] // Омский государственный педагогический университет : [сайт]. – URL: <https://omgru.ru/dopolnitelnoe-obrazovanie/dopolnitelnoe-obrazovanie-studentov-vyssshih-i-srednih-obrazovatelnyh-organizaciy/141> (дата обращения: 20.11.2018).

³ Экскурсии по Омску [Электронный ресурс] // Центр развития туризма «Увлечен и Я» : [сайт]. – URL: <http://uvlechenomsk.ru/ekskursii-po-omsku> (дата обращения: 20.11.2018).

⁴ Школа инструкторов [Электронный ресурс] // Центр развития туризма «Увлечен и Я» : [сайт]. – URL: <http://uvlechenomsk.ru/ekskursii-po-omsku> (дата обращения 20.11.2018).

⁵ *Караваева Е.В., Волкова Л.Д.* Образ «сада-рая» в национальном мировосприятии // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – Вып. 5 (158). – С. 200–204.

⁶ Приложение izi.TRAVEL : [сайт]. – URL: <https://izi.travel/ru/create> (дата обращения: 21.11.2018).

⁷ Музей-заповедник «Старина Сибирская» [Электронный ресурс] // Приложение izi.TRAVEL: [сайт]. – URL: <https://izi.travel/ru/8d70-muzey-zapovednik-starina-sibirskaya/ru> (дата обращения: 21.11.2018).

И.В. Межевикин, К.Ю. Смирных

Семейная обрядность русских Среднего Прииртышья середины XX – начала XXI века как объект культурного наследия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00121

Аннотация. Статья посвящена семейной обрядности русских, связанной с жизненным циклом человека, как объекту культурного наследия. Проанализированы локальные варианты и особенности родильно-крестильных, свадебных, погребально-поминальных обрядов.

Ключевые слова: семейная обрядность, русские, культурное наследие, локальность.

Все традиционные обряды существуют в локальных вариантах¹. Невозможность исследования некоего общего обряда для крупной этнической группы неоднократно описана в научных публикациях². А.Г. Селезнев описал ситуацию следующим образом: «Самым существенным свойством традиционной культуры является ее социальная и территориальная замкнутость, самодостаточность, локальность. <...> Родовые и общинные связи в рамках традиционной культуры являются наиболее актуальными и значимыми. <...>. Коллективы людей, существующих в рамках традиционной культуры, могут занимать значительные ареалы, но в любом случае они будут локальными, замкнутыми сами на себя»³.

Источниковую базу данного исследования образуют материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета 1991–2013 гг., в ходе которых были сделаны записи устных сообщений информаторов о различных сторонах семейной обрядности русских Среднего Прииртышья.

Семейные обряды связаны с жизненным циклом человека, поэтому зачастую многие элементы родильно-крестильной или свадебной обрядности пересекаются с погребально-поминальной. Так, например, достаточно общий характер носит запрет беременным женщинам ходить на кладбище. В то же время, встречаются локальные способы преодоления этого запрета. Так, в д. Александровка Колосовского района Омской области беременным женщинам, посещавшим похороны и поминки, обвязывали живот красной тряпкой⁴. В деревнях Окунево

и Дурново Муромцевского района Омской области записано свидетельство о том, что выкидышей хоронили в подполе, а не на кладбище⁵, аналогии чему находятся преимущественно в южнорусских губерниях Европейской России⁶. Для этнографических и фольклорных исследований характерно сравнение свадебных и поминальных плачей как символической смерти невесты для семьи родителей и нового рождения в семье жениха. Так в д. Дурново Муромцевского района Омской области «после свадьбы на дорогу стелили солому»⁷. Ближайшей аналогией можно считать традицию бросать еловые или сосновые ветки, цветы, зерно или мак вслед за гробом при движении на кладбище. Кроме того, брачные связи обуславливали формирование родовых участков на кладбищах: тенденция подхоранивать к супругу более распространена, чем подхоранивание к родителям, зачастую даже в межэтнических браках.

В семейных обрядах (родильно-крестильных, свадебных, погребально-поминальных) русских Среднего Прииртышья следует отметить ряд особенностей.

В родильно-крестильной обрядности существует множество запретов, касающихся беременной женщины. И если сами эти запреты повторяются, то их объяснения, мотивация могут быть различными. Так, по свидетельству информаторов, запрет пинать домашних животных связывают с тем, что ребенок родится «в шерсти» или «со щетиной». Например, в с. Вставском Тарского района Омской области говорят: «если пнешь собаку, то ребенка ждет собачья старость»⁸. Считается, что беременным нельзя пугаться из-за того, что ребенок вырастет пугливым⁹. Встречаются сведения и о более серьезных последствиях. В д. Шкуново Тарского района Омской области «одну женщину напугали, ребенок родился без двух пальчиков»¹⁰. Подобные варианты зачастую складываются из отдельных единичных примеров, постепенно распространяясь и приобретая статус локальной догмы.

Весьма разнятся представления о правильных сроках крещения ребенка. Так, в поселке Тевриз Омской области «обычно крестили через 3–4 дня после рождения»¹¹, в с. Петрово Тевризского района и у кержаков из д. Елизарово Седельниковского района крестили через неделю, на восьмой день¹². По словам Ефросиньи Васильевны Чекмаревой из с. Дурново Муромцевского района, «крестили ребенка обычно на тринадцатый день, но могли и позже»¹³.

Обряд крещения середины XX века не всегда осуществлялся в церкви, чему есть разные объяснения. Так, у старообрядцев крещение совершали наставники общин, «старички», в моленных домах. Из материалов экспедиции в с. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области известно, что мать информатора, хорошо знавшая все кержацкие обряды, окрестила дочь «по-кержацки»¹⁴. Но

зачастую отказ от крещения в церкви был связан не с религиозной догматикой, а со вполне житейскими обстоятельствами, такими как отсутствие церкви в населенном пункте. Так, в с. Таскатлы Колосовского района Омской области крестила «бабушка». Эта «бабушка» окунала ребенка и надевала ему крест, причем мочила только голову, а не окунала полностью¹⁵.

В целом, у сельских жителей достаточно сильно влияние рациональных соображений. Уроженка д. Александровка Колосовского района Омской области Мария Петровна Пепелко (1937 г. р.) сообщила следующее: «В церкви не венчалась. Но когда родился первый ребенок, и ехали в райцентр, чтобы его зарегистрировать, официально регистрировались и муж с женой»¹⁶. То есть регистрация брака производилась «заодно» с действительно важным делом, а для супругов важнее было сыграть традиционную свадьбу, показав родственникам и соседям, а не официальным структурам свой новый статус. В свадебной обрядности большое значение при выборе родней жениха кандидатуры невесты имело то, насколько зажиточным и уважаемым был ее род. У татар русские переняли слово «тугум» (род), и, например, в с. Бергамак Муромцевского района говорили: «У этой девушки тугун хороший»¹⁷. Даже если слова *тугум/тугун* не употребляются, в беседах подчеркивается роль родителей и окружения молодоженов. В с. Хомутинка Нижнеомского района родители парня выбирали будущую сноху. Смотрели, чтобы девушка не была «хамкой», т. е. была приветливой и послушной, а также узнавали родственников поближе, чтобы «за ними не было дурной славы»¹⁸.

Довольно сильно разнятся представления о допустимом возрасте, с которого выдавали замуж. В с. Еланка Усть-Таркского района Новосибирской области с 15–16 лет девушка могла быть просватана, если же ей не было еще 16 лет и священник отказывался венчать молодых, девушка не считала грехом «*прибавить себе года*»¹⁹. В с. Верх-Ики Маслянинского района Новосибирской области «в брак вступали примерно в возрасте 20 лет»²⁰. Преемственность отдельных элементов обряда можно проследить по источникам Европейской России. Так, в «Смоленском этнографическом сборнике» можно обнаружить следующее описание: «Вот приходят сваты заручать невесту. Стучатся в окошко: Здравствуйте, добрые люди! Не пустите ли вы переночевать? <...> У нас сегодня веселье: негде будет лечь»²¹. Аналогичный сюжет встречается в материалах п. Петени Маслянского района Новосибирской области: «Свадьба начиналась с того, что свекр приходил к отцу невесты и присился ночевать. Отец отказывал, ссылаясь на нехватку места»²².

Символизм числа три, тоекратного повторения характерен для погребально-поминальной обрядности. Так в с. Бергамак Муромцевского района Омской области был зафиксирован обычай качать

гроб с покойным трижды в створе ворот кладбища²³. Встречается и привязка к условиям конкретного географического ландшафта. Например, идея необходимости очиститься (помыть руки, а иногда и сходить в баню) после посещения кладбища является общераспространенной, но в с. Верх-Ики Маслянского района Новосибирской области существовал другой обычай: «Когда возвращаются с кладбища, идут мимо «святого» ручья, чтоб обмыться – помыть лицо, руки, ноги»²⁴. Таким образом, в процессе очищения используется объект местного ландшафта. В некоторых случаях собственное иносказательное название приобретает и само кладбище.

Тема смерти является одной из составляющих традиционной семейной обрядности. Воплощение она находит в предсказаниях, гаданиях, цикле народных примет.

По народным представлениям, основным предвестником смерти является птица, которая стучит в окно, залетает в дом. Широко известно гадание: считать продолжительность жизни по кукованию кукушки²⁵. Существовало одно из святочных гаданий: нудно пойти на перекресток и прислушиваться к доносящимся звукам, если послышатся удара топора по дереву, то означало, что гроб уже делают и смерти не избежать. Не менее серьезными считались и гадания по венку. Если венок, пущенный девушкой по воде, тонул, в этом угадывалась ее скорая кончина²⁶.

В обществе постоянно нарастает страх смерти, и следствием этого становится страх перед покойниками. Люди верят, что неправильно собранный и отправленный в последний путь мертвец может вернуться в дом и забрать в мир мертвых кого-то из близких. И потому ритуал проводов усопшего становится все более регламентированным, чтобы малейшие отступления не привели, по мнению людей, к новой внезапной смерти. К примеру, умершему связывали руки и ноги, чтобы он не мог двигаться, закрывали ему глаза и клали на веки тяжелые медные пятаки, чтобы он не смог никого увидеть и забрать с собой. С этой же целью завешивали зеркала, через которые, как считалось, можно видеть из потустороннего мира. И эта примета считалась едва ли не самой важной из всех²⁷.

Православный чин погребения рекомендует избегать суеверий, которые прочно засели в народном сознании – такие, как занавешивание зеркал, убирание вилок, оставления части блюд для умершего или стакана с водкой. Все эти суеверия, как отмечает чин, отношения к православию не имеют. На протяжении всех ритуалов погребального обряда церковь предписывает читать молитвы – Канон, «Со святыми упокой», «Трисвятое», «Отче наш» и т. д.²⁸

Существует еще одно суеверие, упоминаемое в чине и соблюдаемое в народном обряде – близкие родственники не должны нести гроб.

Согласно церковным канонам гроб с телом несут близкие родственники и друзья. Только священники не имеют права нести гроб мирянина, кем бы он им не приходился. Народные поверья о том, что во время нахождения гроба в доме нельзя мыть или подметать полы, как и о том, что после выноса тела необходимо сделать ремонт или большую уборку, в чине подтверждения не находят. Запрещает церковь и приглашение на похороны оркестра. Церковь запрещает поминать усопших вином на поминках²⁹.

Траур в современном обществе ассоциируется в основном с запретом на развлечения из уважения к умершему. Но сохраняются и традиционные представления, например, о том, что зеркала закрывают с защитными целями. А в с. Первотаровка Исилькульского района Омской области не только «завешивают зеркала», но и «останавливают часы, из помещения, где стоит гроб с телом умершего, выносят телевизор»³⁰. Поскольку от правильности обращения с умершим и самой его смерти зависело не только благосостояние родственников, но и в целом населенного пункта, сохранились, например, обычаи вызывания дождя, включающие поход на кладбище. Нечистыми могли считаться различные категории покойников, и восприятие определенных погребений как неправильных формируется в каждом конкретном месте в зависимости от местной специфики. Так, в с. Еланка Усть-Таркского района Новосибирской области лили воду на «холерные могилки», которые располагались за пределами кладбища³¹.

В с. Лукьяновка Одесского района Омской области надписи на надгробиях находятся с тыльной стороны. Местные жители дают такой особенности разные объяснения: «Тут у хохлов и таблички на могилах другие. Памятник, а сзади надпись. По-разному объясняют: традиция, мол, покойник головой к надписи и вперед смотрит – не ногами же», «подходишь, чтобы сразу видно было, а то что он будет сам на себя смотреть», «идешь и все они на тебя смотрят, поэтому у нас и таблички смотрят на дорожку, на задник памятника их крепим»³².

Традиционная семейная обрядность существует в локальных формах. Обряды русских Среднего Прииртышья весьма разнятся от места к месту, зависят от природно-географических условий, личностей, которые сформировали характерный вариант обряда.

Примечания

¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 20.

² Локальные традиции народной культуры в конце XX века: материалы регион. науч.-практ. конф. – Курган, 2002. – 121 с.; Селезнев А.Г.,

Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур Юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). – Омск, 2006. – 259 с.; *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – 512 с. и др.

³ *Селезнев А.Г.* Или-или: проблема соотношения традиционной и этнической культуры // История и культура Сибири: материалы юбилейной научной сессии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук. – Омск, 2001. – С. 144–145.

⁴ Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (далее – Архив МАЭ ОмГУ). Ф. 1. Д. 213-3. Л. 7.

⁵ Там же. Ф. 1. Д. 92-3. П. VI. Л. 123; Д. 93-2. П. III. Л. 41

⁶ *Бережнова М.Л., Назаров И.И.* Восточнославянские элементы в погребальном обряде русских сибиряков // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса; Омск, 2007. – С. 267.

⁷ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 93-2. П. IV. Л. 51.

⁸ Там же. Д. 52-2. П. II. Л. 4.

⁹ *Тигай А.* Запреты при беременности (по материалам из Каргопольского и Няндомского районов Архангельской области) [Электронный ресурс] // Ruthenia: [сайт]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Ta.htm> (дата обращения 05.04.2018).

¹⁰ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 52-2. П. II. Л. 3.

¹¹ Там же. Д. 22-2. П. IV. Л. 77.

¹² Там же. Д. 22-2. П. IV. Л. 75; Д. 212-1. Л. 44–45.

¹³ Там же. Д. 93-2. П. III. Л. 41.

¹⁴ Там же. Д. 87-2. П. III. Л. 130.

¹⁵ Там же. Д. 213-3. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 93-2. П. IV. Л. 62.

¹⁸ Там же. Д. 153-1. П. I. Л. 8.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 87-2. П. II. Л. 70.

²¹ *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник: Ч. 2. – СПб., 1893. – С. 12 (Записки имп. рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии).

²² Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 87-2. П. II. Л. 63.

²³ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 93-2. П. V. Л. 69.

²⁴ Там же. Д. 87-2. П. II. Л. 57.

²⁵ *Виноградов Г.С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири // Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. – Иркутск, 1923. – Вып. V. – С. 261–345.

²⁶ *Золотова Т.Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. – 234 с.; илл. 29.

²⁷ *Кулемзин В.М.* Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII–XX вв. // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – С. 334–383.

²⁸ Православное погребение и поминовение умерших. – М., 1998. – С. 31.

²⁹ Православный обряд погребения. – М., 1997. – С. 25.

³⁰ Архив МЭА ОмГУ 2006. П.о. 7. Л. 11 об.

³¹ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 1. Д. 153-1. П. VIII. Л. 54, 55.

³² Там же. Д. 221-3. Л. 2–5.

С.Р. Сарманова

Традиционная утварь немцев Западной Сибири

Аннотация. Статья посвящена изучению традиционной утвари немецкого населения Западной Сибири. Рассмотрены этнокультурные и локальные особенности утвари, а также представлено видовое и типовое разнообразие предметов традиционной утвари немцев.

Ключевые слова: традиционная утварь, немцы Сибири, посуда, кухня, столовая утварь.

Традиционная утварь является одним из важных компонентов материальной культуры этноса. Под термином «утварь» мы понимаем специальную посуду, предназначенную для хранения, обработки и употребления продуктов питания. Набор таких предметов, использовавшихся немцами Западной Сибири во второй половине XX – начале XXI века, был весьма широк. Краткие сведения об утвари немцев Сибири содержатся в работах А.К. Вормсбехера, Т.Б. Смирновой, И.В. Черказьяновой¹. Большое значение для обзора данной темы имеет опубликованный в 1997 г. «Каталог этнографической коллекции российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея»².

Большая часть утвари немецкого населения Западной Сибири относится к кухонной части. Использование той или иной утвари при приготовлении пищи во многом зависело от вида печи (*Ofen*). У немцев Сибири встречается несколько типов печей: вертикальные четырехгранные печи-голландки, печи смешанного типа и печи со встроенными котлами для нагрева воды и вытапливания жира, духовыми шкафами для выпечки хлеба (*Packofen*)³. Условно утварь немцев Западной Сибири можно разделить на три группы: утварь для приготовления и обработки пищевых продуктов, утварь для хранения и доставки продуктов, столовая утварь.

Местом, где готовили пищу, являлась кухня. Первоначально большую часть пищи готовили в котлах. Их также использовали для варки чая. Позже для приготовления пищи стали использовать чугуны.

Кухня также служила местом хранения многочисленной утвари. Как правило, под потолком имелась специальная конструкция (*Geschirregal, Schatulbent*) для хранения глиняной и медной посуды. Она закрывалась цветными шторами либо шторами темных тонов. Под полкой обычно подвешивалась различная кухонная утварь – толкушка,

скалка, ковши, шприц для изготовления колбасы, подставка для резки лапши, прихватки для сковородок и др.⁴

Нередко на кухне стоял и напольный шкаф для хранения столовой утвари. Своеобразным было расположение ложек в кухонном шкафу, в верхней части которого были сделаны специальные отверстия, предназначенные для их размещения. За ложками располагалась посуда. Аккуратно и красиво расставленная посуда являлась неизменным предметом гордости хозяйки⁵.

Кроме того, на кухне располагался обеденный стол. Рядом с печью хранились печной инвентарь, утварь, необходимая для приготовления пищи, а также бочки с водой. В некоторых немецких семьях стол выдвигался только во время приема пищи. В выдвижном ящике стола лежали ножи, ложки и вилки. У стены находился сундук, в котором хранилась мука⁶.

Кроме кухни в каждом немецком доме имелась летняя кухня (*Sommerküche*, *Summerküche*, *Packhaus*), в которой во время зноя собиралась вся семья. Она нередко служила и столовой. Здесь находилась печь для приготовления пищи. На кухне располагались стол со стульями и полка для хранения посуды⁷.

Утварь немецкого населения имела территориальные различия. Например, в с. Литковка Тарского района Омской области большой популярностью пользовалась утварь, изготовленная из бересты. Береста и дерево были здесь наиболее доступным и массовым сырьем. Основным критерием подбора березы являлось наличие относительно ровной, без наростов, коры. Сбор бересты для посуды производился в период с середины июня до конца июля, во время активного сокодвижения в березе. В этот период берестяная кора была наиболее эластичной и достаточно легко отслаивалась. Берестяные изделия были представлены преимущественно туесами для хранения напитков и сыпучих продуктов⁸.

В прежние времена народный напиток (*Volksgetränk*) кофе, недоступный большинству немцев, изготавливали в домашних условиях из пережаренных зерен ячменя, пшеницы, овса, гороха. С этой целью делали ручные кофемолки. Девушка, выходящая замуж, должна была иметь приданое, состоящее из предметов кухонной утвари, обязательным элементом которой был кофейник.

В целом, утварь немецкого населения во многом была схожа с утварью соседних народов. Однако встречались и специфические виды утвари: шприц для изготовления колбасы (*Woschtspritze*), подставка для резки лапши (*Nudelschneide*, *Nudelbrett*), скалка с подвижными ручками (*Nudelholz*, *Wergelholz*), корыто для замеса теста (*Backtrog*) и др. Отличием утвари немцев было и то, что разные ее виды имели собственное название на немецком языке.

Среди различных видов утвари большое распространение получила утварь для выпечки хлеба и приготовления мучных изделий, что свидетельствует о доминировании в немецкой кухне изделий из муки и теста.

Своеобразием отличались и чугунные вафельницы, на лицевой стороне которых был отлит рецепт приготовления вафель на немецком языке. Когда-то они были привезены предками немцев-переселенцев из Германии и передавались из поколения в поколение. Так, в с. Замелетеновка Любинского района Омской области было три таких вафельницы на всю деревню⁹.

Для хранения многочисленной утвари, помимо кухни, использовались сени. Раньше, когда не было холодильников, продукты хранили в погребе (*Keller*). Напитки и молочные продукты хранили в глиняной посуде фабричного производства.

В целом, в немецких семьях в большом количестве имела различная деревянная, глиняная и металлическая утварь. Значительная часть столовой посуды была изготовлена из фарфора и фаянса.

В настоящее время наряду с традиционной утварью широко используется эмалированная и стеклянная посуда, много современных бытовых приборов, в том числе электрических.

Примечания

¹ *Вормсбехер А.К.* Немецкая деревня в Сибири. История и будни. – М., 1993. – С. 222–225; *Смирнова Т.Б.* Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск, 2020. – С. 95; *Черказьянова И.В.* Историко-этнографическая коллекция российских немцев в собрании Омского историко-краеведческого музея // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М., 1996. – С. 392–396.

² Каталог этнографической коллекции российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. И.В. Черказьянова; отв. ред. П.П. Вибе. – Омск, 1997. – С. 30.

³ *Смирнова Т.Б.* Указ. соч. С. 91–92.

⁴ Архив Музея археологии и этнографии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (далее – Архив МАЭ ОмГУ). Ф. I. 2000. Д. 151-1. Л. 18–19.

⁵ *Вайман Д.И., Черных А.В.* Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX – начало XXI в.). – СПб., 2008. – С. 88.

⁶ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. 2000. Д. 151-1. Л. 18–19.

⁷ *Василенко В.Н.* Быт колонистов Люстдорфа на рубеже XIX–XX вв. // Немцы Одессы и Одесского региона: сборник докладов, сделанных на международных научных конференциях в Геттингене (Германия). – Одесса, 2003. – С. 237–251.

⁸ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. 2008. Д. 206-1. Л. 9.

⁹ Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. 2007. Д. 189-1. Л. 61.

Ю.Р. Горелова, Н.Ф. Хилько

Организационные формы реализации педагогических технологий в системе медиаобразования

Аннотация. В статье рассматриваются различные организационные формы реализации медиапедагогических технологий. Авторы предпринимают попытку выявить специфику реализации педагогических технологий в рамках организационных форм разного уровня (профессионального, полупрофессионального, любительского) и в зависимости от приоритетных целей участников медиаобъединений. Авторы рассматривают особенности деятельности таких форм организации, как клубы любителей фототехники, фотолюбителей, фотостудии, фотомастерские, художественные фотошколы, союзы фотолюбителей и др.

Ключевые слова: фотопедагогика, медиаобразование, типология организационных форм деятельности в медиасфере, фотошколы, фотоклубы, фотообъединения, фотосоюзы, фототворчество, медиаобразовательные технологии.

В последнее время в системе образования происходят значительные изменения, связанные с формированием новой образовательной парадигмы, важнейшим тезисом которой является рассмотрение образования в качестве важнейшего ресурса развития культуры и общества, интеграция культуры и образования. Эти процессы напрямую связаны с актуализацией внедрения инновационных технологий в сфере образования.

Если мы понимаем культуру в широком смысле, то образование является одной из ее подсистем. Естественно, что изменения в корневой системе непосредственным образом затрагивают все подсистемы. Одной из ключевых характеристик современной культуры является ее медийный, аудиовизуальный характер. Если при этом учесть, что именно образование является тем информационным каналом культуры, который обеспечивает культурную преемственность, целостность и сохранность базовых культурных установок, то вполне очевидным является повышенная значимость разработок в области педагогических технологий именно в сфере медиаобразования.

Многие современные исследователи отмечают изменение роли медиаресурсов в современном образовании, утверждая, что на современном этапе они действуют не только как средство передачи информации, но и как источник информации, равный учителю и, в то же время, конкурирующий с учителем¹.

Массовое медиаобразование может существовать в трех формах: в учреждениях дополнительного образования и досуговых центрах; как дистанционное медиаобразование школьников, студентов и взрослых с помощью телевидения, радио, сети Интернет; как самостоятельное и непрерывное медиаобразование². Вызовом современности является внедрение инновационных методик работы в рамках каждого из отмеченных выше уровней.

В данном исследовании выявляется специфика реализации различных педагогических технологий в рамках организационных форм разных уровней (профессионального, полупрофессионального, любительского) и разных приоритетных целей участников.

Различные педагогические функции реализуются через соответствующий вид педагогических технологий, таких как творческая самореализация и продуктивность; саморазвитие, техническое и эстетическое продвижение; формирование рекреационной активности; творческое общение; обретение коммерческой состоятельности и самореализации и др.

В этом смысле функции и процессы медиаобразования близки технологиям, активно разрабатываемым современными исследователями в области арт-педагогике. Стоит согласиться с мнением Л.А. Маковец, что на современном этапе функции педагога, работающего в области искусства, должны предполагать не просто обучение определенным навыкам (рисования или же фотоискусства), но и «развитие способности к самовыражению, самопознанию, к приобретению коммуникативных навыков»³.

Рассматриваемые медиапедагогические технологии исходят как из однородных, так и из комбинированных интересов фотолюбителей, которые подлежат изучению. Последние определяют соответствующую типологию фотолюбителей и организационные формы, которые способствуют объединению однородных участников. Внутри каждой организационной формы определяются преобладающие виды деятельности. Все это в совокупности составляет функционально обусловленный вид медиапедагогической технологии.

Организационные формы реализации медиапедагогических технологий могут быть различными в зависимости от приоритета тех или иных целей и задач их участников, также они будут различаться в зависимости от уровня (профессионального, полупрофессионального, любительского).

Организационные формы высокого (полупрофессионального) уровня могут быть представлены такими образованиями, как клубы любителей фототехники и клубы фотолюбителей.

Клуб любителей фототехники. Этот тип организации соответствует типу фотолюбителя-техника и основан на интересе к овладению

техникой. Здесь преобладают формы деятельности, связанные с внедрением новых технологий, освоением новой техники, с приобретением и распространением. Руководитель работает здесь по принципу пробуждения инициативы у участников, построенной на техническом продвижении для фотолюбителей-пользователей. Клуб фотолюбителей собирает фотолюбителей-зрителей. Восприятие фотоискусства средни восприятию экрана.

Фотоклубы являются объединениями непрофессионалов, нуждающихся в творческом общении и формировании рекреационной активности. Здесь развивается коллективная творческая деятельность, в которой важное место занимают шоу фотокритиков, творческие встречи, совместное посещение фотовыставок. Здесь ведущим направлением в воспитании зрителей является нравственное воспитание. Такого рода направленность строится на создании некоторой привлекательности фотовыставки.

Интересы фотолюбителей также реализуются посредством различных организационных форм, таких как фотостудия, фотомастерская, художественная фотошкола и др.

Фотостудия является самой простой формой, деятельность которой построена на творческом тренинге. Примерами такой современной фотостудии являются творчески направленные организации в Кузбассе. Преодолевая кризис технологий, В.А. Ким разработал свою авторскую методику фотостудийной деятельности, построенную на следовании интересам детей. Учитывая, что «кардинально изменилось само отношение к фотографии как таковой, ее имидж упал до уровня бульварной продукции, в которой преобладают фотографии гламурные, рекламные, со сценами насилия, спекулятивные, порнографические и т. д.», педагог справедливо утверждает, что «говорить в таких условиях о художественной фотографии, пытаться завлечь в детские фотостудии детей не для коммерческой съемки, а для собственного творчества чрезвычайно тяжело», поэтому «приходится идти навстречу детям, занимающимся в фотостудии: создавать им такие условия, в которых преобладали бы занятия в игровой форме, интересной для их возраста»⁴.

Далее идет *фотомастерская*, в которой обучение построено на передаче творческого опыта фотохудожника-мастера. На следующем уровне стоит базовая художественная *фотошкола*, в которой обучение проводят несколько преподавателей. Ее разновидностью является школа фотодизайна (была в Сыктывкаре) или фотоотделение в школах искусств, которое в практике медиаобразования существовало как Центр фотохудожественного развития (Орел). Наконец, повышенный уровень начального фотообразования, рассчитанный преимущественно на взрослую аудиторию, представляет собой *отделение фотоискусства* в народном университете культуры.

Примером такой творческой организации являлся существовавший в Москве Заочный народный университет искусств – ЗНУИ, в котором в 70–80-х гг. XX в. было такое фотоотделение. Здесь обучение велось по типу общественно организованных курсов высшего профессионального образования, основанных на полидисциплинарной основе. Традицию такого рода образования заложили в 30-е годы XX в. А.В. Луначарский и Н.К Крупская. Сегодня это формы дистанционного образования.

Наконец, неким связующим звеном фотолюбителей–художников является их объединение в общественную организацию – *союз фотолюбителей*, который существует как коллектив-спутник при сообществе профессионалов или деятелей фотографии, любителей фотоискусства, объединенных в некоммерческую региональную организацию. В Омске объединения фотолюбителей в разное время создавали разного рода инициаторы: В.Г. Швецов, И.Д. Гильз, Ю.М. Немилостивый, В. Мельниченко. Они имели большой общественный резонанс и активизировали фотолюбительское движение, его взаимодействие с фотохудожниками, повышали фотографическую культуру города (наличие творческого календаря фотоискусства города, взаимодействие с другими общественными союзами города и страны, периодичность и творческий уровень фотовыставок, работу фотогалерей, проведение уникального для города фотофестиваля и т. д.).

Интерес к фотодокументам, вызывающий к жизни фотолюбителей-репортеров, требует специфических организационных форм: это *школа фотожурналистики* или союз фотожурналистов-любителей. Школа фотожурналистов или союз фотодокументалистов могут существовать автономно или в составе фотохудожественных форм в зависимости от направленности деятельности. Медиапедагогическая технология в данном случае основывается исключительно на творческой самореализации и саморазвитии. Формы деятельности схожи с предыдущими формами: отчетные, персональные, тематические уроки основ изобразительной публицистики; выездные и уличные, студийные документально-художественные (социальные) фотовыставки (фотопрезентации, совместные социальные съемки, фотоэкскурсии, летние фотошколы, олимпиады по кино-, фото-, видеотворчеству.

Для объединений любителей хобби-уровня также существуют свои организационные формы. Одной из таких специфических форм работы может стать организация музейного фотоклуба (сообщества фотоколлекционеров), построенного исключительно на саморазвитии. Виды деятельности такого объединения своеобразны и не повторяют виды предыдущих форм: обмен фотоколлекциями, фотосалоны, открытие выставок фотоколлекций, экспозиций и музейные экскурсии. Данная форма эксклюзивна и существует исключительно стихийно.

Интерес к фотосъемке на природе и в путешествиях объединяет фотолюбителей-туристов, фотоохотников и т. д. в клуб фотонатуралистов, (фототуристов, фотопутешественников, фотоэтнографов, фотоохотников). Такого рода объединения существовали в начале XX века в составе Русского Географического общества. Вне сферы профессиональных занятий эта деятельность способствует формированию рекреационной активности. Здесь также нужен фотопедagog-мастер. Для полноценной деятельности очень важны: собрания фотолюбителей, совместные походы, концертные презентации коллективного слайд-шоу, авторские и коллективные фотовыставки, фотоэкскурсии, фотопутешествия, фототуры, фотоэкспедиции.

Клубы фотоэкспериментаторов основаны на продуктивной самореализации и деятельности педагогов-инициаторов. Виды деятельности здесь имеют своеобразную направленность: презентация инноваций, новых способов комбинированной фотосъемки и монтажа.

Гармоничное сочетание технического, художественного интересов и коллекционирование фотографий и техники позволяет любителям объединяться в клуб фотоманов (фотоколлекционеров, любителей фотографии), медиапедагогическая деятельность которого строится на формировании рекреационной активности в составе некоторой деятельности, по подобию меломанов, киноманов и библиофилов и т. д., благодаря фотопедagogу-инициатору.

Клуб фотоизобретателей и рационализаторов объединяет любителей, интересующихся техникой и ее усовершенствованием. Это – фотолюбители-изобретатели. Они также требуют от медиапедагога-инициатора продуктивной творческой самореализации. У них популярны свои виды деятельности: защита и обнародование фотоизобретений, заседания клуба, конкурс фото изобретателей и рационализаторов.

Совершенно прагматические интересы к личным и коммерческим фотоуслугам требуют и своих форм: фотокурсов, коммерческих фотошкол, семейных фотоклубов. Медиапедагогическая направленность здесь проявляется в другом – в сочетании коммерческой состоятельности и самореализации (рост мастерства в фотопредпринимательстве). Соответственно и виды деятельности здесь также иные: бизнес-презентации, уроки фототехники и технологии фотосъемки и монтажа, фотомаркетинга и семейного фотобизнеса, фотопредпринимательства и фотобизнеса, конкурсы семейной фотографии и фотодиазистий.

Формирующийся с помощью рекламы интерес к исцелению творческим самовыражением в фотообразах может реализовываться в форме арт-терапевтического фотоклуба (фотостудии для людей с ограниченными возможностями развития). Появился новый тип фото-

любителя-пациента, медиапедагогическая деятельность для которого также основана на продуктивной творческой самореализации. Виды деятельности в терапевтическом фотоклубе зависят от диагностики и состояния участников и могут быть разнообразны: арт-терапевтические консультации, сеансы исцеляющих фотопросмотров, фотодиагностики, рецепты фотозаданий, исцеляющие фотопроекты, защита арт-терапевтических фотопрезентаций, фотоколлекций, фотовыставок, фото пленэры, фотоспектакли.

В XXI в. фотошколы начали приобретать многоступенчатый характер и коммерческую направленность. Они становятся частью фотобизнеса, ориентирующего либо на него или на взаимодействие коммерции и творчества. Однако вариант классической фотошколы позволяет позиционировать ее в рамках различных организаций по ведомственной подчинённости: художественного фотомузея (фотоотдела); школы искусств; художественной школы; станции юных техников; лицея искусств; фотокласса (кинокласса). Эти варианты время от времени находят свое инициативное и формализованное воплощение. При этом образцом для них служат Московская школа фотографии и мультимедиа, фотошколы в музее Русской фотографии в Нижнем Новгороде и в Доме Метенкова в Екатеринбурге, фотошкола в Каунасе и др.

В связи с расширением цифровых технологий фототворчество любителей получило широчайшее распространение, но тем более становится очевидным его доместикация, то есть замыкание в домашнем кругу. Отсюда напрашивается необходимость в организации фотошкол, фотостудий и фотоклубов для разных возрастных и социальных категорий.

Примечания

¹ Тюнников Ю., Афанасьева Т., Мазниченко М., Казаков И. Успешность непрерывного образования: роль и возможности среднего ресурса // Медиаобразование. – 2018. – № 1. – С. 28–38.

² Минбалеев А.В., Бесова Е.С. Допрофессиональное медиаобразование и журналистика // Медиаобразование. – 2008. – № 4. – С. 4.

³ Маковец Л.А. Арт-педагогика в современном образовании // Педагогический журнал. – 2017. – Т. 7. – Вып. 6А. – С. 39.

⁴ Ким В.А. Кино, Интернет и детское фототворчество // Медиаобразование. – 2011. – № 1. – С. 69.

В.И. Гутьра

Формирование кибердействительности: сетевое пространство экопоселенцев

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Новые экологические движения России в социальном окружении: взаимодействие с политическими, образовательными, информационными институтами», проект № 17-01-00423

Аннотация. Данная работа расширяет существующие исследовательские рамки антропологии, направляет её в сторону изучения субкультур, новых религиозных движений, производственной и технологической культуры, интернет-пространства как важного элемента современного мира. В первую очередь внимание фокусировалось на изучении вопроса сосуществования современных технологий с религиозными и бытовыми представлениями экопоселенцев на примере общин родноверов и анастасиевцев Омской области. Междисциплинарность работы позволяет более объективно рассмотреть феномен новых религиозных движений в контексте интернет-пространства и тем самым осуществить полноценный анализ культурных универсалий указанных социальных групп.

Ключевые слова: антропология, интернет, субкультура, религия, экоселения, социальные сети.

Истинный эзотеризм не боится противоречий.

У. Эко. Маятник Фуко

Информационный век изменил наше представление об общении, создал множество вариантов для поиска партнера, друга, сподвижника или единомышленника. Благодаря постоянному расширению социальных сетей мы редко можем отличить существующую действительность от выдуманной, реальные факты от фейковых новостей. Чем глубже идет погружение человека в киберпространство, тем более уверенными и обоснованными становятся его антинаучные убеждения, так как в этой действительности он без труда находит единомышленников, а может, и последователей, которые, в свою очередь, становятся ретрансляторами новых теорий заговоров, божественных истин и т. д.

Объединяясь в группы, которые противостоят «слепому» большинству, эти люди чувствуют свою избранность, противопоставляя себя миру. Благодаря «умным» лентам новостей, которые форми-

руются на основе алгоритма интереса, информационные каналы этих людей фактически полностью состоят из «правильных» постов и новостей, а те реальные данные и факты, которые проскальзывают перед их глазами, выглядят как фейковые. Тем самым формируются закрытые сообщества, которые по своим взглядам могут отличаться не только от общепринятых норм и традиций, но и противоречить начальному курсу школьного образования.

Создание особого информационного поля продиктовано реальной действительностью, в рамках которой люди либо не удовлетворяют в полной мере свои экзистенциальные потребности, либо хотят расширить существующие области социальных контактов. Рассматривая в качестве особых групп общины родноверов и анastasиевцев Омской области, удалось проследить их активность в социальных сетях, мало чем отличающуюся от пабликов и групп других сообществ. Расширяя территории исследования благодаря интернет-пространству, удалось осуществить анализ активности выделенных культурных групп и изучить их медийную основу, которую они самостоятельно создают, привлекая к себе новых и новых единомышленников.

В качестве поля исследования были выделены такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм». Именно на данных информационных платформах количество пабликов и групп, которые выстроены вокруг тем, которые являются либо характерными, либо прямо называющими себя последователями культурных реалий родноверов и анastasиевцев, оказалось наибольшее количество. Анализировались материалы других открытых источников сети Интернет и данные экспедиций 2017–2018 гг. Стоит отдельно упомянуть Международную социальную сеть «Звенящие кедры России». Данный интернет-портал дает представление о социокультурных универсалиях общин анastasиевцев и может служить в качестве материала для исследования указанной группы.

Широкое распространение в сети Интернет получили разнообразные сайты знакомств, которые направлены на создание пар для отношений, поиска партнера для создания семьи. Безусловно, продолжение рода и преодоление одиночества является одной из важнейших тем не только современного мира, но и всей истории человечества, следовательно – всей мировой культуры. В этом ряду не стали исключением из правил и представители общин родноверов и анastasиевцев. На разных интернет-платформах, в социальных сетях, беседах и группах созданы специальные темы, которые звучат следующим образом: «Знакомства для совместного будущего» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Звенящие кедры России»), «Светёлка для знакомств» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Родноверы. Славяне. Язычники»), «Группа поиска вторых половинок», «Брачные слеты» (Международная

социальная сеть «Звенящие кедрь России»), «Знакомство вторых половинок» (социальная сеть «Одноклассники») и т. д.

Особенностью данных групп является особый язык, на котором переписываются члены сообществ. Он разительно отличается от принятого стиля общения в социальных сетях: «...ищу своего Ясного Сокола, чтобы подарить ему любовь и теплоту души своей, быть хорошей женой и матерью» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Родноверы. Славяне. Язычники»); «...Здравия всем! Живу в деревне Ярославской области. Пенсионер. Готов принять хорошую женщину для создания Родового поместья» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Звенящие кедрь России»). Большую роль при поиске партнера уделяется вопросу создания семьи и переезда в «родовое поместье»: «...Познакомлюсь с мужчиной-единомышленником для совместного создания родового поместья и пространства любви в нём» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Звенящие кедрь России»); «Ищу спутницу для неспешного переезда в РП и сотворения семьи» (социальная сеть «Одноклассники», сообщество «Звенящие кедрь России»).

Позиционирование данных групп ведется через ретрансляцию той концепции, которая была создана в их общинах, поэтому паблики являются калькированием идеологии как родноверов, так и анastasиевцев.

Темы, которые поднимаются на указанных интернет-платформах, не заканчиваются на вопросах, связанных с поиском вторых половинок. Спектр тем, которые поднимаются в социальных сетях, очень широкий – от технологий зачатия детей до особенностей погребальных обрядов. Для представителей сообщества «Звенящие кедрь Росси» важным является соответствовать всем постулатам, которые были предложены В. Мегре в серии книг о богине Анастасии, поэтому в беседах они делятся даже очень личной информацией, например, о зачатии детей «...Потом, я рассчитала, чтобы время зачатия пришлось на выходные, мы жили в лесу, у озера, в палатке. Хотя и не посажены нашей рукой деревья, но я к каждой сосенке подошла... Настрой был, мы представили дочку нашу, всё до мельчайших деталей продумали...» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Звенящие кедрь России»). Автор акцентирует внимание на необходимости не только правильного зачатия и рождения ребенка, но и важности его воспитания: «Живём в вонючей квартире, даже дачи нет, всё планируем переехать... а ребёнку уже 11 месяцев... Она у меня встала в 5, села в 6, пошла в 9... Всё понимает, говорит пару слов. Осознанный взгляд и улыбка с рождения! Идеального ребёнка мало родить, нужно ещё не испортить» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Звенящие кедрь России»). «Экологическое воспитание ребенка – это один из самых важных аспектов развития полноценной личности... Живыми существами окружающей природы выступают обитатели тонкого,

невидимого мира: водяные, лешие, домовые, ветры и облака, горные жители» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Родноверие»).

Не менее важную роль в жизни экопоселенцев играет создание уюта и комфорта в их собственных жилищах. Множество названий бесед отсылают нас к вопросам, связанных с интерьером и убранством домов: «Организация поселений и поиск соседей», «Дом в согласии с природой», «Советы начинающим по строительству поселения» и т. д. В каждой из указанных групп даются важные и практические советы об организации хозяйства с учетом сложившихся представлений в общине: «...А отходы другого рода лучше использовать для компоста. Удобрения тоже нужны. Это ведь ещё и информация о человеке. А про то, где расположить пчелиные ульи, так у Анастасии очень хорошо всё описано» (социальная сеть «Одноклассники», сообщество «Звенящие кедры России»).

Во всех культурах мира важную роль играл вопрос о смерти. Погребальный обряд, как особый социокультурный феномен, существует у множества народов, племен и т. д. Не стали исключением и представители общин анастасиевцев и родноверов. В социальных группах на разных интернет-площадках ведутся дискуссии о том, как похоронить усопшего будет максимально правильно, с учетом всех существующих норм и правил. Периодически в группах возникают споры; чаще всего они происходят из-за «размытости» в описании обрядов со стороны авторитетных представителей, которые являются основоположниками изучаемых нами движений: «Лично мне нравится, как это описал Мегре. То есть захоронить умершего на родине (РП), без всяких памятников, на месте захоронения посадить какое-нибудь многовековое дерево. А вообще, по желанию конкретного человека». «С третьей, Мегре подсказывает очень хорошую идею, но в эзотерике есть и еще версия, что хоронить лучше подальше от домов, как-то это связано с подпиткой энергии» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Звенящие кедры России»). Как мы видим, смерть, которая вызывала множество вопросов и опасений на протяжении всей истории человечества, по-прежнему остается важной темой для понимания и обсуждения среди экопоселенцев.

Все большую силу в последнее время набирает политика монетизации социальных сетей. Центральную роль в этом процессе играет социальная сеть Инстаграм, которая используется многими компаниями и индивидуальными предпринимателями как площадка для реализации товаров и услуг. Социальная сеть «ВКонтакте» также играет значительную роль в продвижении рекламного контента на своей платформе. Несмотря на заявление лидеров некоторых родовых и экопоселений о тлетворном влиянии коммерции на человеческую душу, на просторах сети Интернет существует множество групп и страниц, которые нацелены на реализацию производимой продукции с целью получения прибыли.

Представители славян-родноверов особое внимание уделяют продаже сувенирной продукции – фигурок славянских божеств, различного рода амулетов и талисманов, лечебных трав и т.п. «Славянская символика из серебра и золота! Шнурок в подарок! Возможно оплатить на почте при получении! Бесплатная доставка при заказе от 2 шт.». «Здравия! Продаю кумир Сварога, 25 см, 1000 р.» (социальная сеть «ВКонтакте», группа «Славянское родноверие»). Помимо материальных ценностей в данной группе можно найти и образовательные курсы, и другие коммерческие предложения, но с учетом тематик групп: «А я хочу дать инфу для любителей книг славянской тематики!! Сейчас практически осталось два издательства, занимающихся этими вопросами серьезно!!» «Личный помощник – Родновер (молодой мужчина или женщина), желательно не москвич, находящийся в ситуации, когда он замотивирован на зарабатывание и активные действия... Основные задачи: помощь в написании книги (поиск сотрудников по необходимым областям, понимание пошагово, как и где книгу возможно издать и т. д.), создание электронных площадок (сайт, форум, рассылка объявлений) по нескольким направлениям (родноверие, НКО, т. д.), обзвон и отсеивание от сотрудников, до врачей, генетиков, программистов, строителей, технические вопросы, разобраться в сути, как работает тот или иной механизм, анализировать информацию в интернете, находить первоисточники, информацию, которая действительно может быть правдивой... Для иногородних возможно проживание в доме работодателя (дом большой). З/п от 50 000 руб...» (социальная сеть «ВКонтакте», сообщество «Славяне. Родноверы. Язычество»).

Для представителей общин «Звенящие кедровые России» коммерческая деятельность является привычным и хорошо организованным процессом. Отдельные сообщества в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассниках» предлагают широкую брендированную продукцию: кедровые масла, чай, орехи, мед, лекарственные травы и т. д. Как и в предыдущем примере, основной уклон сделан на природной чистоте продукта, на его уникальных свойствах, выведенных благодаря правильной организации производства, основанной на трудах В. Мегре. Вместе с продуманной маркетинговой кампанией, которая подкрепляется деятельностью специального магазина на официальном сайте движения «Звенящие кедровые России», существует множество «кустарных» производителей как продукции, отсылающей к культурным универсалиям антастасиевцев, так и блогеров, которые осуществляют продвижение личных страниц для продажи рекламы в социальной сети «Инстаграм», основывая контекст на узнаваемой тематике. Для поиска необходимой информации на данной интернет-платформе существует специальный хэштег «звенящиекедровыероссии», который выдает больше 45000 публикаций по заданной теме. Переходя по другим страницам

данной сети, находим и записанные сторис, в которых объясняется значение кедрового жмыха в рационе человека и предложение его приобрести. Большим плюсом является сопровождение многих аккаунтов дублерами-зеркалами на английском языке, что дает основание для вывода о международном значении данного проекта.

Подводя итоги осуществленного исследования, стоит остановиться на основных постулатах – «краеугольных камнях» идеологии изучаемых сообществ. Указанные в работе экопоселенческие общины неоднократно в своих интервью указывали на необходимость возвращения к своим корням и отказа от порочных благ цивилизаций¹. Лидерами некоторых сообществ (поселение Имбирень Омской области) высказывались мнения, что электричество – «вынужденное зло». Рассуждений о коммерческой деятельности представителями общин обычно не велось, а вопрос о существовании товарно-денежных отношений внутри самой общины либо игнорировался, либо указывалось на их незначительную роль. Для многих поселенцев переезд в «родовые поместья» или экопоселения был попыткой вырваться из тех оков, которые на них налагал город, но в киберпространстве они продолжают привычную для них жизнь, как и до переезда.

При изучении социальной активности представителей поселений мы можем убедиться, что в них присутствует стремление интегрироваться в киберпространство. Для своего комфорта и удобства ими создаются такие зоны, в которых они будут окружены единомышленниками и, оставаясь в цивилизационно-информационном поле, избегают соприкосновения с той действительностью, которая им представляется враждебной и ошибочной.

Перспективы развития темы новых религиозных движений в интернет-пространстве представляются обширными. Через персональные страницы в социальных сетях мы можем проследить трансформацию взглядов как лидеров общин, так ее рядовых членов; увидеть территорию распространения различных движений; получить дополнительный источник для исследований, так как современные мировые тенденции все больше призывают людей при помощи социальных сетей проявлять свой «социально-информационный эксгибиционизм», следовательно, поле для изучения в области социальной антропологии будет только расширяться.

Примечание

¹ Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Гутьра В.И. Горожане вне города: полевое этнографическое исследование новых экопоселений на территории Омской области // Вестник Российского Фонда Фундаментальных Исследований. Гуманитарные и общественные науки. – М., 2017. – С. 150–160.

- Алисов Дмитрий Андреевич** – начальник отдела Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), доктор исторических наук, доцент (E-mail: alisovd@rambler.ru).
- Бакулина Светлана Дмитриевна** – доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета, кандидат культурологии, доцент (E-mail: svbakulina@yandex.ru).
- Генова Нина Михайловна** – заведующий кафедрой театрального искусства и актерского мастерства Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент (E-mail: kafedra.tiam@mail.ru).
- Гефнер Ольга Викторовна** – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, кандидат исторических наук, доцент (E-mail: gefner@rambler.ru).
- Горелова Юлия Робертовна** – ученый секретарь Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), кандидат исторических наук, доцент (E-mail: gorelovaj@mail.ru).
- Гутыра Валерия Игоревна** – младший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (E-mail: gutira@mail.ru).
- Золотова Татьяна Николаевна** – заместитель директора, ведущий научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), кандидат исторических наук (E-mail: zolotovat2012@mail.ru).
- Межевикин Иван Владимирович** – младший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), магистр истории (E-mail: sfrik@list.ru).
- Петренко Ольга Владимировна** – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), кандидат исторических наук (E-mail: olgap26g12@mail.ru).
- Сарманова Сулушаш Рахимжановна** – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), кандидат исторических наук (E-mail: kurmanova-slu@mail.ru).

- Селезнева Ирина Александровна** – директор Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доцент, кандидат исторических наук (E-mail: ir_selez@mail.ru).
- Смирных Ксения Юрьевна** – младший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), старший преподаватель кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, магистр истории (E-mail: mart188@mail.ru).
- Сураганова Зубайда Кабиевна** – ученый секретарь государственного историко-культурного музея-заповедника «Бозок» (Астана), кандидат исторических наук (E-mail: suraganova_zk@mail.ru).
- Томилов Николай Аркадьевич** – заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук, профессор (E-mail: n.a.tomilov@gmail.com).
- Фурсова Елена Федоровна** – ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), доктор исторических наук, профессор (E-mail: mf11@mail.ru).
- Хилько Николай Федорович** – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Омск), профессор кафедры кино-, фото-, видеотворчества Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор педагогических наук, доцент (E-mail: fedorovich59@mail.ru).
- Шелегина Ольга Николаевна** – ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск), методист Музея «Заельцовка» (филиал) Музея Новосибирска, доктор исторических наук (E-mail: oshelegina@yandex.ru).

Научное издание

**Культурологический сборник:
исследования по культуре Западной Сибири
и Северного Казахстана**

К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия

Главный редактор *И.А. Селезнева*
Ответственный редактор *Т.Н. Золотова*
Редактор *Ю.Р. Горелова*

Электронное издание

Публикуется по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва